

Тюстаб Леруж

Тюстаб
Леруж

**ВОЙНА
ВАМПИРОВ**

Фантастическая, диллогия классика французской приключенческой литературы Гюстава Леруа продолжает серию малоформатных изданий «Януса», открытую шеститомником Г. Р. Хаггарда.

Гюстав Леруж

**Война
вампиров**

Фантастическая дилогия

ПЕРМЬ, 1993

Гюстав Леруж

**Пленник
Марса**

Роман первый

«ЯНУС»

ББК 84.4 Фр.
Л49

Перевод *М. и Е. Сушарников*

Редактор *В. Азарский*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

А. Гладков (директор)

В. Смоляков

В. Ширинкин

С. Пятунин

Л $\frac{4703010100-030}{Д25(03)-93}$ Без объявл.

© М. и Е. Сушарников,
перевод, 1993.

© ОсОО «Янус», оформление,
1993

ISBN 5-87916-030-0

ТАИНСТВЕННЫЙ ДОМ

— Значит, ты решительно покидаешь нас? — спросил Ральф у своего друга Роберта Дарвела.

— К сожалению, дорогой. Ты же сам понимаешь, что никак невозможно упустить столь великолепный шанс. Этот господин Ардавена, который так оригинально приглашает меня встретиться, наверняка богатый фабрикант или промышленник, желающий использовать мои изобретательские способности в своих интересах. А поскольку в кошельке у меня давно ветер свищет, то я могу считать, что удача мне поистине улыбнулась!

— Дай Бог, чтоб ты не ошибся! — скептически заметил Ральф Питчер. — На мой взгляд, тон послания несколько неопределенный.

Роберт вынул из кармана лист бумаги,

исписанный неразборчивым витиеватым почерком, и прочел вслух:

«Глубокоуважаемый сэр!

Я имел честь ознакомиться с Вашими работами и, узнав, что Вы много путешествовали, решил предложить Вам достаточно серьезное предприятие, которое, надеюсь, Вас заинтересует. А потому предлагаю встретиться лично в пятницу в десять вечера по адресу Ярмут-стрит, номер 15. Убедительно прошу Вас явиться, ибо дело представляет исключительную важность для нас обоих.

А р д а в е н а.

— Гм! Не очень похоже, чтобы это писал фабрикант или промышленник! — все так же недоверчиво буркнул Питчер.

— Может, он чужак по натуре. Ладно, проживем, увидим. Завтра вечером я все тебе расскажу в мельчайших подробностях. А теперь мне пора поторопиться. Прощай! — весело сказал Роберт и, еще раз помахав приятелю рукой, стремительно зашагал прочь.

Уже давно и основательно стемнело, когда Роберт наконец добрался до Ярмут-стрит. Это оказалась скупо освещенная, тихая захолустная улочка. Он миновал Питтер-стрит, на которой было настолько

безлюдно, что посреди улицы шныряли обнаглевшие непуганные крысы.

У Роберта невольно сжалось сердце: казалось, никогда еще он не чувствовал себя так одиноко. словно он брел по мертвому городу, где обитали лишь тени прошлого. Высокие островерхие крыши зияли глазами слуховых окошек, а флюгеры жалобно поскрипывали под порывами ветра.

— По-моему, деловые встречи в таких местах не назначают, — рассуждал вслух Роберт.

Он инстинктивно предчувствовал опасность, но во время своих путешествий столько повидал и с честью выходил из таких суровых переделок, что и теперь не поддался той мрачной атмосфере, которой дышал этот старинный уголок Лондона, а стиснув в кармане револьвер, с которым никогда не расставался, тихо прошептал:

— Пожалуй, мне здесь даже нравится! Идеальное место для опытов! В таком закутке наверняка никто не помешает. Как только удастся как следует подзаработать, немедленно арендую один из здешних дворцов!

На башенных часах пробило ровно десять, когда Роберт постучал дверным молотком в ворота дома номер 15.

Одна их створка приотворилась и тотчас же захлопнулась за ним, а Дарвел очутился в просторном дворе, заросшем высокой травой. Посередине его виднелся колодец, окруженный кованой оградой.

— Скажите, здесь живет мистер Ардавена? — спросил Роберт.

— Извольте следовать за мной, — ответил тихий бесстрастный голос.

Юноша оглянулся и увидел человека, одетого во все черное, с небольшим фонарем в руке. В его скудном красноватом свете Роберт разглядел старика, похожего на ризничего или привратника. Длинные седые волосы и борода обрамляли худощавое увядшее лицо. Рукой, унизанной множеством перстней, он подал Роберту фонарь, а сам, ссутулившись, неспешно зашагал по вытоптанной в траве тропинке.

По шатким ступенькам оба поднялись на террасу, украшенную бронзовыми сфинксами, дремавшими на пьедесталах.

Старик распахнул дверь, миновал завешенный портьерами холл и отодвинул кожаный занавес.

Роберт очутился в экзотически обставленном зале. По углам его на мраморных постаментах высились статуи удивительных многоруких божеств с уродливыми головами, а курильницы струили благоуханный одуряющий дым. У стен стояли низкие мягкие диванчики, покрытые черным бархатом с золотыми узорами. Еще там было множество разнообразнейших дорогих безделушек, кальянов для курения табака и опиума, а в изящном поставце поблескивали бутылки с шампанским и другими горячительными напитками. В больших инкрустированных шкафах эбенового дерева лежало множество рукописей. Некоторые из них были на пальмовых листьях или сандаловых дощечках.

«Должно быть, это дом какого-нибудь английского богача, который долгое время провел в Индии», — подумал Роберт, удобно располагаясь на мягком диване.

Но едва он успел это сделать, как откуда-то раздалось негромкое угрожающее

рычание. Дарвел мигом вскочил на ноги и отбежал в сторону. Холодный пот выступил у него на лбу, когда он увидел, как из-под дивана не опеша выбрался огромный тигр, потом лениво потянулся и мягкой, неслышной походкой прошествовал на середину комнаты. Там он припал животом к полу, поточил когти на ковре, а затем, крадучись, скольльзящим шагом, двинулся в сторону гостя... Глаза хищника сверкали, спина напряглась — он явно готовился к прыжку. Роберт выхватил оружие и, положив палец на курок, приготовился стрелять при малейшей опасности. Он смертельно побледнел, сердце готовилось выпрыгнуть из груди, но внешне молодой человек оставался совершенно спокоен и хладнокровно ждал дальнейшего развития событий.

Роберт не понял, сколько времени прошло — три секунды или три столетия. Человек и зверь не сводили глаз один с другого. Если бы Роберт отвел взгляд хоть на одно мгновение, участь его была бы решена. Вдруг черная, расшитая золотом портьера отодвинулась и приглушенный,

словно идущий откуда-то издалека голос произнес:

— Моуди! Моуди!

Заслышав зов хозяина, тигр, однако, не пошел на него, а быстро нырнул обратно под софу. С трудом сдерживая гнев, Роберт обратился к вошедшему:

— Досточтимый сэр! Ваши шутки по меньшей мере неуместны! Я не знаю, с какой целью меня заманили в это Богом забытое место. Однако если кто-то решил обчистить мои карманы, предупреждаю, он жестоко просчитался. У меня при себе всего десять фунтов, зато револьвер — отличный!..

Тут он вдруг запнулся, чувствуя, что какая-то неведомая сила вынудила его умолкнуть, а взглянув в лицо стоящего перед ним человека, окончательно смутился. Тот был невысокого роста и настолько худ, что казалось, будто одежды из тонкого черного шелка прикрывают скелет, а не существо из плоти и крови. Тощие землистые руки высохли, как у мумии.

На костистом лице с высоким лбом молодым живым блеском светились голубые

глаза, напоминавшие незабудки. Череп незнакомца был гол, как колено.

Тем не менее во всем его облике не было ничего отталкивающего или страшного. В каждом движении чувствовалось собственное достоинство и неукротимая энергия, взгляд, казалось, излучал жизненную силу.

Осанка незнакомца была прямой, держался он непринужденно и улыбался доброй улыбкой.

— Садитесь, прошу вас, сэр, — мягко произнес он.

Роберт последовал его совету, чувствуя, что голова слегка идет кругом. В уме роилось множество бессвязных мыслей, нелепых подозрений и, к удивлению своему, Дарвел вдруг обнаружил, что этот странный человек почти полностью подчинил его себе.

А тот продолжал говорить своим тихим, словно доносящимся издалека голосом и Роберт постепенно успокаивался.

— Прежде всего отбросьте всякие подозрения, юноша. Я понимаю ваше негодование и приношу глубочайшие извинения за то, что напрочь забыл о моем бедном

Моуди, который любит отдыхать здесь после обеда. Поверьте, он совершенно безобиден. Я подобрал его в джунглях совсем крошечным, и он еще никому из моих друзей не причинил вреда.

— А как насчет врагов?

— У меня их нет, — ответил старик.

— Но ведь вы от меня чего-то хотели, не так ли? — нетерпеливо спросил Роберт. — Простите, с кем, собственно, имею честь?

— Вы никогда не слышали о брамине Ардавене?

— Нет, — медленно произнес Роберт. — Этим именем было подписано письмо... Но я не припомню...

— Ничего, это не столь важно, — успокоил его хозяин. — Я настоятель монастыря в Келамбре, городе дворцов и храмов, где живут десять тысяч браминов.

— Однако я хочу понять, чем могу быть вам полезен, — настойчиво продолжал Роберт.

— Немного терпения, юноша. Наверное, вы знаете, что мы, индийские брамины, способны совершать вещи невероятные, которых европейцы при всех их научных знани-

ях ни объяснить, ни повторить не способны. Однако вы, молодой человек, обладаете иными навыками, которые очень мне нужны.

— Хотел бы я собственными глазами узреть хоть одно из тех чудес, о которых вы упомянули, сэр... — с легкой насмешкой в голосе произнес Роберт.

— Нет ничего легче, — добродушно усмехнувшись, отозвался Ардавена. — Попробуйте-ка встать, юноша!

С этими словами он вытянул руку в сторону молодого человека и вперил в него взгляд своих, сверкавших подобно драгоценным камням, голубых глаз.

Роберт попытался приподняться с дивана, но тщетно! Все его тело налилось свинцовой тяжестью, а напрасные усилия сдвинуться с места причиняли ему невыносимые муки. Он не мог даже рукой пошевелить.

— Ну вот, видите, молодой человек, — снова заговорил брамин. — Если бы я замыслил против вас злое, вы не смогли бы воспользоваться своим револьвером. А теперь я возвращаю вам свободу.

Роберт наконец поднялся на ноги и сде-

лал несколько шагов по мягкому ковру, до сих пор не в силах прийти в себя от изумления. Все его представления о существующей реальности и возможностях человека рассыпались в прах.

— Вы обладаете невероятными способностями, сэр, — признал он, с трудом преодолевая внутреннее сопротивление, — но почему вы избрали именно меня?

— Я хочу, чтобы вы остались полностью вольны в своем выборе, юноша. Если вам не подойдет мое предложение, вы беспрепятственно уйдете отсюда и даже в случае отказа с вашей стороны я постараюсь достойно вознаградить вас...

— Мне ничего не нужно, сэр!

— Не горячитесь, юноша. Я отнюдь не желал оскорбить ваше самолюбие. Видите ли, обманутые надежды могут причинить немалый вред вашей душе. Итак, я предлагаю следующее: вы обладаете творческим воображением и неплохо образованы, в европейском понятии, разумеется. Так давайте объединим наши знания. Вы знакомите меня с такими дисциплинами, как химия, медицина и механика, а я от-

крываю вам секреты психологии и философии. Тогда вдвоем мы действительно сможем творить чудеса! Мы соединим науку двух миров — древнего и молодого, хотя этот последний очень жесток.

Роберт молчал, погруженный в свои мысли, а Ардавена задумчиво продолжал:

— Я пытался пробиться ко многим одаренным людям, но меня всюду выставляли за дверь, принимая за шарлатана или сумасшедшего. На счастье, благодаря своему тайному знанию, я сумел отыскать вас в людской толпе, как находят алмаз в песках Голконды, юноша... Если вам дороги Истина и Знание ради них самих, вы последуете за мной!

— Но... — начал было Роберт и тут же осекся, захваченный грандиозностью замысла и пораженный убедительностью слов этого человека.

— Я уже знаю, что ты хочешь сказать! Но успокойся! Мне известно, на какие тяготы обречен бедняк здесь у вас, на Западе. Я окружу тебя роскошью, достойной индийского раджи, я сделаю тебя настоль-

ко богатым, что ты начнешь презирать богатство!

Ардавена взял Роберта за руку и отвел его в соседнюю комнату. Ее голые стены посерели от сырости, а на полу лежала охапка соломы и стоял кувшин с водой.

— Вот мое обиталище, — сказал старик. — А ведь я, как у вас говорят, миллиардер. Если человек способен отказаться от суеты, ему становится подвластно все!

— Хорошо, я согласен и отдаю себя в полное ваше распоряжение, — ответил Роберт.

— Подумай хорошенько, пока не поздно. Дав свое согласие, ты должен будешь во всем подчиняться мне.

— Я уже решил. Мы можем встретиться завтра!

— Почему завтра? Ведь тебя ничто не удерживает в Лондоне!

— Вы правы. Я отправлюсь в путь, когда вы сочтете нужным, — согласился Дарвел. Голос Ардавены был мягким и одновременно повелительным. — Но разве вам самому не нужно хоть немного времени на сборы?

— Все давно уложено. Я знал, что ты согласишься.

Распахнув следующую дверь, Ардавена прошел впереди своего гостя и двинулся по коридору, выложенному черными и белыми мраморными квадратами. Дальше была лестница, а миновав сумрачную аллею, оба очутились посреди какой-то улицы, где их дожидался экипаж. Минут через пять он остановился на вокзале Виктория, а когда пробило одиннадцать, Роберт Дарвел и его удивительный наставник сидели в спальном вагоне поезда, мчавшегося к Дувру со скоростью 120 километров в час.

В полдень следующего дня Дарвел курил сигару, стоя на палубе большого парохода «Петчили», плывущего в Индию, и задумчиво смотрел на исчезающую вдали колонну морского маяка в Лэндз-Энде. Вскоре берег окончательно растаял в голубоватой дымке.

Роберт направлялся в страну, которая, несмотря на нашествие практичной цивилизации, осталась королевством тайн и волшебства.

ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ

Маршрут «Петчили» был просто великолепен. Побывав на Мальте, в Порт-Саиде и Джибути, они наконец достигли столицы Цейлона — Коломбо, а оттуда направились в Карнак, где находится знаменитый храм и монастырь Келамбр.

За время путешествия Роберт поближе познакомился с Ардавеной и вскоре убедился, что тот обладает поразительными знаниями во многих областях. Он знал санскрит и живые языки Индии, без малейшего акцента говорил по-английски, по-французски и по-итальянски. Столь же хорошо владел арабским, персидским и китайским, читая творения знаменитых авторов в оригинале.

К великому удивлению Роберта, Ардавена был знаком с важнейшими открытиями современной науки во всех отраслях знания. Но особенно поражала Дарвела острота ума брамина, благодаря которой он, пользуясь основами, делал оригинальные и доказательные выводы, очень легко решал сложнейшие задачи.

Несмотря на все свои дипломы и изобретения, Роберт чувствовал себя мальчишкой рядом с этим необычайным человеком, который казался ходячей энциклопедией человеческих знаний всех времен и народов. Однако он был весьма доволен и экзотическим путешествием, и свалившимся на него достатком, ибо в день отъезда из Лондона Ардавена вручил ему под видом задатка около двух тысяч фунтов стерлингов.

Дарвела удручало лишь то обстоятельство, что он не сообщил Ральфу ни об отъезде, ни о своих дальнейших планах.

Он не единожды намеревался написать приятелю, но брамин, читая мысли ученика, настоятельно просил его не делать этого.

— Для успеха наших будущих замыслов необходимо держать твое местопребывание в тайне, — говорил он. — И не нужно, чтобы кто-то тобой интересовался. Каждое начинание, о котором становится известно другим, наполовину обречено! Я помогу тебе связаться с другом, но только позже, а сей-

час не волнуйся о нем, у него все идет хорошо!

Роберт не смел ослушаться своего мудрого учителя, хотя и опасался, что Ральф может счесть его неблагодарным негодяем или решить, что он погиб.

В конце путешествия Ардавена уговорил юношу сменить европейское платье на национальную индийскую одежду из тонкой ткани и легкий белый тюрбан. А когда Роберт сбрил бороду и волосы, то и вовсе стал похож на настоящего индуса.

Отдохнув дня два после морского путешествия, Ардавена и Роберт двинулись дальше верхом на слонах. Это было великолепно! Они ехали сквозь тенистые пышные джунгли, напоенные пьянящим ароматом экзотических цветов. В глубине вечнозеленой чащи им попадались святыни из розового мрамора, высященные на берегах прозрачных озер, поросших снежно-белым лотосом. Иногда дорога пролежала через опаленные солнцем каменистые пустыни, где не было ни единого стебелька.

Во время своих многочисленных поездок Роберт повидал много прекрасных уголков

Земли, но ни один из них не мог сравниться с местами, которые открывались перед ним теперь. Среди этой великолепной, сказочно буйной природы он чувствовал себя помолодевшим и полным сил. Порой, расшалившись, как мальчишка, он сбивал с высоченных пальм камнями кокосовые орехи, которыми потом потчевал обезьян, немилосердно верещавших и прыгавших по толстым лианам.

Дарвел был в восторге от этого путешествия, которое оказалось быстрым и настолько легким, словно было продумано и подготовлено давным-давно. Когда они прибыли из Коломбо в Карикали, носильщики отнесли их в паланкине во дворец богатого раджи, где обоим был приготовлен достойный прием. В отдельном зале путников ждал роскошно накрытый стол, но, кроме многочисленных слуг, готовых предупредить их малейшее желание, там больше никого не было. То же самое не раз повторялось и дальше, отчего поездка превращалась в сказку наяву. В каждом дворце, где они останавливались, их ждали комфорт и покой.

Наконец однажды после полудня путешественники достигли монастыря в Келамбре. Его грандиозные купола возносились над вершинами пальм и магнолий, а стройные минареты четко вырисовывались на безоблачной лазури неба. Огромный, поросший лотосами и лилиями пруд окружали храмы и дворцы из белого мрамора и черно-розового гранита, а некоторые из них смело могли бы посоперничать со знаменитыми святилищами Египта. Там были аллеи, по обе стороны которых возвышались каменные слоны, несущие на спинах статуи многочисленных богов, и целые леса великолепных колонн, украшенных искусной резьбой.

Дарвел оглядывался по сторонам, восхищенный всем этим великолепием, а брамин, служивший ему проводником, привел ученика на огромный двор, в центре которого бил несказанной красоты фонтан. Неожиданно для себя Роберт испуганно вскрикнул. На берегах священного водоема, где брамины по нескольку раз в день совершали омовения и обмывали статуэтки божеств, он увидел множество людей, сидев-

ших в самых странных и неестественных позах. У Роберта болезненно сжалось сердце. Он почувствовал, что увиденное зрелище причиняет ему невыносимые страдания, и ему на миг показалось, что он очутился в преисподней.

— Что это и где мы? — с трудом прошептал он.

— Это место, где факиры добровольно подвергают себя всевозможным испытаниям и мукам, чтобы снискать благорасположение божества, — ответил Ардавена. — Погляди, вот этот, чтобы сохранить обет молчания, зашил себе рот, оставив только маленькое отверстие, которым втягивает через трубочку рисовый отвар. А вон тот много лет назад велел прибить себя за уши к дереву. За это время ствол его раздался вширь, растянул уши, и теперь они похожи на крылья нетопыря. Вот еще один. Он так долго держал руки, связанные веревкой, сжатыми в кулаки, что отросшие ногти вонзились в тело и вышли с наружной стороны ладони. Теперь он, подобно животному, бежит на четвереньках к своей площадке с рисом.

Роберт молчал. Все увиденное казалось ему сном, каким-то невероятным кошмаром.

На верхушке невысокой колонны неподвижно сидел человек, напоминавший больше высохший скелет. Похоже, жизнь уже давно покинула его. Седая борода спадала ему почти до пояса, а в пыльных всклокоченных волосах свили гнездо птицы. Маленькие золотистые гекконы бегали по нему, проскальзывали между пальцами коричневых, как у мумии, ног.

Там было еще великое множество добровольных калек, измысливших себе столь изощренные муки, что Роберт с трудом подавил приступ накатившей дурноты.

— Идем отсюда! — взмолился он. — Я не могу больше на это смотреть! Как вы можете допускать подобное варварство?!

— Я не могу этому препятствовать, — ответил брамин. — Запрети я пытки, на которые обрекают себя эти бедняги, монахи и послушники сразу перестанут подчиняться мне. Скоро ты убедишься, что я и так уже многое сделал, чтобы смягчить жестокость древних нравов...

— Но это просто возмутительно!

— Мы побеседуем на эту тему после, а теперь я покажу тебе более приятное зрелище.

Роберт промолчал. Он уже понемногу начинал сожалеть, что столь поспешно принял предложение брамина и полностью сдался на его милость.

«Возможно, он и впрямь добился моего согласия стать его учеником, используя свои чары... Я и опомниться не успел, как мы уже ехали сюда!» — размышлял Роберт, вспоминая истории о купле-продаже души нечистому.

От этих мыслей его прошиб холодный пот. А хуже всего было то, что старик с мудрыми светлыми глазами читал теперь в его душе, как в открытой книге, и Роберт ощущал, что он себе не хозяин.

Однако немного погодя тягостные думы развеялись, и Дарвел сказал себе:

«Нет, Ардавена не может лгать. Я чувствую, что он кристально чистый человек, и доверяю ему. Значит, я должен научиться у него отличать добро от зла и поста-

раться постичь причину того, что привыкли именовать чудесами».

Наконец они вышли к роскошным садам, окружавшим дворец настоятеля, которому позавидовал бы не один могущественный раджа. Тут царила первозданная тишина. Изваяния бесчисленных божеств оживляли густую зелень зарослей, отражаясь в зеркальной глади прудов. Роберт остался очень доволен, заметив, что отведенная ему башня стоит особняком, окруженная живой изгородью из колючих кактусов и акаций.

«Здесь я буду совершенно свободен», — подумал он.

Ардавена, однако, обрадовал его еще больше, когда по выбитым в скале ступенькам провел в просторный сводчатый зал, куда свет лился через отверстие в куполе. Это была самая настоящая научная лаборатория, оборудованная по последнему слову техники. Там имелась отличная библиотека, шкафы, заполненные химическими препаратами и ретортами, готовые для работы электрогенераторы, а соседнее помещение, выложенное от пола до потолка

белым мрамором, предназначалось для проведения секций.

— Ну вот, здесь ты найдешь все необходимое для работы, — сказал брамин. — Если что-то понадобится, дай мне знать, и я выполню твою просьбу в самое кратчайшее время.

— А раньше здесь кто-нибудь жил? — спросил Роберт.

— Нет, ты первый. Все приборы прямо со склада, ни одна бутылка и колба с препаратами не распечатаны, а книги даже не разрезаны.

Обозревая свои владения, сверкавшие стеклом, хромом и никелем, Роберт радовался, как ребенок, но восторг его достиг апогея, когда он обнаружил целую кучу книг и фотографий, посвященных Марсу.

— Вот видишь, я знаю, что тебя больше всего интересует, и в меру сил своих позаботился о том, чтобы ты мог заниматься, чем душа пожелает, и проводить исследования любым методом, который сочтешь наиболее подходящим. Более того, в своей работе ты можешь не считаться ни со вре-

менем, ни с расходами. Не один ученый позавидовал бы таким условиям.

Роберт снова почувствовал вкус к работе и принялся мечтать об открытиях, способных изменить мир. На время он погрузился в чтение научных трудов и много дней не виделся с Ардавеной.

А брамин, словно для того, чтобы окончательно завоевать доверие молодого человека, предоставил ему полнейшую свободу, позволив покидать пределы монастыря, а огромный слон вместе с погонщиком был готов в любой момент отвезти Роберта в близлежащие леса.

В распоряжении Дарвела было двое слуг, а в лаборатории ему ассистировал малаец, раньше бывший аптекарем в Сингапуре, так что на жизнь Роберт не жаловался.

Каждое утро он прогуливался по саду, наполненному запахом тропических цветов и пением птиц, а когда становилось слишком жарко, отправлялся в лабораторию, которую покидал только под вечер, чтобы подкрепиться. День обычно заканчивался мечтами при лунном свете, озарявшем ал-

лею, обсаженную гигантскими баобабам и тамариндами.

Ардавену Роберт навещал довольно редко. Тот чаще всего что-то читал или писал, затворившись в своей тесной холодной келье, где был только тюфяк, набитый сеном, и кувшин с водой. Там же нашел себе приют и тигр Моуди, с которым Дарвел очень подружился. Едва завидя Роберта, зверь подходил к нему и начинал тереться о ноги с ласковым мурлыканьем, а Дарвел гладил его мягкую черно-желтую шерсть.

Молодой человек чувствовал себя так спокойно в своем уединении, что теперь вовсе не жалел о суете покинутого им добровольно шумного мира. Следует добавить, что Ардавена никогда не пытался навязать ученику той аскезы, которую исповедовал сам. Еда, которой кормили Роберта, была легкой и вкусной, сочетая в себе изысканность европейской и восточной кухни.

Для полного счастья Дарвелу не хватало только хоть каких-нибудь известий о Ральфе, которого он полюбил как брата, поскольку у Роберта было мало друзей. Однажды, когда они с Ардавеной шли по

длинной и широкой подземной галерее, освещенной светом факелов, молодой человек вновь посетовал учителю на тоску о друге, и тот спросил:

— Неужто это и впрямь для тебя столь важно? А может, ты хочешь передать Ральфу весточку о себе?

— Я стараюсь не думать об этом...

Ардавена на мгновение задумался и ответил:

— Успокойся. Обещаю, что ты не только дашь знать о себе своему приятелю, но и увидишь его собственными глазами. Но помни об одном условии: ты не должен будешь говорить с ним, как бы тебе этого ни хотелось!

Глубоко взволнованный и еще не вполне доверяя брамину, Роберт вошел в сводчатый зал, купол которого покоился на толстых колоннах.

Ему показалось, что он находится в нефе какой-то готической часовни, однако на месте алтаря возвышалось огромное зеркало. Двое монахов зажгли перед ним факелы из благовонного воска и удалились прочь неслышными шагами.

— Сейчас ты увидишь то, что захочешь, — произнес жрец. — Однако, что бы ты ни увидел, храни молчание! Иначе тебя постигнет мгновенная и страшная смерть, ибо я приведу в действие могучие силы, управлять которыми труднее, чем паром и электричеством.

Роберт пообещал молчать. Тогда Ардавена, поставив треугольником три золотых треножника, наполненные раскаленными углями, взял из коробочки, которую всегда носил при себе, ароматное курение и принялся сыпать его на жар. Вскоре густой дым окутал все кругом.

Свет ярко пылавших факелов потускнел, зеркало подернулось дымкой, из которой начали проступать смутные контуры. Постепенно картина становилась все четче и ярче, в то время как остальная часть зала погрузилась в густой мрак.

Роберт с трудом сдержал изумленный возглас. Всего в нескольких шагах от себя он вдруг увидел Ральфа, который препарировал убитую птицу при свете лампы, усиленном стеклянным шаром с водой.

Молодой человек наблюдал каждое дви-

жение друга и слышал, как тот по своему обыкновению разговаривает сам с собой.

Немного погодя в комнату вошла миссис Питчер и напомнила сыну, что пора бы отдохнуть. Ральф выслушал проповедь с кислой миной, нехотя оставил свое занятие и начал готовиться ко сну. Потом он улегся в кровать, а Ардавена прикоснулся ко лбу Роберта, и молодой человек, повинувшись безмолвному приказу, которому даже не пытался сопротивляться, очутился в комнате Ральфа, которую великолепно знал.

Без единой мысли в голове, подчиняясь направлявшей его неведомой силе, он вошел в кабинет, взял оттуда перо и чернила, написал на листе бумаги несколько строк и положил послание на столик в изголовье. Он хотел что-то сказать, но Ардавена жестом приказал ему молчать и снова посыпал на угли порошок. Зеркало, как и в самом начале, окуталось густым ароматным дымом, а когда он рассеялся, Роберт увидел миловидное личико своей невесты Альберты де Терамон.

Прежде чем юноша успел опомниться, он вновь почувствовал на своем лбу прикосно-

вание руки учителя и через мгновение понял, что по-прежнему стоит перед зеркалом, в котором теперь отражался только неяркий свет факелов и колонны зала.

КОЛДОВСТВО И ТАЙНЫ

Роберт Дарвел вскоре освоился с новым образом жизни и ему даже в голову не приходило, что когда-нибудь придется покинуть великолепные сады Келамбра и свою уютную, прекрасно оборудованную лабораторию. Теперь его ум всецело занимали тайны психической энергии, способной творить невероятное, в чем он убеждался ежечасно и ежеминутно. Он уже успел кое-чего достичь на этом пути, но все это казалось сущей безделицей по сравнению со способностями Ардавены.

Молодой человек привык к волшебству и чудесам факиров, и теперь они уже не изумляли его, как в первый раз. Он даже сам понемногу пробовал свои силы в простейших опытах. Множество раз Роберт становился свидетелем самых невероятных вещей. Он видел, как по мысленному при-

казу человека вспыхивали и гасли факелы, прорастали, пуская побеги, растения, а фрукты созревали за несколько минут. Тела змей, загипнотизированных взглядом факиров, становились прямыми и твердыми, как деревянные, страшные раны, которые послушники наносили сами себе, заживали прямо на глазах, не оставляя ни малейших шрамов.

Подобные факты наблюдали и подтверждали тысячи путешественников, среди которых было множество персон весьма солидных. Мало того, эти явления фиксировались документально, а их, в свою очередь, подписывали большие сановники и английские офицеры.

Одним из необычайных проявлений психической энергии, которое с увлечением исследовал Роберт, была левитация, описанная и прокомментированная во многих серьезных изданиях. В присутствии Роберта и Ардаваны один из йогинов по имени Фара-Шиб попросил, чтобы ему дали трость, а потом, опершись на нее и сидя на земле в позе лотоса, начал медленно подниматься в воздух, пока не остановился на

высоте двух футов, не меняя положения тела. Немного погодя йогин отбросил трость, поднялся еще на один фут и завис в воздухе минут на десять, после чего стал постепенно опускаться вниз, пока снова не очутился на своей циновке, где сидел перед тем.

Тот же Фара-Шиб, раздевшись до нитки, производил такие манипуляции, при виде которых европейские мастера иллюзиона, которые пользовались различными механическими приспособлениями, наверняка умерли бы от зависти. Однажды он вытащил изо рта столько камней, что хватило бы нагрузить целую телегу, а затем вытянул метров сто лиан с длинными острыми колючками, после три человека обмотали ими пень дерева, отчего он стал похож на изрядной величины холм. Йогин цитировал большие отрывки из трудов древних и современных авторов, которых никогда в жизни не читал, но всегда декламировал их на языке оригинала. Он мог передвигать предметы в любом направлении, не прикасаясь к ним, двери по усилию его воли сами распахивались и запирались на замки,

а те, кто все это наблюдал, сидели недвижимо, как изваяния, не в силах шелохнуться.

Однако больше всего Роберта ошеломило то, что однажды Фара-Шиб велел закопать себя в землю живьем.

В назначенный день он явился в сопровождении нескольких английских офицеров из расположенного поблизости гарнизона. Йогин был одет лишь в узкую набедренную повязку и остроконечную чалму.

Предыдущие три дня он вместе с другим йогиним посвятил медитации. На четвертый в присутствии многочисленных свидетелей он тщательно залепил себе ноздри и уши воском, а помощник загнул ему язык вверх и втолкнул его глубоко в гортань, почти сразу же после этого Фара-Шиб погрузился в летаргический сон. Его завернули в саван, по виду напоминавший мешок, который зашили и опечатали. Тело положили в гроб, который в свою очередь крепко заперли на замок и тоже опечатали, после чего поместили в склеп и замуровали.

Склеп хорошенько засыпали землей, а в нее посеяли зерно. Могилу обнесли проч-

ной оградой, где выставили стражу, сменявшуюся каждый час.

Роберта, которого местная одежда, чалма и загоревшая под лучами палящего южного солнца кожа изменили до неузнаваемости, сделав похожим на индуса, немало забавляли все эти скрупулезные предосторожности англичан, опасавшихся мошенничества. Они весьма удивились, узнав, что среди браминов в качестве наблюдателя находится известный французский инженер.

Фара-Шиб приказал достать себя из склепа через три месяца. Его могила покрылась густой зеленью всходов, а англичане не ослабили своей бдительности ни на минуту.

— Ты должен признать, что даже если мой ученик получает какую-то помощь извне, хоть это было бы очень нечестно, то все равно придется объяснить, как он может так долго не дышать и не есть, — посмеиваясь, сказал однажды Роберту Ардавена.

— Конечно, — отозвался Дарвел. — Вот

потому-то я жду окончания эксперимента с таким интересом.

Наконец этот день наступил. Когда собрались все, при ком захоронили йогина, проросшие на могиле колосья вырвали, землю разрыли и размуrowали склеп.

Влага несколько повредила дерево гроба, однако замок, печати и швы савана сохранились хорошо.

Свернувшийся вдвое Фара-Шиб был холоден, как мертвец, только голова оставалась чуть теплой. Йогина осторожно уложили на циновку, а его помощник первым делом освободил Фара-Шибу гортань, вернув язык в естественное положение, потом, вынув из носа и ушей восковые пробки, принялся обливать тело горячей водой.

Подобные манипуляции он продолжал до тех пор, пока Фара-Шиб не начал подавать первые признаки жизни.

Еще немного погодя стало прослушиваться слабое биение сердца, лицо слегка порозовело, и едва заметная дрожь пробежала по иссохшему телу йогина.

Через два часа усиленных стараний и искусственного дыхания, которое сделал

Фара-Шибу его товарищ, жизнь вернулась к йогину. Он встал и, улыбаясь, ступил несколько шагов.

КОНДЕНСАТОР ЭНЕРГИИ

К великому удивлению Ардавены, Роберт отреагировал на этот потрясающий опыт гораздо спокойнее, чем ожидал брамин.

Молодой человек, не говоря ни слова, вернулся в свою башню и заперся в лаборатории, где в полном одиночестве провел целых две недели.

А когда он наконец вышел из своего добровольного заточения, у него был вид человека, глубоко погруженного в собственные мысли. Перепрыгивая через несколько ступенек сразу, Роберт стремительно взбежал по лестнице и резко распахнул дверь кельи Ардавены.

— Есть! Нашел!—радостно воскликнул он.

— Ты о чем? — невозмутимо спросил настоятель.

— Я знаю, как наладить связь с Марсом и даже добраться туда. А кроме того

мы сможем вершить такие чудеса, рядом с которыми то, что умеют йоги, покажется детской забавой.

— Я слушаю, — все так же спокойно кивнул Ардавена.

— Открытие сделать оказалось весьма просто, идея лежала наверху. Наблюдая за йогинами, когда они собирались вместе, я подумал: если психическая энергия одного человека, сконцентрированная на несколько минут, способна преодолеть силу земного тяготения, то как можно использовать ее, если объединить волю тысяч подобных людей и удержать ее достаточно долго? Я уверен, что таким образом можно на определенное время преодолеть земное тяготение.

— Просто великолепно! — прошептал брамин. Его обычно бесстрастное и непроницаемое лицо побледнело. На сей раз Ардавена был глубоко взволнован и даже не пытался этого скрыть. — Но для этого потребуется прибор, который не только будет концентрировать отдельные рассеянные излучения психической энергии, но и направлять их на определенную цель...

— Черновые наброски такого аппарата я уже сделал. Я размышлял над ним целых две недели и теперь у меня есть примерные чертежи конденсатора энергии. Он продлит жизнь умирающим, станет воскрешать умерших, сможет задерживать наступление армий и останавливать разливы рек, мало того, с помощью моего прибора возможным будет переноситься из одного уголка Земли в другой со скоростью мысли или электрического разряда.

— И каким же именно образом?

— Но разве человеческая мысль не быстрее электрического флюида? Известны случаи, когда человека, буквально стоящего в преддверии смерти, удерживает на этом свете сильная воля друга или близкого родственника, который влияет на умирающего и приказывает ему жить. Так почему бы не использовать для той же цели усиленную в сто тысяч раз волю множества разумов, объединив ее?

— Возможно, однако где же твой прибор?

— Он уже почти готов! Он состоит из

огромной камеры-обскуры, которая отличается от обычных абсолютно сферической формой. Изнутри ее должен покрывать слой фосфористого желатина. Его формулу я уже вывел. По своим свойствам он напоминает мозговую ткань.

Изготовление этого вещества будет весьма дорогостоящим и трудоемким, но именно оно сыграет роль аккумулятора психической энергии, хотя слой его на стенках камеры должен быть очень тонким. Большой стеклянный сосуд, наполненный той же самой субстанцией, чьи свойства будут усилены обработкой наэлектризованным раствором, послужит резервуаром направляемой в камеру психической энергии. Он будет помещаться в передней части прибора.

— А почему ты решил придать камере-обскуре форму сферы? — спросил Ардавена, слушавший молодого инженера затаив дыхание.

— Если фосфористый желатин должен сыграть роль мозгового вещества, то сферическая камера-обскура послужит имитацией глаза. Как известно, этот орган единственный из всех способен принимать во-

левые приказы и передавать их другим частям тела.

— Не беспокойся, я все прекрасно понял. Итак, допустим, твой искусственный мозг уже достаточно заряжен психической энергией. Каким образом ее можно будет передавать на определенные расстояния?

— Сейчас объясню. За аппаратом находится специальное кресло, подлокотники которого заканчиваются металлическими шарами с множеством отверстий в каждом. Это будет похоже на ситечко лейки. Там заканчиваются тонкие проводки, берущие начало в желатиновой массе. Они послужат своего рода искусственными нервными волокнами. Вот и все. Чтобы управлять конденсатором, нужно сесть в кресло и положить ладони на металлические шары.

Через несколько минут экспериментатор сможет распоряжаться психической энергией, накопленной прибором. Воля и творческие силы оператора в такой момент усиливаются психической энергией всех тех, кто участвовал в зарядке прибора, и сливаются с ней. Возможности его становятся практически неограниченными.

— Объясни-ка поподробней, мой мальчик!

— Однажды я видел, как один из здешних йогинов одним взглядом сделал человека настолько безвольным, что тот не мог шелохнуться. Я уверен, что тот же самый факир, управляя конденсатором, смог бы остановить огромную толпу, только вот...

— Ага, значит, твое изобретение не так уж безопасно! — насмешливо заметил Ардавена.

— Прежде всего для самого экспериментатора, — ответил Роберт. — Пропуская через себя и управляя сконцентрированной энергетикой множества людей, которая подобна разящим без промаха стрелам, оператор еще через несколько дней после опыта будет ощущать страшную слабость во всем теле.

Кроме того, есть риск, что после такой безумной нагрузки на мозг он может лишиться рассудка, стать слабоумным или буйнопомешанным...

Конечно, я хорошенько подумаю и постараюсь устранить такой недостаток, — немного помолчав, добавил молодой чело-

век, — но пока я еще не решил, как лучше это сделать.

— Тогда приступай к работе, юноша! Проси все, что тебе понадобится, лишь бы наши планы воплотились! — произнес Ардавена, направившись к двери, но вдруг остановился. — Да, вот еще что... Помнится, ты сказал, что нашел способ, как достичь Марса...

— Совершенно верно, учитель. С помощью левитации это будет весьма просто. Если, сконцентрировав собственную волю, один человек может оторваться на несколько футов от земли, то, вобрав энергетику множества других людей, он окажется, где только пожелает!

Роберт вновь лихорадочно принялся за дело. Через несколько дней конденсатор энергии в основном был готов. Прибор состоял из шара с огромным отверстием в центре. Сфера покоилась на металлической подставке с бортиком, а на небольшом возвышении стояло кресло для испытателя.

Самым трудным оказалось изготовление фосфористого желатина, свойства которо-

го были усилены с помощью наэлектризованного раствора. Процесс пришлось повторить несколько раз, чтобы достичь желаемого эффекта.

Наконец упорный труд и терпение принесли свои плоды. Конденсатор был установлен в одном из огромных внутренних дворов монастыря. Прибор накрыли хлопчатым чехлом, чтобы уберечь от солнечного зноя и любопытных глаз.

Вечером того дня, когда работы закончились, Роберт и Ардавена прогуливались поблизости от аппарата, излучавшего в темноте слабый свет.

— Я боюсь, как бы в самый последний момент не помешали непредвиденные обстоятельства, — сказал Роберт. — Достаточно малейшего просчета, чтобы опыт не удался.

— А я даже не сомневаюсь, что он пройдет отлично, — возразил Ардавена. — Как ты намерен опробовать свое изобретение?

— Тут и думать нечего. Прежде всего проведем пробные эксперименты и проверим мощность прибора, а затем, постепенно увеличивая длительность опытов, уста-

новим, какой максимальный заряд способен накопить конденсатор и как долго он его удержит.

— А не попробовать ли нам прямо сейчас? — предложил Ардавена.

— Ну что ж, давайте рискнем, учитель. Встаньте вот перед этим отверстием, где вмонтирован объектив, сосредоточьтесь и постарайтесь сконцентрировать всю свою волю.

Ардавена молча кивнул. Он целый час неотрывно вглядывался в тройную хрустальную линзу, которая, казалось, вбирала в себя его самые потаенные мысли и чувства.

Застыв на месте неподвижно, как статуя, Роберт с бьющимся сердцем наблюдал за брамином, — и вот, наконец-то, — о, радость! — он увидел, что бледное сияние, окутавшее шар, делается все ярче. По корпусу забегали маленькие огоньки, которые затем превратились в голубоватые вспышки. Конденсатор заряжался мощной психической энергией брамина.

— Довольно! — вдруг воскликнул Роберт. — На первый раз хватит. Не нужно

утомлять себя и заставлять прибор работать слишком долго.

Ардавена встал рядом с Робертом и начал разглядывать красиво светящийся шар. Он заливал все вокруг белым сиянием, похожим на дневной свет.

— Теперь я окончательно убедился, что мои расчеты оказались верны, — обрадовался Роберт.

— Но это еще не все! — загадочно усмехнулся брамин. — Мы должны проверить, что накопленной энергией управлять так же легко, как и собирать ее! А быстро ли можно высвободить Силу, которую прибор накапливал в течение часа? Вот что я жажду узнать! И если можно, то не откладывая!

— Как пожелаете, учитель, — согласился Роберт.

Ардавена устроился в кресле, положил руки на подлокотники, увенчанные металлическими шарами, испещренными мелкими отверстиями, в которых вспыхивали крохотные огоньки, и вперился взглядом в Роберта.

Вдруг из глаз брамина протянулись два

темно-синих луча и полыхнули слепящими молниями, и Роберт, сраженный этим ужасным взглядом, замертво рухнул на землю.

Ардавена, не в силах сдержать охватившее его волнение, стремительно вскочил с кресла и, глядя на лежащее у его ног неподвижное тело, торжествуя воскликнул:

— Больше ты никогда не увидишь этого мира, безумец! Ты будешь жестоко наказан за то, что так неосмотрительно и безоглядно доверился мне! Теперь я стал повластным хозяином твоих тайн и открытий, а ты по моему приказу отправишься исследовать и завоевывать такие неизведанные реальности, каких не способна себе представить даже самая буйная людская фантазия!

Сияя от радости, распиравшей ему грудь, коварный брамин взвалил бесчувственного Роберта на спину и отнес его в келью, где жил Фара-Шиб со своим товарищем.

При виде настоятеля оба встали с цинов-

ки, на которой перед тем сидели, и почтительно склонили головы.

— Что прикажешь, учитель? — спросил Фара-Шиб.

— Видишь этого человека? Поручаю его тебе. Он нужен нам живым, поэтому сделай так, чтобы он не умер. И следи, чтобы ему не причинили ни малейшего вреда!

Ты должен ввести его в то состояние, в каком был сам два месяца назад, когда тебя похоронили живым. Он должен достаточно долгое время не дышать, обходиться без пищи и стать нечувствительным к боли от ран.

— Ты требуешь невозможного, учитель! Я достиг этого, проведя не один год в медитациях и умерщвлении плоти и потому опасаюсь, что европеец, не прошедший духовной школы, просто не выдержит...

— Я приказываю тебе! — властно произнес настоятель.

— Будет исполнено, учитель.

— Сколько тебе понадобится времени?

— Не меньше месяца.

— Не забудь, что я велел.

С этими словами Ардавена удалился в

свою келью. Глаза его горели победным огнем, на лице блуждала торжествующая улыбка.

КАТАСТРОФА

Прошел месяц. За это время никто не видел инженера Дарвела. А в жизни десяти тысяч йогов, обитавших в стенах монастыря, произошли большие перемены. Они перестали мучительно истязать себя. Шумные процессии с бенгальскими огнями под звуки дудок и барабанов тоже прекратились. Факиры больше не носили статуи богов вокруг священных водоемов.

Теперь во всем храме воцарилась гробовая тишина. Все йогоны и монахи, затворившись в своих кельях, по приказу Ардаваны упражнялись в высших медитациях.

Сам он тоже трудился с юношеским вдохновением и энергией. Каждую ночь его видели у таинственного шара, который теперь сиял ярким светом. Настоятель, не пропуская ни дня, учился управлять сосредоточенной в приборе сокрушительной силой.

Но скрытая мощь природы, освобожденная волей человека, рано или поздно вырывается из-под его власти и страшно мстит тому, кто ее вызвал! Однажды, усевшись в металлическое кресло и взглянув на безоблачное небо, Ардавена захотел, чтобы началась сильная гроза. Через несколько минут желание его оказалось исполненным. Под воздействием флюидов, испускаемых глазами йога, на небосклоне начали собираться тучи. Потом зарокотали первые раскаты грома и наконец на окрестности сплошной стеной обрушился ливень. Ураганный ветер ломал вековые стволы, как соломинки.

После этого эксперимента Ардавена тяжело проболел целых два дня и лишь благодаря многолетним обретенным навыкам самоисцеления справился с охватившей его смертельной слабостью. Только тогда брамин убедился, что древние священные книги многих народов мира говорят правду. В индийских же Ведах написано следующее:

«Человек, который повелевает сверхъес-

тественным силам служить себе, всегда становится их жертвой!»

Однако это предостережение не остановило дерзкого старца в его намерениях.

Как-то раз он призвал к себе десятерых гонцов и спросил их:

— Выполните ли вы в точности то, что я велю вам?

— Приказывай, о учитель! — в один голос ответствовали те.

— Тогда отправляйтесь в путь. Ступайте каждый своей дорогой и по пути не пропускайте ни одного монастыря, ни одной скинии, а обитателям их говорите:

«Ардавена просит, чтобы вы присоединились к нему мыслью, волей и силой духа! Направьте взоры в сторону нашего монастыря, соберите мощь устремления, чтобы осуществилось то, чего жаждет Ардавена!»

Ни с кем не разговаривайте и думайте только об одном. А если вас начнут спрашивать, будьте немые, как рыбы, даже если вам придется жизнью заплатить за свое молчание. Клянетесь ли вы исполнить мой наказ?

— Мы сделаем все, как ты пожелаешь, учитель!

— Тогда спешите! — кивнул Ардавена.

— Будь благословен, сын великого Брами! — ответили скороходы, упав ниц и, не мешкая, покинули святыню.

Они бежали вперед, преодолевая огромные расстояния, останавливаясь только у ворот монастырей и храмов, как можно короче передавали просьбу Ардавены и мчались дальше.

Повсюду, где появлялись эти посланцы, брамины и йоги погружались в молитвы, а многолетняя духовная практика и умение подчинять себе собственное тело и разум позволяли им без труда посылать к цели всевластную прану. Вскоре вокруг монастыря Ардавены образовалось мощное облако тонкой энергии, которую конденсатор без усталости вбирал в себя. Свечение его становилось все ярче.

Ардавена целые дни проводил над астрономическими расчетами.

В результате многократных опытов он установил, что скорость мысли в два раза больше скорости света. При молниеносной

переброске предмета с Земли на Марс снаряд мог разбиться от мощного удара о поверхность планеты или сгореть, проходя через плотные слои атмосферы. Эти обстоятельства весьма удручали его. Настоятель несколько раз ездил в Калькутту, писал астрономам и металлургам, и те, полагая, что имеют дело с талантливым самоучкой, охотно давали ему необходимые разъяснения.

Руководствуясь их указаниями, Ардавена приказал изготовить из закаленной стали некое подобие саркофага с толстыми стенками и плотно пригнанной крышкой. Сверху саркофаг был окутан асбестовым коконом и защищен деревянным футляром, пропитанным теплостойкими составами, которые в случае сильного нагрева не дали бы дереву загореться.

Брамин сделал математические расчеты и определил, что опасность, грозящая Роберту гибелью при посадке на Марс, весьма ничтожна, и критическое состояние продлится всего несколько минут. Ардавене казалось, что эти трудности он преодолел.

Наибольшее расстояние между Землей и

Марсом составляет 99 миллионов миль, а самое малое, когда Марс, Солнце и Земля расположены на одной прямой, — 14 миллионов миль.

Однако, как Роберт не раз объяснял брамину, стальному кораблю нужно будет преодолеть немногим больше половины этого пути на собственной скорости, ибо после этого он попадет в сферу притяжения Марса. Ардавена знал, что земное тяготение быстро уменьшается по мере удаления от нашей планеты. Поэтому корабль должен был пролететь всего около 8 миллионов миль.

Однажды вечером йогин Фара-Шиб вместе с помощником принес в паланкине тело Роберта. Молодой инженер изменился до неузнаваемости! Его похудевшее костистое лицо было усеяно морщинами, как у глубокого старца.

Йогины, применив свои многовековые секреты, ввели юношу в состояние глубокой каталепсии, чтобы он смог перенести необычное путешествие. С помощью специальных трав они добились того, что Роберт резко похудел и теперь был скорее похож

на мумию, чем на живого человека. Однако мозг его продолжал работать, и слабая искорка жизни теплилась в иссохшем теле.

Ардавена приказал положить своего бывшего ученика неподалеку от конденсатора, который, напившись огромным количеством праны, теперь светился голубовато-белым светом.

Фара-Шиб считал, что всемогущий Ардавена с помощью заклинаний сотворил на Земле вторую Луну, а брамин не спешил рассеивать его заблуждение.

Устроившись в металлическом кресле и положив руки на подлокотники, Ардавена устремил взгляд на Роберта, передавая ему силу и спокойствие из запаса энергии, накопленной конденсатором. После этого начались обычные приготовления.

Беднягу Роберта, который был беспомощен, как ребенок, зашили в чехол, положили в сигарообразный футляр из закаленной стали, который окутали асбестовым волокном, и поместили в деревянный ящик. Края каждой из трех оболочек тщательно и плотно соединили. На концах снаряда были прилажены тугие пружины, которые

при сильном ударе должны одновременно открыть крышки футляров.

Когда все было почти закончено, брамин вдруг заколебался. В его холодной деспотичной душе зазвучали укоры совести. Еще не поздно было вернуть в сознание Роберта, а эксперимент провести иным способом.

При этом хитрый брамин размышлял:

«Отправив его навсегда в неизведанные миры, я не смогу воспользоваться открытиями, которые он мог бы сделать...»

Однако гордыня взяла в нем верх, и он решил:

«Нет, я не откажусь от своих планов! Все должно произойти так, как решил Ардавена!»

А голос тщеславия добавил:

«Я не желаю делить власть ни с кем в целом мире! К тому же, разве не в моей воле вернуть его обратно, как только я пожелаю, да еще наделенного сверхчеловеческими возможностями и обогащенного необычайными знаниями?» — пытался он оправдаться перед собой.

Подготовленный корабль поместили на

деревянном треножнике. Ардавена поглядывал то на безоблачное небо, то на хронометр Роберта, который присвоил себе.

Но вот он подал знак, и в тот же миг зазвучали гонги и барабаны, и под их мрачный однообразный мотив длинные ряды йогингов со всех сторон начали стекаться на просторный двор. Они усаживались вокруг конденсатора и устремляли на него взгляды глубоко запавших глаз. На всех без исключения были только легкие набедренные повязки, лица обитателей монастыря осунулись от долгого поста, в зрачках светился лихорадочный огонек.

Двор был уже почти полон, а люди все шли и шли. Они выходили из-за огромных каменных изваяний, из глубины мрачных келий, маленькими группками спускались по гигантским каменным лестницам, бесшумно, как призраки, появлялись из густых зарослей, окружавших священные водоемы.

Наконец все до единого были в сборе. В наступившей глубокой тишине слышалось лишь взволнованное горячее дыхание необъятной толпы.

Каменные статуи слонов, озаренные голубоватым светом таинственного шара, отбрасывали исполинские тени. Настал торжественный и жутковатый момент.

Над монастырем начала сгущаться голубоватая светящаяся дымка, и Ардавена понял, что все его приказания исполнены в точности.

При мысли, что в этот миг воля многих тысяч индусов сливается с его неограниченной силой, губы Ардавены тронула горделивая усмешка и душу его охватило чувство невыразимого, нечеловеческого торжества.

Хрустальный шар полыхал ослепительным светом...

Наконец брамин решил, что пора начинать. Он устроился в кресле и положил ладони на металлические сферы, венчавшие подлокотники.

В ту же минуту он испытал необычное чувство. Ему показалось, что мозг его разрастается, увеличивается в размерах, вмещающая интеллект всего человечества. Жилы почти исчезли, став тонкими, словно нити. В них запульсировала новая, полная юно-

шеских сил, свежая кровь, кровь гения. Ардавена словно бы вбирал в себя всемирную душу и божественный разум. Прошрое, настоящее и будущее в виде трех золотых сосудов покоились у его ног, поставленные туда рукой провидения. Вместе с осознанием неограниченной мощи в голове брамина на мгновение вновь промелькнула мысль не засылать юношу на Марс, возникли контуры нового, более благородного и достойного плана...

Но брамин уже поклялся себе, что осуществит свой замысел, и решил выполнить задуманное. Поэтому он покрепче сжал набалдашники поручней, а из его расширенных зрачков вырвались два снопа синих лучей и устремились на лежащий перед ним космический снаряд. Равные вечности минуты ожидания истекали одна за другой...

Вдруг деревянный футляр исчез с треножника, словно унесенный порывом урагана. Он рассеялся в воздухе, как мираж. Брамин победно улыбнулся, и в тот же миг напряженную тишину прорезал жуткий вопль боли и отчаяния...

Конденсатор, перенасыщенный энергией,

взорвался со страшным грохотом. Хрустальный шар разлетелся вдребезги, ранив своими острыми осколками сидящих на земле факиров.

Ардавена, обливаясь кровью, корчился в пыли. Глаза его были обожжены, а костлявые руки продолжали судорожно сжимать страшные металлические сферы. Йогины разбегались в разные стороны, воя от ужаса. Они считали, что против них ополчилась сама природа.

Позже они подобрали во дворе несколько сотен своих тяжело искалеченных или мертвых товарищей, которые стали жертвами науки и дьявольского честолюбия Ардавены.

Как ни старались брамины сохранить происшествие в секрете, кое-какие слухи все-таки дошли до английских властей, но офицеры, присланные для расследования, ничего не добились. А потому они доложили, что в монастыре проводились химические опыты, которые и привели к несчастному случаю.

Ардавену подобрали чуть живого. Он

очень долго не мог оправиться от ран, а когда кризис наконец миновал, оказалось, что настоятель ослеп и лишился рассудка.

НЕОЖИДАННОЕ ИЗВЕСТИЕ

Ральф Питчер, грустно задумавшись, сидел в своем кабинете. С момента исчезновения своего друга Роберта он постоянно пребывал в угнетенном состоянии духа и изыскивал способы напасть на след приятеля.

В таком состоянии его застала матушка, и, при виде опечаленного сына, несколько раздраженно заметила:

— Опять у тебя голова забита этим Робертом! Нет, Ральф, я решительно не понимаю, почему тебя так волнует судьба этого молодого человека, который, возможно, совершенно и думать о тебе забыл...

— Ах, матушка! Ну что вы такое говорите! — возмутился Ральф.

— Мой дорогой, коль скоро он до сих пор не дал о себе знать...

— Значит, не смог! А известно ли вам, маменька, что когда Роберт прощался со

мной в последний раз, в кармане у него было всего несколько фунтов стерлингов?

— Невероятно! Но насколько я знаю, он довольно состоятелен! Дела у него идут весьма недурно... Я собственными глазами видела портреты твоего друга в нескольких английских газетах. Между прочим, они поместили и снимки поместья, которое он приобрел в Сибири...

— Ах нет, матушка, уверяю вас, что вы глубоко заблуждаетесь. Роберт до нитки разорен!

— А как же его изобретения? — изумленно спросила миссис Питчер.

— Он вынужден был продать их за бесценок американским концернам.

— Но он был помолвлен с мисс де Терамон, дочерью крупного банкира...

— Увы, все сорвалось, мама!

— Но когда и каким образом все это успело произойти? — ахнула миссис Питчер, всплеснув руками. — Ты мне ни словом ни о чем не обмолвился, сынок...

— Роберт мне самому сообщил совсем недавно. Если хочешь, я коротенько расскажу о его злоключениях.

— Конечно, конечно, Ральф! Ведь Роберт — один из твоих самых близких друзей.

— Значит, так, — начал свое повествование Ральф, — вначале Роберт изобрел легкий мотор для аэропланов, потом паровой котел, работающий на спирту, который предназначался для быстроходных морских судов, и так разбогател.

Тогда-то он и познакомился с банкиром де Терамоном, а тот представил его своей дочери Альберте. Роберт скоро сумел завоевать сердце девушки, а ее отец, понимая, что изобретения Дарвела могут принести целое состояние, не возражал против его намерений жениться на Альберте.

— Так отчего же их брак не состоялся? — перебила сына миссис Питчер.

— Ну, это само по себе целая история! В один прекрасный день Роберт встретил в Лондоне одного эмигранта, поляка по фамилии Балинский, с которым познакомился еще в Париже. Тот был талантливейшим астрономом и исповедовал идею, что все планеты заселены существами, подобными нам. В пользу своей гипотезы он приводил

множество разнообразных доводов. Балинский без усталости занимался дисциплинами, которые могли оказаться полезными для возможной связи с жителями ближайших планет Солнечной системы. Своим энтузиазмом он сумел заразить Роберта, и после восьми дней бурных дискуссий и выяснений оба заключили между собой соглашение, о чем даже сообщили некоторые журналы.

Разделяя мнение большинства астрономов, считающих Луну остывшей планетой, Балинский и Роберт решили не заниматься ее исследованием и все свое внимание направили на Марс, красноватый свет которого еще по мнению древних астрологов сулил беды и войны.

Следуя совету ученых, который, кстати, еще никто прежде не реализовывал, они решили выложить на большой равнине какую-нибудь простейшую геометрическую фигуру такого размера, чтобы ее смогли заметить марсианские астрономы.

— Но я не понимаю, почему именно геометрическую фигуру.

— Да потому, что основы этой науки наверняка одинаковы по всей Вселенной.

Цифровые обозначения и начертания букв могут быть самыми разнообразными, но окружность и треугольник со способами вычисления их площадей должны быть известны марсианским ученым, даже если уровень развития их цивилизации не слишком высок.

— Однако я не вижу никаких способов установления контактов, даже если на Марсе знают, что такое Эвклидова геометрия, — снова возразила миссис Питчер, которая проявляла самый живейший интерес к подобным вопросам.

— Ну, это проще простого. Допустим, что на эти сигналы марсиане ответят точно такими же. Потом можно устанавливать другие, давая при этом названия фигур. Представь, что марсиане поступят аналогично, и тогда мы получим основы их письменности. В дальнейшем систему изучения языка можно усовершенствовать, иллюстрируя надписи различными рисунками. А через несколько месяцев общаться оказалось бы и вовсе легко. Вот такие удивительные плоды должна была принести эта работа.

— А какой от нее в дальнейшем может

оказаться прок? — не унималась практичная миссис Питчер.

— Ну как же! Ведь благодаря ей мы вскоре могли бы познакомиться с историей, изобретениями и даже, возможно, литературой пока неизвестных братьев по разуму, от которых нас отделяет космическая бездна!

Кроме того, у Роберта возник план создать гигантский фотографический аппарат, благодаря которому земляне смогли бы увидеть изображения королей, королев, знаменитостей и даже марсианских красавиц.

А какая огромная польза для всего человечества! Марсиане наверняка поделились бы с нами сокровищами духа и мысли, накопленными многими поколениями обитателей этой родственной людям планеты! Решение общественных вопросов, проблемы неограниченного долголетия... Их марсиане, возможно, преодолели давным-давно! Такая помощь оказалась бы для землян истинным благом!

— Просто великолепно! — улыбнувшись, отозвалась миссис Питчер, наблюдая за

сыном, который, развивая свои идеи, распалялся все больше и больше. — Ну, а если обитатели Марса до сих пор пребывают на варварском уровне, если они дики и жестоки, что тогда?

— Не отрицаю, возможно и такое. Тогда мы станем их просвещать и научим тому, чего достигли сами.

— Весьма благородное намерение... Однако, что же все-таки приключилось с Робертом?

— История закончилась самым печальным образом. Вначале он вместе с Балинским уехал в Сибирь, и на первых порах дела шли прекрасно. Балинского, которого когда-то выслали из России, неожиданно помиловали.

Приехав по сибирской магистрали в Сретенск, они закупили необходимые материалы, подрядили работников, а потом направились дальше на юг и, достигнув бескрайних степей, реализовали свой план. Каждая из геометрических фигур достигала площади в 30 квадратных метров и была выложена из белого известняка, который четко выделялся на фоне чернозема.

Ночью они подсвечивались мощными электрическими рефлекторами.

Разумеется, предприятие стоило немалых денег.

Когда оно было закончено, финансовые дела Роберта были уже основательно порваны, но именно в ту пору оптимизм не покидал его. Они жили по-походному, охотились на лис и волков, удили осетров и лососей в обществе местных жителей. Остатки хоть и грязноваты, но порядочны, а за пачку табаку или бутылку водки готовы пойти за вами хоть на край света.

Марсиане между тем не подавали никаких признаков жизни.

Роберт и Балинский познакомились с богатым помещиком, который с энтузиазмом воспринял их планы и надежды, пообещав денежную поддержку.

По его мнению сигнальные изображения были слишком мелкими, поэтому сибиряк предложил намного увеличить размер фигур и надеялся, что возле них удастся выставить надежную охрану.

Неожиданно все пошло прахом. В бумагах Балинского обнаружили какие-то

серьезные огрехи. Его арестовали и выслали в одну из самых отдаленных губерний. Роберта тоже на некоторое время взяли под стражу и ему с большим трудом удалось вновь выбраться на свободу.

Он немедленно отправился на место эксперимента, но увы! Все оказалось разрушено! Степные бродяги растащили оружие, приборы, запасы продовольствия и снаряжения. Не пощадили они и большой телескоп, с помощью которого Роберт с Балинским собирались наблюдать за сигналами с Марса.

— А что стало с опознавательными фигурами?

— Весь известняк пошел на строительство дорог, по которым разъезжают торговцы чаем и вяленой рыбой.

Рабочие и охотники разбежались на все четыре стороны, прихватив, что было можно...

— Ты упоминал богатея-помещика.

— Того словно подменили. Он принял Роберта весьма холодно и заявил, что его убеждения не позволяют ему поддержи-

вать отношения с нигилистами и разными неблагонадежными.

К счастью, у бедняги Дарвела осталось кое-что из прежних сбережений, а потому он, не раздумывая, сел в поезд, идущий до Лондона, где надеялся в самое ближайшее время сделать очередное изобретение и заработать себе на жизнь.

— Но почему он не встретился с мистером Терамоном? Я уверена, что тот не отказал бы Роберту в поддержке!

— Ах, матушка! Да не судите вы о людях по себе! Роберт, вернувшись в Англию, думал так же, как и вы, и поэтому без долгих колебаний направился к банкиру, которого считал уже почти тестем.

Терамон уже отчасти прослышал о неудачах Дарвела и обошелся с ним довольно бесцеремонно. Впрочем, этому не стоит удивляться. Он из тех, кто прокладывает себе дорогу локтями и знает цену деньгам, а люди подобного склада всегда одинаковы.

«Мое весьма скромное состояние не позволяет мне вкладывать средства в столь грандиозные прожекты, как ваш, милей-

ший, — с грубоватой иронией начал он. — Я восхищаюсь теми вашими неординарными способностями, благодаря которым вы несомненно составите славу вашей родине. Однако установление контакта с обитателями других планет обойдется в один-два миллиарда, не меньше. Поэтому я хочу дать вам хороший совет. Отправляйтесь-ка вы в Чикаго, сэр!»

Роберт не произнес в ответ ни слова и ушел, не прощаясь, хотя на душе у него было очень тягостно. Разумеется, не из-за денег. Вы ведь знаете, маменька, как мало они сами по себе значат для моего друга. Единственное, о чем он искренне сожалел, так это о том, что придется расстаться с мисс Альбертой. Говорят, что она настоящая красавица...

— Гм... Ну и что же дальше?

— Да ничего. Выходя за позолоченную ограду роскошного особняка, Роберт оглянулся напоследок и в одном из окон увидел нежный профиль своей невесты. На прощанье она кивнула, и взгляд ее говорил, что она никогда не забудет Дарвела, а тот в отчаяньи зашагал прочь...

С тех пор они больше не виделись.

— Да, ты прав, история действительно печальная, — кивнула миссис Питчер.

— А тут еще это его странное исчезновение! Я совершенно не понимаю, в чем дело! Мог же он хотя бы написать мне! Когда мы снова увиделись, он так обрадовался... Ведь мы так давно с ним дружим и за все это время ни разу не поссорились! Не иначе как с ним случилось какое-то несчастье!

— А ты не пробовал его разыскать, сынок?

— Конечно! Я очень тревожился за Роберта и потому на другой же день отправился бродить по городу, надев непромокаемый плащ и прихватив с собой револьвер и массивную трость.

«Пойду сразу на Ярмут-стрит, где должен жить этот самый Ардавена, который прислал письмо. Хорошо, что мне запомнилось имя, — подумал я тогда. — Там мне наверняка удастся что-нибудь разузнать!» Через два часа я добрался до цели и, тяжело дыша, остановился перед трухлявыми воротами, на которых краска облезла

давным-давно. Я тщетно стучал дверным молотком. Ставни же были настолько ветхими, что крошились под рукой.

Походив вокруг дома какое-то время, я принялся расспрашивать зеленщицу, которая выглянула на шум, поднятый мною. Насмешливо поглядев на меня, женщина ответила с сильным ирландским акцентом: «Зря вы тут колотитесь, сэр! Попусту время теряете. В доме-то давным-давно никто не живет! Неужто вы сами не видите? Окна повыбиты, крыша провалилась. Может, эта развалюха еще и стоит кое-каких денег, да только кому она нужна!»

Однако, не удовлетворившись этими разъяснениями, я по очереди поговорил с лавочником, рыбаком, двумя полицейскими и, наконец, с подметальщиком улиц, но так ничего толком и не узнал, лишь поиздержался малость.

Домой я вернулся удрученный и сообщил об исчезновении Роберта в полицию.

В последующие дни я снова и снова отправлялся на поиски, но они оказались бесплодными, так же как и усилия лучших

сыщиков Скотланд-Ярда и частных агентов. Никто не смог напасть на след Дарвела. Единственное, что мне удалось установить совершенно точно — в доме № 15 по Ярмут-стрит действительно давно никто не жил. Как вам известно, матушка, с тех пор, как потерялся Роберт, миновал уже месяц. Я перестал разыскивать его, но мрачные мысли не покидают меня, и я не единожды упрекал себя, что в тот вечер отпустил друга одного на эту злополучную встречу, вместо того, чтобы пойти вместе с ним.

Я просто места не могу себе найти, когда подумаю, что все могло быть иначе!

— Успокойся, мальчик мой, успокойся! Возможно, все не так уж плохо и, Бог даст, скоро ты получишь от Роберта весточку. Я не верю, что он пропал бесследно, — утешила Ральфа миссис Питчер и погладила его по густым волосам, как бывало в детстве.

А проснувшись в одно прекрасное утро, Ральф с удивлением обнаружил на ночном столике перо и чернильницу, хотя обычно

они были в его кабинете, расположенном в соседней комнате. Рядом лежал лист бумаги, исписанный знакомым почерком:

«Не тревожься обо мне. Я с головой ушел в серьезную работу. Скоро вернусь. Еще раз умоляю — не волнуйся за меня и не пытайся искать. Не старайся также разузнать, каким образом к тебе попала эта записка.

Роберт Дарвел».

— Хороши шуточки! — озадаченно пробормотал Ральф. — Должно быть Роберт вернулся и проник ко мне через окно, чтобы разыграть!

Но окно было в двадцати футах над землей, а под ним, в маленьком саду жил сильный и злой пес, который не признавал никого, кроме своих хозяев.

Несколько дней Ральфу не давали покоя страхи. В памяти всплыло все, что он знал о загробной жизни, спиритизме и призраках.

— Да, если в наш дом повадились привидения, веселенькая будет жизнь! — решил он.

Однако по натуре молодой человек был настолько оптимистичен и бесхитроsten,

что в конце концов убедил себя, будто Роберт сделал какое-то очередное необычайное открытие, благодаря которому и дал знать о себе.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Дерзкое предприятие, задуманное Робертом, осуществилось лучше, чем можно было предполагать. Результат превзошел всякие ожидания. Космический снаряд со скоростью мысли преодолел воздушные слои земной атмосферы, и металлическая капсула, раскалившаяся докрасна, не только остыла, но даже покрылась льдом, преодолевая темные и мрачные бездны эфира. Однако ледяная корка растаяла, когда корабль вошел в насыщенную теплом и влагой атмосферу Марса.

Из всех планет он и Луна изучены нами лучше всего. Марс в шесть с половиной раз меньше Земли, и диаметр у него, естественно, тоже соответствующий. Новейшие телескопы с улучшенными рефлекторами, а также исследования Скиапарелли

и Фламмариона доказали, что у Марса и Земли очень много общего. Времена года меняются примерно одинаково, но поскольку марсианский год равен 687 дням, то каждый сезон на Марсе в два раза длиннее земного.

Так же, как и на Земле, на Марсе два умеренных климатических пояса, один жаркий и два холодных полюса. Поскольку зимой они покрываются льдами, то хорошо наблюдаются в телескоп. Белизна льда резко выделяется на красно-зеленом фоне остальной части планеты, с которой делались даже фотографические снимки.

Протяженность ледяного покрова зависит от времени года, то есть от уровня температуры. Земные астрономы заметили, что ледяные шапки то увеличиваются, то уменьшаются. Ученые убеждены, что Марс окружен атмосферой, очень похожей на нашу, но более разреженной, хотя она, подобно земной, содержит большое количество водяных паров.

Марс постоянно окружен густыми облаками, хорошо видимыми с Земли. Они огромными кольцами опоясывают северный

и южный полюса планеты, наиболее удаленные от экватора, сохраняясь там по несколько месяцев.

Всегда считалось, что облачность возникает в районе низин и болот. Облака переносятся ветром с места на место, собираются большими массами и рассеиваются. Кроме того, не подлежит сомнению, что марсианские тучи по составу мало отличаются от земных.

В парижской обсерватории уже давно имеются подробнейшие карты, а также фотографии марсианских материков и морей. Моря, видимые в телескоп, представляют собой зеленые пятна с разной интенсивностью окраски. Отсюда можно сделать предположение, что там содержатся в большой концентрации алкалоиды хлористых соединений, а яркость цвета зависит от глубины дна. Что же касается материков и островов, образующих по обе стороны экватора непрерывную цепь или пояс, то они занимают на планете гораздо больше места, нежели моря. Суша пестрит разными оттенками красного и оранжевого цветов, характерных для данной планеты. Древние

греки дали этому небесному телу имя бога войны.

Моря, особенно в северной части Марса, не превышают размерами Средиземное или Каспийское. Участки суши отделены один от другого каналами и большими озерами. Там не найти водоемов, равных Тихому или Атлантическому океанам. Лишь моря в южной и северной частях Марса похожи на земные.

На Марсе есть и горы, но они ниже, чем на Земле, и их гораздо меньше. Об их существовании свидетельствуют светлые пятна, которые появляются на поверхности планеты через определенные промежутки времени. Несомненно, что это горные вершины, покрытые снегами, которые держатся там даже в теплое время года.

Для Марса весьма характерно полнейшее отсутствие рек, зато весь он изрезан гигантскими каналами, длина которых колеблется от одной до пяти тысяч километров, а ширина часто доходит до ста двадцати километров. Их геометрически правильная сеть доказывает, что на планете есть разумные существа, однако, к

великому огорчению астрономов, роль этих каналов, открытых Скиапарелли в 1877 году, по сей день не выяснена в достаточной мере. Но самое удивительное состоит в том, что время от времени на поверхности Марса иногда возникают линии, параллельные некоторым каналам, которые позже бесследно исчезают.

Еще одна интересная особенность Марса: у него целых два спутника, которые астрономы нарекли Фобос и Деймос. Каждая из этих планет меньше Луны. Первая имеет диаметр всего 10 километров и обращается вокруг Марса за 7 часов 39 минут. Деймос чуть побольше. Диаметр его составляет 12 километров, а период вращения по орбите — 30 часов 18 минут.

Обе эти планеты открыл американский астроном Холл, а существование их предсказал вначале Уолтер в своем «Микромегасе», а затем автор знаменитых «Путешествий Гулливера» Джонатан Свифт.

Марс сильно удален от Солнца и потому получает вдвое меньше тепла, чем Земля, но зато и год на нем вдвое длиннее нашего.

Наблюдениями установлено, что Марс совершает оборот вокруг своей оси за 24 часа 37 минут и 33 секунды, то есть его сутки дольше земных примерно на полчаса.

Космический снаряд, узником которого невольно стал Роберт, вторгся в этот неизведанный мир марсианской ночью, оставляя за собой в кромешной тьме светящийся след, подобно болиду. Волны океана под шорох мощных дождевых струй сомкнулись над металлической капсулой, но она не открылась от удара о поверхность воды, как рассчитывали было Ардавена и сам Дарвел.

Благодаря деревянному футляру и меньшей силе притяжения снаряд не пошел ко дну, но и не всплыл на поверхность, став игрушкой стихий.

Так продолжалось целых три дня, пока корабль не прибило к красным гранитным скалам и волнами не забросило в некое подобие грота, расположенного выше уровня воды.

Пружины наконец сработали, и все три капсулы открылись.

Когда Роберт наконец очнулся, вначале

ему стало жутко. Дарвелу показалось, что его похоронили живьем. Однако флюид, которым Ардавена зарядил чехол перед тем, как юношу поместили в корабль, сохранил Роберту жизнь и в считанные минуты наделил его сверхчеловеческой силой.

Одним рывком Роберт разорвал свое плотняное узилище и вырвал из ноздрей воск, мешавший ему дышать. Потом все так же бессознательно вернул язык в естественное положение и глубоко вздохнул.

Но усилия оказались чрезмерными, и Роберт сперва потерял сознание, а потом погрузился в состояние, подобное летаргии. Все произошло так быстро, что он не успел ни собраться с мыслями, ни встревожиться.

Разбудило его чувство приятного тепла. Словно ласковые солнечные лучи согревали спину. Роберт открыл глаза и увидел перед собой гряду красных скал самых причудливых очертаний и обнаружил, что находится в пещере, похоже, довольно глубокой.

Продолжая лежать в металлической

капсуле, Роберт повернул голову, посмотрел вбок и замер от изумления. Он мгновенно сообразил, какая опасность ему угрожала. Капсула зависла над зеленовато-серыми волнами, озаренными странным красноватым солнцем, подернутым дымкой. Одно неверное движение, и он рухнет в безбрежные воды... Солнечный диск показался Роберту меньше, чем обычно.

Надо было как можно быстрее действовать. Рассчитывая каждое движение, Роберт постарался выбраться наружу и не сорваться в зеленую бездну, видневшуюся внизу.

Наконец труды увенчались успехом, и Роберт с облегчением вздохнул.

Он с наслаждением растянулся на красноватом песке, покрывавшем дно грота, и только тогда ощутил приглушенный, но немолчный шум в ушах. Роберт потрогал их и обнаружил, что они тоже залеплены восковыми шариками. Когда они наконец были вынуты, шум прекратился. Теперь Роберт четко различал шорох волн, разбивавшихся о прибрежные скалы, и порывы ветра.

Он почувствовал, что озяб, хотелось есть, голова кружилась, как на высокогорье, зато мускулы были налиты необычайной силой.

Пытаясь разобраться в происходящем, Роберт закрыл глаза и попробовал собраться с мыслями. Вначале он решил, что очень долго спал и поначалу подумал, что находится на побережье Индийского океана, куда, должно быть, его зачем-то привез Ардавена.

Слабость понемногу проходила, и теперь Роберт изо всех сил напрягал память, пытаясь вспомнить, что же все-таки с ним произошло.

Он подошел к маленькому озерцу спокойной воды между скалами и, нагнувшись, поглядел в него. На Дарвела глядело чужое, страшно исхудавшее лицо. Иссохшее тело напоминало скелет, а ногти отросли просто чудовищно...

Что с ним произошло? Бредит он или сошел с ума?

Роберт в отчаянии сжал руками виски и принялся ходить по берегу, внимательно разглядывая море и покрытое тучами не-

бо. Он расхаживал взад и вперед большими шагами, и все происходящее казалось ему кошмарным сном.

Вдруг взгляд его упал на капсулу, из которой он недавно выбрался. Ее первая обугленная оболочка резко выделялась на фоне красного песка.

— Так, — прошептал Роберт, — не иначе как это штучки Ардавены... Ах, если бы я сейчас мог вернуться в свою лабораторию в Келамбре, где был так счастлив, снова увидеть сад... Ну ничего, я заставлю брамина объяснить, что всё это значит!

Его уставший мозг не мог разобраться в путанице мыслей и впечатлений. Голод, холод и жажда терзали Роберта все сильнее. Он плотнее закутался в остатки чехла и зачерпнул горстью воды из озерца, в которое гляделся минуту назад. Однако она оказалась горько-соленой. Должно быть, набралась во впадинку во время бури. Роберт поморщился от отвращения.

Неужто ему суждено погибнуть в порфировом гроте нелепой и бессмысленной смертью?

Молодой человек огляделся по сторонам

лихорадочно блестящими глазами и вдруг заметил в расщелине скалы голубовато-зеленые стебли. Дарвел решил, что это какая-то неизвестная ему разновидность морских водорослей. Сорвав целую горсть, он принялся с наслаждением глотать освежающий сок, выплевывая твердые волокна. Он жевал водоросли до тех пор, пока не начало саднить в горле.

Роберт так много времени провел без еды и питья, что несколько глотков сока водорослей почти опьянили его. Голова отяжелела, ноги слушались плохо, глаза закрывались сами. Однако Роберт снова собрался с силами и перетащил в безопасное сухое место на берегу металлическую капсулу, из которой недавно выбрался наружу, как цыпленок из яйца.

Пристроив ее между двумя скалами, Роберт закутался в чехол, устроился поудобнее и заснул крепким здоровым сном. Но когда он проснулся, мысли по-прежнему разбредались в разные стороны и есть хотелось еще сильнее.

— Нет, это просто невыносимо! — в отчаянии воскликнул Дарвел. — С тех пор,

как пришел в себя, я думаю только о еде! Господи, найти бы хоть что-нибудь, что можно съесть!

Однако сон пошел ему на пользу — перестала кружиться голова. Кроме зверского аппетита, Роберт ощущал во всем теле необычайную легкость: он легко перелетал с места на место на расстояние шесть-семь метров! Временами ему казалось, что за спиной выросли крылья. Теперь приходилось быть осторожней, чтобы ненароком не угодить в воду вместо берега. Роберт обнаружил у входа в грот некое подобие ступенек, которые сотворил прибой. Дарвел решил спуститься в воду, и если там окажется достаточно мелко, пойти вдоль скал дальше. Возможно, ему еще удастся встретить людей, которые помогут вернуться в любимый Келамбр, который, как полагал Роберт, наверняка недалеко.

Вдруг он закричал от радости, и эхо громовыми раскатами отразилось от скал. Оно показалось Роберту до того неожиданно громким, что он в изумлении остановился. Причиной его ликования послужило великое множество двустворчатых раковин, ко-

торами был усеян красноватый гранит чуть повыше уровня воды.

— Я спасен! Я спасен! — твердил Роберт.

Набрав моллюсков, сколько мог унести, он вернулся в пещеру, чтобы полакомиться добычей. Казалось, силы возвращаются к нему с каждой минутой.

Два следующих дня Роберт только ел и спал, пока достаточно не окреп.

— Все, хватит! — решил он наконец. — Не могу же я сидеть здесь, как чайка в гнезде, питаюсь одними устрицами! Пора что-то предпринять!

Большую часть ночи Дарвел провел в раздумьях. У него начали зарождаться смутные подозрения. Необычное небо, металлическая капсула, служившая Роберту подобием постели, безлюдный берег — все подсказывало Роберту, что он очутился очень далеко от Индостана, и сон, от которого он очнулся, был не простым...

— А может, Ардавена приказал забросить меня на юг Сибири, чтобы, избавившись от меня, воспользоваться моими изо-

бретениями? — с тревогой предположил Дарвел. В пользу этих подозрений, казалось, говорила непривычная продолжительность дня и ночи. Хронометр Ардавена Роберту так и не вернул, а домыслы молодого человека не устраивали.

«В северных широтах длинные дни и короткие ночи, — размышлял он, — и наоборот, а тут все по-другому... Странные места...»

С тех пор, как перестали действовать парализующие средства, которые ввели ему факиры, Роберт постоянно хотел спать и в тот вечер он не смог все обдумать до конца. Дарвел снова провалился в сон. Он просыпался только затем, чтобы поесть, и тут же засыпал опять.

В один прекрасный вечер его наконец одолела бессонница, и ночь казалась нескончаемо долгой. Роберт решил подняться на самую высокую прибрежную скалу, как только рассветет.

Однако он засыпал, просыпался и спал снова, а темнота по-прежнему окружала его. На мгновение Роберту подумалось, что тут царит полярная ночь, которая продол-

жается целых полгода, и он невольно вздрогнул.

Наконец сквозь пелену тумана начали пробиваться первые лучи красноватого солнца.

Роберт встал, подкрепился неизменными моллюсками и, не долго думая, принялся карабкаться на красные гранитные скалы, окружавшие грот. Подъем занял у него около часа. Время от времени Дарвел останавливался отдохнуть, используя для этого малейший плоский уступ, и снова лез наверх, цепляясь за выступы и кустики красноватой травы.

Добравшись наконец до вершины, он остановился, потрясенный. Вокруг высился лес с золотистой и красной листвой. Роберту удалось распознать бук и лещину. Перед ним шумела глухая чаща. Ни дороги, ни тропинки... Красноватая ежевика, малина с румяными листьями, бурые мхи сплошным ковром покрывали землю. На окутанном дымкой горизонте виднелись два гранитных мыса, меж которых поблескивало море.

Удивленный, что в здешних пейзажах так

много красного цвета, Роберт обрадовался, будто ребенок, когда забрел вглубь леса. Молодой человек решил, что он в Канаде, поскольку читал, что там много растений с красноватым оттенком листьев.

Он быстро обдумал план дальнейших действий.

«Я пройду через этот лес по прямой, держа путь на юг, а ориентироваться буду по солнцу и звездам, — сказал он себе. — Таким образом, я должен оказаться в южной части страны, где расположены большие города и есть железная дорога. Даже если бы меня забросили к полярной зоне, то дней через восемь я наткнулся на какую-нибудь эскимосскую деревушку или стоянку охотников, которые торгуют мехами, а может, встречу золотоискателей...»

Перед тем, как отправиться в дорогу, Роберт решил отдохнуть в лесу подольше. Он поел крупной золотистой малины и черной смородины, набрал красных орехов, лиловой брусники и лишь тогда двинулся вперед. При его приближении в воздух взмывали птицы, напоминавшие дроздов и воробьев. Роберт набрел на поляну, где

росло множество белых губчатых грибов, которыми он отлично позавтракал.

К великому удивлению Роберта, солнце, окутанное туманом, стояло неподвижно. Лес в багряном уборе был подобен Эдему осенним нескончаемым утром. В траве сновали желтые шмели и только птичьи голоса нарушали первозданную тишину.

Дарвела все больше охватывало странное оцепенение. Он думал, как хорошо было бы остаться в этих местах, где царит тишина и безмятежный покой. Море, разбиваясь о прибрежные скалы, не умолкая, пело свою монотонную песню.

Закат вечером был столь долгим, какого Роберту никогда не доводилось видеть прежде. Мало-помалу облака на горизонте становились черными, как чернила, а когда багровый диск наконец скатился за горизонт, все вокруг залил трепетный лунный свет. Роберт невольно залюбовался светлячками, усеявшими ветки кустов, а когда повернулся в сторону моря, глазам его открылось зрелище, от которого он остолбенел.

В зеленоватых волнах отражались две огромные, ослепительно-белые луны!

— Значит, я не заболел и не спятил... — прошептал Дарвел.

Он прикрыл глаза, медленно опустился на моховой ковер и погрузился в раздумья. Наконец он понял, что означают металлическая капсула, красные листья на деревьях, окутанный дымкой солнечный диск и две луны. Наконец все встало на свои места!

— Я первый человек, попавший на Марс! — торжествующе воскликнул Роберт, не в силах совладать с переполнявшей его гордостью, к которой примешивалась изрядная доля тревоги.

ПУСТЫНЯ

Пошатываясь, Роберт поднялся на ноги. В мозгу билась единственная мысль:

— Марс! Планета Марс!

Эти колдовские слова звучали у него в ушах при каждом дуновении ветра, слышались в печальном шорохе листвы и однообразном шуме прибоя.

— Планета Марс!

Роберт промолвил эти слова вслух и испугался. Ему почудилось, что нестройный хор голосов повторил то же самое из лесной чащи.

Он невольно обернулся назад и огляделся вокруг зрачками, расширенными от страха перед Неведомым.

Теперь Дарвела преследовало чувство, будто какие-то бесформенные существа, кривляясь, выглядывают из-за кустов и тихо, но насмешливо твердят:

— Марс! Ах, Марс!

Роберт невольно направился к поляне, залитой ясным, спокойным светом двух лун. Желтые ивы и красные буки отбрасывали длинные тени.

Он с трудом преодолевал желание кинуться прочь без оглядки. Роберту казалось, что кто-то идет за ним по пятам и горячо дышит прямо в затылок.

Было слышно, как какие-то создания грызут падалку у корней деревьев, ветер шумел в кронах высоких стволов, и где-то далеко журчал родник. От этих звуков Роберту делалось еще тревожнее. Его тол-

пой обступили воспоминания о жителях других планет из прочитанных когда-то историй.

Кем заселен Марс? Хищными чудовищами или высокоразвитыми существами, которые далеко обогнали землян в своем мире?

Все эти мысли беспорядочно роились в голове Роберта, а душа была охвачена таким смятением, что он чувствовал себя беспомощным и беззащитным, как первобытный человек в каменном веке. Огромные нетопыри бесшумно проносились над ним на своих бархатных крыльях, а он вспоминал о крылатых дьяволятах, злобных карликах и ночных страшилищах, которые днем прячутся в пещерах и дуплах высохших деревьев, а по ночам выползают из своих нор, чтобы, подобно сказочным вампирам, высасывать кровь из своих жертв.

Ощущение одиночества и заброшенности овладело Робертом настолько, что он брел, как помешанный. Вокруг царила ночная тишина, лес был напоен запахами трав и влажной земли, а Дарвелу казалось, что

его на каждом шагу подстерегает незримая опасность, и кровь у него в жилах ledenela от ужаса. Старушка-Земля, затерянная в глубинах космоса, теперь представлялась ему истинным раем, самым уютным уголком Вселенной, а душу терзало отчаяние.

Там, на Земле, были люди!

Роберт считал бы себя счастливейшим существом в мире, окажись он теперь в полном одиночестве, без крыши над головой, без друзей и даже без гроша в кармане в самом захудалом предместье Лондона или Парижа, в безлюдных сибирских просторах, или став пленником какого-нибудь дикого племени с острова Ява или Новая Гвинея.

Дарвел с тоской оглядывался по сторонам. Ему невыразимо хотелось забиться в кусты или какую-нибудь расщелину между камнями, как дикому зверю, и там дожидаться рассвета.

Вдруг Роберт очутился на берегу ручья, чьи светлые воды искрились в лучах Фобоса и Деймоса, струясь меж двух огромных ржаво-бурых скал.

Все вокруг буйно поросло камышами, тростником и каким-то своеобразным растением с раскидистыми ветвями и мясистыми листьями. В глубине вод резвились золотистые, юркие и гибкие рыбы, напоминавшие форель, большие деревья с темными кронами гляделись в прозрачный поток.

Открывшаяся картина природы поразила Роберта своей красотой. Он еще нигде не видел ничего подобного. Самообладание постепенно возвращалось к Дарвелу и теперь он начал стыдиться порыва малодушия.

Опустившись на колени во влажную траву, он зачерпнул в ладони воды, которая оказалась прохладной, и освежил горевшее лицо.

— Все, хватит праздновать труса! — решил Роберт. — Нужно быть достойным судьбы, которую сам себе выбрал! Ведь я же рвался любой ценой познать неизведанные миры. От врагов и случайностей меня защитят извечные сокровища человеческих знаний. Независимо от того, выйду ли я из этой игры победителем или окажусь побежденным, но цели достигну все

равно. Я заполню страницу, которую хотел записать, и миссия моя не окажется бесполезной! Поэтому я не имею права на страх и жалость к себе!

Расставив для себя все точки над «і», юноша основательно приободрился. Теперь необычные обстоятельства, в которых он очутился, наполняли его энергией, и Дарвел быстрым шагом направился дальше.

Оставив далеко за собой ручей и поляну, Роберт углубился далеко в чащу, где почва поросла мягким бархатистым мхом.

Если бы земные друзья молодого инженера теперь увидели его, то в человеке, идущем наугад большими шагами по тропинкам дремучего леса, они вряд ли узнали бы прежнего Роберта. Он страшно исхудал и осунулся, всклокоченные волосы и борода сильно поседели, спина ссутулилась. Единственной его одеждой служил чехол. Роберт дрожал и кутался в него плотнее, хотя было еще не слишком холодно. Израненные ноги он обмотал древесной корой, соорудив из нее некое подобие сандалий. Чудовищно отросшие острые ногти делали его похожим скорей на

дикаря эпохи неолита, чем на знаменитого инженера, о котором в свое время писали все научные журналы.

Окончательно убедившись, что оказался за пределами родной планеты, а лес, который он считал вначале канадским или сибирским, растет на Марсе, Дарвел шел быстро и не останавливаясь. Делал он это и затем, чтобы согреться, и затем, чтобы как можно скорей встретиться с марсианами, о которых хотел разузнать наконец хоть что-нибудь конкретное.

— Если они добры и разумны, — сам с собой рассуждал Роберт, — я постараюсь, чтобы меня поняли. В помощи мне наверняка не откажут. Если они глупы и злобны, я заставлю их бояться меня, и тогда им тем более придется мне помочь.

Немного успокоенный этой слабой надеждой, молодой человек все шел и шел вперед, пока усталость не победила его окончательно. Натруженные ноги нестерпимо болели.

Он сломил длинную, почти прямую ветку, которая должна была послужить ему дубинкой, если кто-то захочет напасть.

Роберт с удивлением обнаружил, что оторвал от елового ствола толстенную палку без малейших усилий, и теперь вертел ее в руках, как точеную тросточку.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Да ведь я совсем забыл, что Марс почти в шесть раз меньше Земли! А поскольку гравитация тоже уменьшается, то сила моих мускулов возрастает! Пусть марсиане будут поосторожнее! Если они вздумают затеять со мной драку, я с ними разделаюсь как следует!

Он улыбнулся, по-детски обрадовавшись своему превосходству.

Потом принялся раздумывать и вспомнил множество мелких деталей, которые убедили его, что меньшая сила притяжения планеты увеличивает физическую силу человека.

«Когда я проснулся, то был очень слаб. На Земле в таком состоянии я не смог бы выбраться из капсулы и разорвать чехол. А я карабкался по скалам и добрался до леса. Мне ни за что не пройти такого огромного расстояния, как нынче, будь я на Земле!»

Действительно, Роберт продвигался вперед огромными шагами. Временами ему казалось, что он парит над землей.

А когда Дарвел решил перепрыгнуть через ствол поваленного дерева, то взмыл вверх метра на два.

Роберт был в полном восторге, а живое воображение подсказало ему, что при таких обстоятельствах лесные хищники не страшны.

Погруженный в свои мысли, он мчался вперед через лес, озаренный лунным светом. Кроны деревьев переливались разными оттенками розового на серебристом фоне.

Но вот лес неожиданно кончился, и теперь Роберт стоял на вершине холма, откуда четко просматривались окрестности. Поросшие лесами ближние горы до половины окружали озеро, усеянное островками. С горных вершин струилось несколько водопадов.

Вся природа вокруг сверкала и переливалась удивительными красками. Деревья, почва, мхи — все было ярким: красным,

оранжевым, темно-лиловым или золотистым. Зелень почти терялась на этом фоне.

Зато там росли тополя с серебристыми кронами и кустарники с тонкой блестящей голубой хвоей, похожей на иглы ели. Зрелище этого буйного растительного царства с золотистыми, пурпурными и рыже-коричневыми кронами, озаренными фосфорическим светом двух лун, наполняло душу возвышенной печалью. В золотистом лесу деревья с белой и голубой листвой казались печальными призраками или юными девушками, заплутавшими в чаще, чьи светлые одежды развеивал легкий ветерок.

Купол неба был безоблачен и чист, а ночную тишину изредка нарушал робкий шепот листьев и лесные шорохи, которые еще совсем недавно так тревожили Роберта. Шелест крыльев, порывы ветра, хруст сухих веток — все говорило о том, что чаща живет своей жизнью, которая не прекращается с заходом солнца.

Роберт долго не мог отвести взгляд от этой дикой чарующей красоты, рождавшей восторг и странную тревогу в его сердце.

Чувства переполняли его настолько, что

к горлу подкатывал твердый ком, дыхание останавливалось.

Одиночество вновь нахлынуло на него, и Роберт тоскливо оглядывался вокруг. Он бы сейчас отдал все на свете, лишь бы рядом оказался кто-нибудь — друг, посторонний или даже враг! Живая душа, с которой можно перемолвиться словом.

Дарвел уселся на мягкий золотисто-коричневый мох, который рос буквально повсюду, и попробовал еще раз успокоиться.

Его тревожило, что как он ни вглядывался вдаль, как ни озирался по сторонам, нигде не заметил ни малейшего намека на присутствие живых существ: окрест не было ни дыма, ни огонька, ни самого примитивного жилища. Роберт был совершенно один в девственном краю вековых лесов, не тронутом цивилизацией.

Он невольно напрягал слух, надеясь услышать охотничий клич, песню пастуха или хотя бы эхо человеческого голоса. При одной мысли об этом сердце Роберта учащенно билось.

Он невольно отдался воспоминаниям о

том, как они с Ральфом Питчером вместе охотились в джунглях. Роберт, не колеблясь, отдал бы десять лет жизни за то, чтобы сейчас этот верный и надежный друг очутился рядом.

О чем Ральф думает в эту минуту там, на берегах Темзы? Наверное, про себя упрекает Роберта в забывчивости и бессердечии... А может, и сам перестал думать о приятеле в море повседневных забот...

От этих дум Роберту стало еще тоскливее. Ах, если бы Ральф в этот миг и впрямь был тут, исследовать вместе эту чудесную неизведанную планету стало бы легче и радостней...

Но увы, Роберт был один-одинешенек и, размышляя о покинутой Земле, крохотной звездочкой сверкавшей на небосклоне, чувствовал, что присутствие духа покидает его. Воспоминания неудержимой волной нахлынули на юношу, переполняя его и без того измученную душу.

Роберт вздохнул, подумав о прелестной Альберте, которая любила его и которую он наверняка больше никогда не увидит. Она, должно быть, уже давно позабыла о

нем, считая, что он погиб или пропал без вести.

Прошное рядом непрерывных картин проходило перед его внутренним взором: детство в деревушке под Парижем, смерть родителей, которые не оставили сыну ни средств, ни опекунов; годы учебы, которой он отдавался с самозабвением, первые изобретения, путешествия по Сибири и приключения на мысе Кэп, жизнь в монастыре и полет в космической бездне...

— Эх, да что теперь вспоминать о прошлом! — махнул рукой Роберт. — Лучше подумать, как избежать грядущих неприятностей!

Он снова завернулся в свой импровизированный плащ, поднял увесистый посох и снова зашагал вперед легким стремительным шагом. То, что можно так долго ходить пешком, почти не уставая, все еще оставалось для него непривычным.

Прикинув, Дарвел решил по берегу озера подойти к дальнему лесу и так выбраться на равнину по другую сторону гор. Возможно, именно там удастся встретить людей.

Примерно через час Роберту так сильно

захотелось есть, что в желудке начались голодные спазмы. Не обнаружив ничего более подходящего, он принялся рвать молодые побеги деревьев. Почти у самой воды Роберт увидел заросли растений, которые, если не считать коричневых листьев и крупных плодов, очень напоминали водяной орех, растущий в Западной Франции.

Преодолевая отвращение, Роберт довольствовался этим скудным и не слишком приятным обедом, пообещав себе найти средство для добывания огня, на котором можно готовить более основательную еду.

Кое-как заморив червячка, он продолжал свой дальнейший путь, по-прежнему почти не уставая.

Он продолжал идти, даже когда стемнело, и эта ночь показалась Дарвелу бесконечно долгой. Чуда все не было, и горечь разочарования вновь сменила надежду.

Снова дал о себе знать голод, но Роберту повезло найти немного грибов и буковых орехов под развесистыми деревьями с пурпурными кронами.

А когда первые лучи холодного робкого

рассвета пробились сквозь туман, подобный дыму догоравшего пожара, Роберт наконец достиг вершины гряды холмов на другой стороне озера.

Перед ним внизу расстился однообразный и унылый пейзаж: огромные болота изредка перемежались с небольшими озерцами и кустарниками. Казалось, всему этому нет конца. Моросил мелкий надоедливый дождь, небо было пасмурным и хмурым, в воздухе кружили птицы, но окрест не было ни малейшего намека на человеческое жилье...

— Неужто я очутился на необитаемой планете?! — с отчаянием воскликнул юноша. — Если так, мне незачем дорожить своей жизнью! Я обречен потерять человеческий облик в этом запустении!

Роберту хотелось кричать от безысходности.

— Да будут прокляты мечтатели и безумцы, которые думают, что на иных планетах есть разумная жизнь и полно всяких чудес! Теперь я понял: любой уголок Вселенной похож один на другой! Ничто не ново в этом мире, и за пределами Солнечной

системы, увы, тоже! Я наказан за свою непомерную гордыню... Я сдохну тут, как прокаженный, в полном одиночестве и отчаянии... Я никогда больше не увижу своих друзей и не порадуюсь жизни...

И РАДОСТЬ УБИВАЕТ...

А сейчас, милейший читатель, нам с вами пора вернуться на Землю, хотя и не столь быстро, как Роберт достиг поверхности Марса, ибо у нас, в отличие от него, нет столь опытных духовных наставников и чудесного прибора, с помощью которого брамин концентрировал в пучок психическую энергию множества отдельных людей.

Ральф постепенно привыкал к отсутствию своего друга, что, впрочем, вполне естественно, однако и его исчезновение, и таинственная записка оставили в памяти Ральфа глубокий след, потрясли своей необъяснимостью, и он постоянно об этом думал, хотя, по просьбе Роберта, не предпринимал никаких попыток разыскать его.

Ральф гнал от себя надоедливые мысли,

но они возвращались снова и снова, не давая покоя. Иногда по ночам он просыпался от ощущения, что Роберт где-то совсем рядом и глядит на него с глубоким укором.

Кошмар повторялся настолько часто, что в один прекрасный день Ральф снова отправился к старому дому на Ярмут-стрит.

Под действием дождя и ветра дом ветшал буквально на глазах.

От въездных ворот отваливались целые куски, навесы отпали и держались только на гвоздях, замки исчезли. Их наверняка снял и продал какой-нибудь ночной бродяга.

Поэтому Ральф смог свободно войти во двор, заросший заячьей капустой, матерым чертополохом и калужницей, которая так любит расти среди развалин. Немного погодя Питчер обследовал старинное здание сверху донизу, но нигде не обнаружил следов друга.

При этом он не единожды рисковал сломать себе шею на трухлявых переломанных лестницах или свалиться вниз сквозь дыру в обвалившемся потолке. Еще немного, и здесь останутся лишь толстые стены

и каминные остовы с массивными гербами времен королевы Елизаветы или Анны. Потом явятся какой-нибудь спекулянт, паровые насосы, автомобили и каменщики со своими заступами, которые вместо этих развалин возведут доходный дом в несколько десятков этажей, где будет электричество, лифты и центральное отопление.

Так размышлял Ральф, медленно спускаясь по центральной лестнице с коваными железными перилами. Вдруг он заметил на древних ступеньках какой-то блестящий предмет и остановился. Нагнувшись, молодой человек увидел опал величиной с небольшое бобовое зерно.

— Цена ему, конечно, невелика, от силы кроны полторы, если продать, — пробормотал он, — а купить можно и вовсе за пару соверенов...

Вдруг Ральф запнулся и, внезапно побледнев, принялся разглядывать драгоценный камень, мерцавший всеми цветами радуги.

Сомнений больше не оставалось! Это была булавка для галстука, принадлежавшая Роберту!

— Его заманили сюда обманом и прикончили! — с гневом и печалью воскликнул Питчер. — Да нет же, этого не может быть! — возразил он сам себе мгновение спустя. — Как же тогда объяснить появление в моей спальне загадочного письма? Кто другой мог его написать?

Ральф покинул Ярмут-стрит сильно взволнованный и целый вечер ломал голову над новой загадкой. Наконец он нашел решение настолько простое, что принялся упрекать себя, как не додумался до этого раньше.

Наутро Питчер пошел в агентство по продаже недвижимости и после долгой волокиты наконец установил, что это здание на Ярмут-стрит после почти вековой тяжбы между английскими претендентами и наследниками из Индии вот уже несколько месяцев назад перешло в собственность индийского священнослужителя по имени Ардавена.

Он пользовался большим авторитетом среди своих соотечественников как по причине мудрости, так и из-за огромного богатства.

Это была первая зацепочка, первый след!

Ральф решил продолжать поиски и, воспользовавшись протекцией своего друга, знаменитого профессора-зоолога, отправил английскому резиденту в провинции Келамбр длинное письмо, в котором просил сообщить как можно больше подробностей о брамине по имени Ардавена, а также выяснить, не живет ли в тамошнем монастыре молодой инженер-француз.

Следует добавить, что к тому времени финансовое положение Ральфа значительно улучшилось: во время одной из последних экспедиций удача улыбнулась ему. Ральф обнаружил богатый клад, и это позволило ему оставить менее прибыльные занятия.

Теперь вместо набивки чучел бульдогов, лис и попугаев он мог полностью посвятить себя изучению естественной истории и сделал в этой области много оригинальных открытий.

Он уже подписывал своим именем серьезные научные статьи, которые прежде вынужден был продавать известным ученым, а те, благодаря ему, зарабатывали себе славу и состояние.

Постепенно Ральф снискал себе известность среди действительно образованных людей, которыми владела бескорыстная любовь к науке.

Его книга «Об исчезновении редких видов животных» наделала много шума. Портрет Ральфа поместили на своих страницах солидные французские и английские научные журналы. Однако, несмотря на эти первые проблески будущей славы, Ральф упорно не желал расставаться со своим маленьким магазинчиком, в котором торговал чучелами. Это была одна из его причуд. Кроме того, как и всякий истинный ученый, Ральф питал непреодолимое отвращение к любым переменам в устоявшемся укладе жизни.

Он жил так же скромно, как и прежде, а свои капиталы поместил в королевский банк, надеясь использовать их для какого-нибудь крупного научного исследования. Проценты постоянно нарастали, и сумма достигла уже ста пятидесяти тысяч фунтов стерлингов.

Живи Ральф в какой-нибудь другой стране, столь своеобразное поведение доставило

бы ему немало хлопот, а в Англии все было совсем наоборот. Популярность Питчера только возрастала. За ним закрепилась репутация оригинала, а в магазинчике всегда толпились покупатели. Мало того, туда частенько заглядывали и фоторепортеры, чтобы сделать очередной снимок.

Именитые аристократки наперебой делали ему заказы, а автомобили с гербами на дверцах то и дело тормозили у дверей скромного заведения, к великой озабоченности миссис Питчер.

Ральф стал весьма известен и радовался при мысли, что власти, к которым он обратился за справками об Ардавене и Роберте Дарвеле, не могут отделаться простой отпиской.

Отправив письмо, он несколько успокоился и вновь обрел свой прежний оптимизм. Он вдохновенно работал, исследуя под микроскопом препарат яйца экзотической птицы, несколько дней назад присланного с Мадагаскара. Ральф надеялся, что эти данные послужат концепцией новой, весьма любопытной теории.

Вечером, чтобы дать отдых усталому уму,

он решил заглянуть в кабачок на берегу Темзы, в котором всегда было полно иностранцев и где он обычно читал заграничные журналы. Однако прежде всего Ральф открыл очередной выпуск «Таймс». пробежав глазами редакционную статью, Ральф уперся взглядом в заголовок, набранный крупным жирным шрифтом:

СМЕРТЬ ОТ РАДОСТИ

**Собственными силами. — Драммы спекуляции.
— Беспольные миллиарды. — Мисс Альберта
не умрет. — Надежда на ее спасение существует...**

«Когда номер уже уходил в печать, нам стало известно, что скончался Жан де Терамон, известный банкир и всеми уважаемый человек. Его смерть вызывает глубокое сожаление в лондонских торговых кругах. Как мы знаем, во время войны в Трансваале покойный не побоялся сделать крупные ставки на бирже. А после заключения мира, несмотря на предостережения друзей, вложил все свои капиталы в золотые прииски, которые перед тем обследовал знаменитый французский инженер Роберт Дарвел. Следует отметить, что усопший весьма доверял ему, а позже они поссорились по какому-то совершенно пустяковому поводу.

Вначале все шло прекрасно: копи, согласно прогнозам Дарвела, приносили солидные доходы, а банк Ж. Терамона выплачивал акционерам сказочные дивиденды.

Однако вскоре золотые жилы исчерпались, стоимость проведения работ и рекламы начала превышать прибыль. Курс акций приисков стремительно упал, их вычеркнули из списков, а вкладчики забросали ими биржу, стремясь поскорее избавиться от них даже с убытком для себя.

Любой другой в подобной ситуации постарался бы наверняка спасти хоть некую часть вложенных средств и поместить их в более выгодное предприятие.

Однако покойный банкир, невзирая на все предостережения и советы, с неслыханным упорством стоял на своем. Он скупал все акции, которые поспешно распродавали вкладчики, в чем ему никто не препятствовал, ибо вести, поступавшие с рудников, были все более неутешительными. На шахтах обнаружился пласт мергеля, который, по мнению опытных специалистов, лежал на границе золотосных пластов.

Тем не менее Терамон верил в перспективность приисков, работы продолжались непрерывно, на что уходили все оставшиеся капиталы.

В последнее время положение банкира считалось безнадежным. Он продал свою великолепную коллекцию полотен и прекрасные леса в северной Шотландии, где прежде устраивал поистине королевскую охоту. А поступившая вчера по беспроволочному телеграфу депеша с полуострова Кэп стремительно изменила положение вещей.

После прохождения мергелевого пласта на шахтах обнаружили сокровища, сравнимые разве что со сказочными залежами калифорнийских приисков. Извлеченные на поверхность самородки достигали веса в несколько килограммов.

В тот самый день, когда это известие, как гром с ясного неба, обрушилось на биржу, мистер Терамон приказал выставить на продажу с аукциона свой роскошный особняк. Получив еще несколько телеграмм, подтверждающих эту невероятную удачу, он не вынес столь сильного внезапного потрясения и скоропостижно скончался.

Его убила радость!

В тот же самый вечер цена акций банка взлетела с трех до ста шестидесяти фунтов стерлингов, и можно с уверенностью утверждать, что это далеко не предел.

Наш уважаемый банкир ушел из жизни в тот самый момент, когда на его счета должна была по-

ступить огромная сумма примерно в миллиард фунтов стерлингов.

Единственная наследница этих грандиозных капиталов, мисс Альберта де Терамон, узнав о трагической кончине отца, лишилась чувств и всю ночь находилась между жизнью и смертью.

Однако в настоящий момент, по мнению врачей, она находится вне опасности и будет жить.

В конце своего сообщения мы напоминаем, что Роберт Дарвел, открывший золотые прииски, и мисс Альберта были помолвлены, но свадьба их расстроилась из-за недоразумений между молодым французским инженером и мистером Терамоном».

Ральф еще раз перечитал статью и глубоко задумался.

Весь следующий день он провел, запершись в лаборатории, что с ним случалось лишь тогда, когда он был целиком поглощен какими-то серьезными мыслями.

Через три дня он появился в особняке Терамонов, тщательно одетый и выбритый, и попросил разрешения повидаться с мисс Альбертой.

Первоначально ему ответили отказом, поскольку девушка была еще весьма слаба

и сильно подавлена горем. Альберта просила Ральфа навестить еще раз, потому что пока она никого не принимает.

Несмотря на категорический отказ, Ральф невозмутимо сказал дворецкому, чтобы тот передал своей хозяйке следующее: гость хочет сообщить ей важные сведения, касающиеся Роберта Дарвела.

Его слова возымели магическое действие. Через несколько минут Ральфа проводили в изящно обставленный маленький салон, обитый бело-зелеными шелковыми обоями.

Молодой ученый ожидал увидеть перед собой молодую светскую львицу, одетую, как манекен из модного магазина, вся жизнь которой состоит из приемов, нарядов и занятий спортом.

Вместо этого он с удивлением разглядывал серьезную девушку с задумчивыми голубыми глазами и пышными ярко-рыжими волосами. Высокий лоб, энергичные линии подбородка и носа придавали ее хорошенькому личику волевое выражение. Эту силу воли она унаследовала от покойного отца.

Указав гостю на стул, Альберта произнесла мелодичным и мягким голосом, в ко-

тором, однако, пробивались нотки решительности:

— Вы единственный человек, мистер Питчер, которого я согласилась принять в эти столь трудные для меня дни. А поступаю я так потому, что, во-первых, знаю о вас от Роберта, а во-вторых, потому, что читала ваши публикации. Вы очень талантливый ученый и одновременно очень скромный человек. Я уверена, что вы не стали бы тревожить меня по пустякам.

Услышав ее простые, искренние слова, Ральф почувствовал себя раскованно и непринужденно.

— Вы не ошиблись, мисс, — тихо произнес он. — Мне необходимо было повидаться с вами. Возможно, вас удивит мой рассказ, но я ручаюсь, что в нем нет ни капли вымысла.

Тут Ральф сообщил о загадочном исчезновении Роберта, таинственном письме и результатах своих последних поисков.

Альберта слушала, не перебивая, и по мере того, как Ральф продолжал свое повествование, лицо ее постепенно оживля-

лось, уголки губ, болезненно опущенные книзу, начали улыбаться.

Наконец девушка выпрямилась, подняла голову и сказала:

— Я верю всему, что вы мне сообщили, а ваша привязанность к Роберту просто трогательна. Это не пустые слова, мистер Ральф. Трудности, которые мой отец испытал перед триумфом, стоившим ему жизни, и меня кое-чему научили, хотя этот опыт куплен дорогой ценой. Тогда нас покинули все. Когда мы очутились на грани разорения, я поняла, как бесцеремонны бывают кредиторы и как высокомерно может вести себя прислуга...

А теперь возвращаются все! — продолжала она, горделиво вскинув подбородок. — Они пресмыкаются наперебой, приползают чуть не на коленях. Каждый уверен, что легко заморочит голову молодой, неопытной в финансовых делах девчонке! Ах, какое глубокое заблуждение! Отец оставил мне не только свои миллионы. От него я унаследовала также прозорливость и силу воли. Я уже предприняла все возможное, чтобы обезопасить свои капиталы, и ни

один из этих стервятников, которые кружат над моими золотыми полями, рассчитывая на богатую добычу, не получит ни пенса! Я владею миллиардами, но распоряжусь ими по собственному усмотрению. Если бы мой отец был жив, я уверена, он предоставил бы мне в подобных вопросах полную свободу. Он очень любил меня, и мы поссорились один-единственный раз, когда я упрекнула его в неблагодарности по отношению к мистеру Дарвелу, которого я любила и продолжаю любить. Я уже знаю, что мне следует предпринять. Я приняла свое решение еще до того, как познакомилась с вами, мистер Питчер.

— Что вы имеете в виду, мисс Альберта?

— Я хочу разыскать Роберта Дарвела и стать его женой. Я поклялась себе, что не выйду ни за кого другого.

Сердце Ральфа наполнилось радостью. О подобном решении наследницы банкира он и мечтать не смел, а прямой и открытый, хотя и несколько жестковатый характер Альберты весьма импонировал ему.

— Я вижу, что мы с вами полные единомышленники, мисс, — отозвался он. —

Я пришел к вам отнюдь не затем, чтобы просить денежной поддержки, ибо, хоть я по сравнению с вами просто нищий, на моем банковском счету все-таки кое-что есть, поэтому не будем больше возвращаться к этой теме...

— Тогда чего же вам угодно? Я готова выписать чек на любую сумму, какая вам потребуется.

— Но я ведь уже сказал, что дело вовсе не в деньгах, — несколько нетерпеливо повторил Ральф. — Теперь, когда я познакомился с вами лично, я попросил бы их не задумываясь в случае надобности, но речь идет о другом. Теперь вы почти все-сильны, мисс. Ваше малейшее желание будет исполнено немедленно. Поэтому я прошу всего лишь написать в Келамбр, и более чем уверен, что ответа долго дожидаться не придется. Ибо что значит бедный чучельник или даже мудрец по сравнению с такой богачкой, как вы, мисс Альберта?

— Вы безусловно правы, мистер Ральф. Я напишу незамедлительно и попрошу вас собственноручно отослать письмо. Однако, позволю себе кое-что добавить. За сведе-

ния о Роберте следует назначить награду в пять тысяч фунтов стерлингов.

— Мне такое и в голову не пришло, — простодушно отозвался Питчер.

— Я истинная дочь своего отца, не так ли? Мне уже довелось хорошенько узнать на себе, какой силой обладают деньги...

Альберта села за свой изящный секретер из масличного дерева, инкрустированный перламутром и серебром. Немного погодя послание было готово.

Полный надежд, Ральф возвратился к себе.

А недели две спустя, когда он еще лежал в постели, миссис Питчер по обыкновению принесла ему утренние газеты, письма и кофе.

Для Ральфа это были одни из самых приятных минут. Медленно отхлебывая душистый горячий напиток, он торопливо просматривал научные сообщения, размышлял, планировал, что ему нужно сделать за день, и обычно вставал лишь тогда, когда в голову ему приходила очередная интересная идея.

Он как раз с интересом проглядывал спектральные фотографии различных планет, когда взгляд его вдруг упал на письмо со штемпелем англо-индийского королевства. Ральф поспешно распечатал его и принялся читать. Это было официальное правительственное сообщение из Келамбра. Изложенное сухим канцелярским стилем, оно повергло молодого человека в глубокое изумление.

Представитель английского резидента излагал, как умел, сведения о катастрофе, разыгравшейся в монастыре по вине Ардавены. Он утверждал, что на месте происшествия действительно находился инженер-француз, чье имя осталось неизвестным, и уверял, что тот погиб в результате неудачного научного эксперимента, цель которого по сей день не выяснена. Та же участь постигла и несколько сот йогов, то есть браминов низших каст.

Едва дочитав письмо до конца, Ральф вскочил с кровати и, торопливо одевшись, кубарем скатился по ступенькам. Остановив на улице первое попавшееся такси, он велел отвезти себя в дом мисс Альберты.

Оттуда он вернулся озабоченный, но несколько успокоившись.

Через восемь дней все английские газеты опубликовали сенсационное сообщение.

Свежеиспеченная миллиардерша мисс Альберта Терамон за баснословную сумму купила корабль, оснащенный по последнему слову техники и утопавший в роскоши, который предназначался для кого-то из Вандербилдов, и отправилась в путешествие. Куда? Об этом никто не знал.

Некоторые газеты утверждали, что мисс Терамон, будучи столь же энергичной, как ее отец, поехала лично проверить доходы на приисках, другие писали, что она отправилась для отдыха по Средиземноморью.

Однако самой пикантной подробностью этого неожиданного отъезда являлся факт, что мисс Альберту сопровождал известный естествоиспытатель Ральф Питчер, и это возбуждало всеобщее любопытство.

Даже самые отъявленные борзописцы не спешили тиснуть в печати свои домыслы о женитьбе скромного чучельника на моло-

дой миллиардерше. Собственно, а почему бы и нет?

Короче говоря, Лондон терялся в догадках.

ДОБЫВАНИЕ ОГНЯ

Роберт недолго предавался отчаянью. Чувствуя себя безмерно уставшим, он устроил мягкую травяную подстилку в зарослях колючего можжевельника и беспробудно проспал часов шесть.

Судя по окрестностям, бояться тут было некого: ни местных обитателей, ни диких зверей.

Поэтому Роберт мог поживать спокойно. Проснувшись, он насобирал красной лещины, водяных каштанов и грибов. Это пиршество могло бы привести в восторг любого вегетарианца, но Роберт, который отнюдь не был сыроедом, поклялся себе, что как только выберет подходящее место для жилья, сразу же займется охотой и рыбной ловлей, отыщет способ добывать огонь и построит себе крепкую, надежную хижину.

Он был изобретатель милостью Божьей. У него не было с собой ни консервов, ни оружия, ни инструментов. Роберту нужно было начинать с нуля. Но он великолепно знал химию, механику и другие естественные и точные науки. Эти знания были ценнее целой флотилии, нагруженной приборами и снедью.

Перво-наперво Роберт составил план на ближайшее будущее. Он построит жилище, сделает силки для охоты и удилища, смастерит одежду и обувь. А после этого он примется искать средства для осуществления самой главной своей цели, которая зародилась в его уме сразу же после пробуждения от загадочного сна. Он добудет эти вещества из болотного ила, а если понадобится, даже из воздуха, поищет их в расщелинах скал и в земле...

Пользуясь своей великолепной зрительной памятью, он попробует составить карту поверхности Марса. Еще на Земле Роберт часами изучал ее и теперь своим внутренним взором видел все в мельчайших подробностях. А для того, чтоб она была более выразительной, он оставит

каналам и морям названия, данные земными астрономами: Эреб, Титан, Аргус, Гигант, Циклоп и так далее. Благодаря обширным знаниям в области астрономии, он сможет выбрать место, лучше всего видимое с Земли, и придумает надежную систему передачи сигналов, как намеревался когда-то сделать в Сибири. Только теперь он будет выкладывать буквы или знаки азбуки Морзе.

— Я сделаю так, чтобы мои сигналы увидели наверняка! — радостно воскликнул Роберт. — Земляне мне ответят, и так у нас установится связь.

Я подробно расскажу о моих невероятных приключениях. Старому Ардавене придется вернуть меня на Землю тем же способом, каким он забросил меня на Марс.

Я прилечу обратно, приобретя новые знания и успешно завершив один из самых дерзких экспериментов, на какие когда бы то ни было отваживался человек!

С той минуты, как Роберта осенила смелая мысль о возвращении на Землю, в нем произошли большие перемены. Подавлен-

ность, неуверенность и беспокойство развеялись без следа. Теперь он чувствовал прилив отваги и силу, способную преодолеть все преграды.

Выбравшись из зарослей можжевельника после крепкого освежающего сна, Роберт с наслаждением потянулся и огляделся вокруг. Множество сухого тростника на берегах болот снова напомнило ему о прекрасном ярком пламени. Кутаясь в кусок тонкой ткани, Роберт дрожал от холода. Он решил, что прежде всего должен научиться добывать огонь, если хочет выжить на этой негостеприимной планете.

Надо найти кремень и металлическую капсулу, в которой он прилетел, высечь искры и поджечь сухой мох. Но за последние сутки Роберт ушел так далеко от берега моря, что теперь не мог обнаружить место, где очнулся.

Роберт бродил по лесу в полной растерянности, когда в небо с гортанными криками вдруг взмыла стая больших птиц. Не раздумывая, он схватил увесистый камень и швырнул его вслед. То ли бросок оказался метким, то ли случай помог, но как

бы то ни было, а одна птица упала на землю со сломанным крылом, тогда как ее сородичи, испуганно перекликаясь хриплыми голосами, торопливо разлетались в разные стороны.

Роберт поймал свою добычу за ноги, и хотя птица яростно долбила его острым клювом, Дарвел наконец с великим трудом свернул ей шею.

Похожая на дрофу птица по размерам была крупнее гуся. Ее спину и крылья покрывало коричневое оперение, а грудь и живот поросли очень густым белым пухом.

— Этак еще немного, и я сделаю себе пуховую перину! — рассмеялся Роберт. — Пух-то не хуже гагачьего!

Так, беседуя сам с собой, он принялся ощипывать птицу, на что ушло довольно много времени.

Затем он отыскал слоистый камень, похожий на сланец, отколол от него тонкую пластину, обработал ее в форме треугольника, заточил края о гранит и вставил в расщепленную деревянную ручку.

С помощью этого первобытного ножа Роберт выпотрошил и порезал птицу на куски. Хотя мясо пока и приходилось есть сырым, но Роберт так сильно проголодался, что оно пришлось ему по вкусу и подкрепило.

На первый раз он съел обе ножки, а остальное подвесил в колючем кустарнике, служившем ему убежищем на ночь. Роберт даже не сомневался, что под вечер изыщет способ разжечь костер и поужинает жарким из дичи. Позже, выпарив морскую воду, создаст себе запас соли, а когда основательно окрепнет, построит хижину и смастерит оружие, без которого в дальние походы отправляться не стоит!

Весь остаток дня Роберт трудился, не переставая. Неуклюжим, но острым ножом он срезал смолистое хвойное деревце. Его тонкий, гибкий и ровный ствол отлично подходил для лука. Роберт знал, что в средние века луки делали из тиса или других хвойных деревьев.

Примерно через час у Дарвела был великолепный, красивый лук. Правда, на нем Роберт сломал свой кремневый нож, но

это была сущая мелочь, из-за которой не стоило огорчаться.

Теперь оставалось найти тетиву. Где ее взять? Роберт сразу решил сделать ее из бумажных ниток. Шнур и впрямь оказался достаточно прочным, а когда Роберт пропитал его живицей, он стал скользким и гладким. Обломком кремня Дарвел нарезал побольше тростника, оснастил тростинки с одного конца каменными наконечниками, а с другого — перьями, и вот уже у него получились отличные стрелы.

Результат трудов превзошел всякие ожидания. Ни одно прежнее изобретение не доставило Роберту столько радости, как лук, сделанный собственными руками.

Он радовался ему, как ребенок новой игрушке, и учился стрелять.

Это занятие не помешало ему заметить огромную стаю птиц, похожих на ту, какую он убил несколько часов назад. Стая кружила над ближним болотом.

Спрятавшись за ствол дерева, Роберт с большим успехом испытал свое новое оружие: семь птиц, прошитых стрелами навылет, упали на землю.

Он добил их дубинкой и, ликуя, повесил в своей «кладовой», среди колючих кустов. Теперь Дарвел был уверен, что с голоду наверняка не умрет.

Позже он сделает себе мягкие пуховые матрацы и подушки, а чехлы для них изготовит из соответственно обработанного камыша и бересты.

Зябко поживаясь от сырости, Роберт мечтал о том, как сделает себе теплую одежду на пуху и непременно — какую-нибудь шапку. Тогда ему не придется мерзнуть. Из птичьих костей он вырежет иглы, рыболовные крючки и шила, а из жира и красной глинки получатся неплохие чернила.

Дарвел все же надеялся отыскать металлический летательный снаряд, из которого он сделает оружие и инструменты: топоры, ножи, пилу, молоток, словом, все, что ему понадобится.

А прежде всего необходим огонь, и он должен его добыть... Это наверняка не так уж трудно, стоит только как следует подумать!

Вдохновленный предыдущим успехом,

Роберт преисполнился оптимизма и пустился в обратный путь, к скалистым холмам. По пути он старательно собирал сухие листья и мох, растирал их пальцами в порошок и собирал на большой лист кувшинки.

Когда порошка набралось уже много, он отыскал два кремня и, ударяя один о другой, пытался зажечь импровизированный трут, но — тщетно! Крохотные искры гасли на лету.

Все же сказалось отсутствие опыта. Напрасно Роберт добавлял к сухим листьям растертой в порошок затвердевшей смолы. Это тоже не помогало.

Вечером, съев кусок мяса, истекающего кровью, Роберт растянулся на своем травяном ложе, но уснуть не мог. Было холодно, а в темноте то и дело раздавалось рычание лесных зверей.

Раздосадованный неудачей, Дарвел решил немного побродить под светлыми лучами Фобоса и Деймоса, чтобы хоть немного согреться и успокоиться. Но, едва дойдя до края болота, Роберт замер в удивлении. Густой туман, поднимавшийся

от земли, доходил ему до плеч, но дальше воздух был светел и прозрачен, а небо — чисто. В этой дымке поблескивало множество голубоватых огоньков, которые не-престанно вспыхивали, гасли, перелетали с места на место, замирали на миг, исчезали и снова появлялись, пугливые и непостоянные.

— Блуждающие огни! — в восторге прошептал Роберт.

В его памяти тотчас всплыли древние предания, рассказанные няней и прочитанные в красивых книжках с золотыми обрезами, полученных в подарок, и молодой человек тяжело вздохнул.

Ах, как далеко осталась теперь Земля, детство и все, кого он любил когда-то! Он был обречен состариться здесь в полном одиночестве и позабыть даже звук человеческого голоса!..

К счастью для Роберта, он никогда не терял надолго присутствия духа. И теперь ученый-практик быстро взял в нем верх над ученым-мечтателем.

— Да... Это блуждающие огни, — повторил он таким тоном, будто сдавал кому-то

самый сложный экзамен, и продолжал: — Это болотный газ, выходящий из-под земли. Обычно полагают, что болотные огни светятся за счет фосфора, который образуется при разложении органических соединений в стоячей воде...

Но вдруг, отбросив всякую серьезность, воскликнул:

— Проклятье! Да что же это я?! Думаю, как раздобыть огонь, а он — прямо под рукой... Нагибайся и бери себе, сколько надо!

Однако из преданий и из научной литературы Роберт знал, что совладать с блуждающими огнями не так просто: при приближении человека они гаснут, за уходящим гонятся, прыгают следом и могут потухнуть при малейшем дуновении ветра. Памятуя об этом, он вырезал две длинных прямых палки и, выбрав место, где огней было больше всего, принялся ворошить болотный ил.

Мелкие пузырьки газа начали с бульканьем выскакивать на поверхность и загораться от соседних огоньков. Немного погодя вспыхнул первый настоящий язычок

пламени. Тогда Роберт расщепил конец одной палки острым кремнем и вставил туда пучок сухого мха, сухие листья и нитки из чехла. Сердце его усиленно билось. Дрожащей рукой он снова принялся ворошить ил, а когда опять вспыхнул огонь, поднес к нему трут. Первая попытка оказалась неудачной, но после нескольких проб мох наконец загорелся. Роберт старательно раздул этот слабый язычок пламени и бережно понес его к своему убежищу, чтобы подложить под сухой, заранее приготовленный хворост.

Наконец, словно второй Прометей, он с неопишуемой радостью увидел, как огонь постепенно набирает силу, крепнет, охватывая вначале мелкие, а потом толстые ветки, пока не превратился в настоящий костер, который распространял вокруг живительное тепло.

Грея руки у огня, наш бедный отшельник подумал, что он наверняка первый человек на Марсе, который добыл огонь...

Когда ветки наконец прогорели, Роберт насыпал докрасна раскаленные уголья на большой камень и перенес это сокровище

в свою пещеру. В этот вечер он поужинал печеным мясом, которое оказалось очень вкусным, а потом, прикрыв угли большой кучей хвороста, чтоб до утра не погасли, уснул, полный самых радужных надежд.

ВСТРЕЧА С ЧУДОВИЩЕМ

После нескольких часов укрепляющего сна Роберт встал, хотя еще не рассвело, и, выйдя из пещеры, направился к морскому заливу, глубоко врезавшемуся в сушу. Обе луны ярко сияли, и было видно, что красноватый песок с фиолетовым оттенком густо усеян разноцветными раковинами. Среди них были розовые, оранжевые, красные, желтые, а порой попадались даже бирюзовые.

Еще Роберт обнаружил останки какого-то ракообразного огромных размеров и необычного вида.

Толстое короткое туловище, покрытое твердыми пластинами, достигало человеческого роста, а непропорционально короткие ноги были не длиннее медвежьих. При жизни это существо передвигалось очень

медленно. Две передние конечности с огромными тяжелыми клешнями были невероятной длины.

Роберт отломил одну из них, намереваясь сохранить как экспонат или использовать для самозащиты, если понадобится. Потом он принялся разыскивать в песке раковины, как это делал когда-то на Земле. По ямкам в песке Роберт набрал крупных устриц и разнообразил ими свое меню. Моллюски оказались неплохими на вкус.

Дойдя до маленького озерца, оставшегося после прилива, Дарвел увидел в прозрачной воде некое подобие полипа со множеством длинных щупалец. Он вытянул руку, чтобы поймать животное, но то в тот же миг исчезло бесследно, словно растворившись в воде или уйдя под землю.

Взглянув под ноги, Роберт заметил во влажном песке круг, образованный множеством мелких отверстий, как будто там оттиснули дно большого дуршлага. Дарвел подумал, что тут наверняка обитает еще какое-нибудь фантастическое членистоногое, и принялся раскапывать песок отломленной крабьей клешней. Там в каждой маленькой

ямке сидел белый червяк с красной головкой, но, несмотря на все усилия, Роберту не удалось ни одного вытащить наружу.

Он подумал, что перед ним какие-то морские обитатели, живущие колониями по примеру пчел. А пока он ломал себе голову над этой загадкой, все червяки разом исчезли, и норки медленно заравнивались песком.

— Что за чудеса! — воскликнул Роберт. — Я непременно должен узнать, что таится под слоем песка!

И, схватив большую раковину, начал орудовать ею, как лопатой. Вскоре он выкопал основательную ямку, которая быстро стала заполняться водой. Вдруг она забурлила, и на поверхности показался клубок белых червей, только теперь они больше походили на куст красно-белых кораллов. И все это переливалось тонами опала и перламутра.

Роберт инстинктивно отпрянул, и в тот же миг какая-то бесформенная масса выскочила из ямы на берег.

Роберт стоял, не шевелясь, пытаясь при-

ти в себя от изумления. То, что он увидел, было страшнее самого дикого кошмара.

Вообразите себе пародию на огромное обрюзглое человеческое лицо, состоящее из прозрачной студенистой массы. Глаза, лишенные век, буравили землянина ледяным взглядом, крупные ноздри гневно раздувались, а огромная пасть угрожающе щерилась оскалом черных зубов.

Эта фантастическая физиономия была окружена длинными белыми щупальцами, которых насчитывалась не одна сотня и которые Роберт поначалу принял за морских червей.

Этот монстр поразил молодого человека не меньше, чем вид земного льва или тигра. Непонятное создание было каким-то жутким гибридом полипа с человеком, и Роберт замер на месте, забыв о грозящей ему опасности. Он вдруг начал видеть удивительные картины иных миров, населенных разумными растениями, мыслящими пресмыкающимися и насекомыми...

Они были огромны, а их интеллект не только сравнивался с человеческим, но и неизмеримо превосходил его. И так ли уж

это было невозможно? Ведь на земле столько существ обладают почти человеческим умом, например, слоны!

Роберт всегда считал, что все, даже самые сумасшедшие плоды нашего воображения обязательно существуют где-то во вселенной, а возможность их существования доказывает тот факт, что человеческий разум смог их себе представить.

Однако ход его мыслей внезапно прервался, а внимание вновь обратилось на необычайного и грозного противника. Теперь страшилище лежало на земле, распластавшись, и походило на солнце, как его рисуют дети: человеческое лицо, окруженное лучами. Но вместе с формой изменился и цвет. Теперь существо стало красным, как песок, слившись цветом с окружающей средой по примеру полипов и хамелеонов. Черты человеческого лица исчезли, и Роберт видел лишь бесформенную клейкую массу.

Он уже опомнился и собирался уйти прочь, когда тварь зашевелилась, немного приподнялась и снова изменила вид. Она превратилась в огромное колесо, которое

вертелось с огромной скоростью. Белые щупальца вытянулись и напряглись, а из них выглядывала отвратительная опухшая рожа с отвислыми губами. Она с яростью воззрилась на Роберта, и белесые выпученные глаза на кроваво-красном фоне смотрелись просто ужасно.

Вначале Роберт решил, что существо убегает от него, пытаясь спрятаться в другом месте, но скоро понял, как ошибся. Станный недруг описывал вокруг него концентрические круги, все больше и больше приближаясь к человеку.

«Должно быть, этот марсианский головоногий всегда ведет себя так на охоте, — подумал Роберт. — Он хочет меня ошеломить, и, кажется, загипнотизировать. Вот почему он беспрестанно меняет цвет и форму, но перейти в атаку я ему не позволю!»

Дарвел, стараясь сохранять спокойствие, направился к лесу, с которым читатель уже знаком из предшествующего нашего повествования. Роберт рассчитывал укрыться от своего необычайного врага на дереве, но вскоре заметил сначала с удивлением, а потом со страхом, что существо все время

маячит перед ним! Юноша не мог оторвать от него глаз: некая странная сила приковывала его взгляд к этой массе, переливавшейся всеми цветами радуги. В ярком свете двух лун она то мерцала блеском драгоценных камней, то на мгновение вновь становилась комом мерзкого серого студня...

Наконец Роберт почувствовал себя усталым, голова кружилась. Вдруг он заметил, что, засмотревшись на стремительные пируэты чудовища, удалился от спасительного леса и оказался на самом краю трясины, затянутой водорослями.

Надо было как-то избавиться от этого наваждения.

— Если я не вырвусь из заколдованного круга, то наверняка погибну! — прошептал землянин. — Эта мерзость набросится на меня, опутает щупальцами, присосется и вытянет всю кровь до последней капли... Значит, будем защищаться! Хотя этот полип и похож на человека, но устроен он наверняка так же, как и его земные собратья!

И, поудобнее перехватив клешню испо-

линского краба, Роберт двинулся на моллюска.

Тот бросился наутек, вероятно пытаясь заманить Роберта поближе к морю, но он, не обращая внимания на эти маневры, упорно продвигался в сторону леса. Тогда осьминог принялся преследовать человека, стараясь однако держаться на почтительном расстоянии. Роберт понял новую тактику чудовища и старался не спускать с него глаз, как вдруг почувствовал острую боль в ноге. Ощупав ее, он с испугом убедился, что огромный моллюск, закопавшись в песке, опутал ногу несколькими щупальцами и, впившись в тело, начал высасывать кровь.

Роберт живо представил, как погибает на берегу, не в силах освободиться от страшного создания...

Тут его охватила ярость, и он начал изо всей силы бить по щупальцам, которые, извиваясь, тянулись все выше и выше...

Поглощенный этой борьбой, Дарвел совсем позабыл про другую опасность. С трудом высвободив ногу, он уже собирался выпрямиться, как вдруг... отчаянный крик

вырвался из его груди: невыносимая тяжесть обрушилась ему на спину. Роберт почувствовал, как его обволакивает скользкая студенистая масса...

Через минуту тело охватила невыносимая нервная дрожь от прикосновения к коже холодных липких щупальцев, которые шарили по лицу, мешали дышать...

Землянин испытывал невыразимое отращение.

Роберт понял, что первый преследователь, воспользовавшись его минутным замешательством, напал сзади.

А может, оба чудовища сговорились между собой?

При этой мысли вся кровь прилила у него к сердцу. Пришлось сконцентрировать всю силу воли, чтобы не сдаться и перейти в наступление.

Роберт почувствовал на своем затылке мерзкие отвислые губы. А холодные щупальца продолжали шарить по телу, вероятно ища крупные вены и артерии, чтобы удобнее было пить кровь. Своим огромным весом чудовище пригибало его к земле, ноги подкашивались, а отвратительный запах,

одновременно резкий и тошнотворный, вызывал рвоту. Однако юноша продолжал отчаянно бороться за свою жизнь.

Он пытался стряхнуть с себя животное, царапал и раздирал ногтями липкую массу, из которой сочилась какая-то жидкость...

Но, казалось, все напрасно! Каждое мгновение боль тысячами острых игл пронзала тело все в новом месте. Тысячи цепких присосок вытягивали кровь из шеи, лица, бедер...

Роберт понял, что слабеет и, совершенно потеряв голову от ужаса, рванулся бежать вглубь острова, но чудовище крепко вцепилось в свою жертву и ни на мгновение не выпускало ее из своих страшных объятий.

В довершение всех несчастий Дарвел больно запнулся о засыпанный песком камень и, потеряв равновесие, тяжело рухнул ничком.

Это было начало конца. Роберт почувствовал, как из него вместе с кровью уходит жизнь, а тысячеустая мерзкая тварь все больше обволакивала его со всех сторон...

Силы медленно и неумолимо покидали его. Наконец черная пелена опустилась перед глазами — Роберт потерял сознание...

А когда очнулся, шевелиться не хотелось, голова гудела, как после крепкого удара. Все тело невыносимо ломило, как после наркотиков. Роберту показалось, что он просто крепко спал, а его в это время кусали ядовитые слепни. Вдруг он с отвращением заметил, что весь покрыт липкой тягучей слизью.

С трудом поднявшись на ноги, Роберт огляделся кругом.

Картина, которую он увидел, мигом напомнила ему случившееся. Отвратительный моллюск, от щупалец которого Роберт едва не погиб, извивался в нескольких шагах от него в предсмертных судорогах, пытаясь освободиться от какого-то необычного существа.

Вначале юноша принял его за огромную птицу, но, приглядевшись повнимательнее, решил, что оно больше похоже на гигантского нетопыря.

Он без труда понял, что произошло, когда он лежал без чувств.

Пока моллюск высасывал его кровь, на него напал хищник, любивший мясо головоногих, подобно тому, как у нас чайки и альбатросы пожирают разных моллюсков, выброшенных на берег приливом.

Роберт быстро сообразил, что от этого избавителя добра ему тоже ждать нечего.

Он собрал остатки сил и побежал прочь без оглядки к своей пещере и там свалился на мягкую моховую постель у костра, который, к счастью, еще не погас.

Все тело нестерпимо болело. Вскоре Роберт погрузился в глухой тяжелый сон...

ВАМПИР

Но едва он успел сомкнуть веки, как в ужасе проснулся. Поначалу Роберт решил, что ему привиделся ночной кошмар. Однако и после пробуждения гнетущее чувство не проходило. На грудь давила какая-то тяжесть, а за ухом и на шее он вдруг почувствовал болезненные укусы.

Роберт машинально вытянул вперед ру-

ку, и пальцы его наткнулись на что-то противное, теплое и мягкое, похожее на птичий пух или шкурку летучей мыши. Черная тень зависла над ним с тихим шелестом, и Дарвел разглядел в темноте большие светящиеся глаза, а затем почувствовал сильный удар в висок, от которого почти потерял сознание.

Он хотел крикнуть, позвать на помощь, но вдруг его охватил такой панический ужас, что язык прилип к гортани.

Схватка с новым противником длилась всего секунд десять, но стоила Дарвелу огромных усилий. Существо по-прежнему парило над ним, готовясь к новой атаке.

Роберт понял, что планета, которую он считал совершенно необитаемой, населена хищными чудовищами, уродливыми первобытными созданиями, среди которых его ждет неминуемая смерть.

Итак, он должен погибнуть и надежды на спасение и помощь нет!

Преодолевая страх, от которого кровь стыла в жилах, Роберт вдруг вспомнил, что у него есть надежное и почти безотказное оружие.

— Огонь! — хрипло закричал он. — Огонь! Эти ночные страшилища должны его бояться!

Он молнией метнулся к тлеющим угольям и, выхватив из костра красную головешку, швырнул ее в зверя.

На мгновение она высветила почти адское создание, достойное кисти средневекового художника.

Вообразите себе нетопыря в человеческий рост, но с крыльями как будто у настоящей летучей мыши. Перепонки приросли к руке с длинными когтистыми пальцами и к спине, заканчиваясь на уровне бедер. Пальцы на ногах тоже были когтистыми, и вампир, благодаря им, повис на толстой ветке.

Роберт со страхом и сильным отвращением увидел нового монстра. Бедному изгнаннику с Земли все в нем было противно: и грязно-желтые перепончатые крылья, и морда с огромным кроваво-красным ртом, похожая на маску с застывшим на ней выражением хитрости и жестокости... Картину довершали часто мигающие глаза с красной обводкой и курносый, сильно за-

дранный кверху, как у бульдога, нос; по бокам головы торчали длинные остроко-
нечные уши.

Увидев этот оживший кошмар, Роберт выхватил из костра еще одну тлеющую головню и швырнул в чудовище.

Бросок достиг цели; запахло паленой шерстью. Ослепленный светом, невыносимым для его глаз, привыкших к темноте, вампир завизжал от боли, потом громко и жалобно заскулил и рухнул на землю, несколько раз перевернувшись в воздухе.

Роберт подбежал к нему, ободренный удачей, собираясь добить и держа наготове третью головню, но тварь, ужаснувшись при виде огня, стала метаться в разные стороны, прыгая, как кенгуру, и продолжая стонать почти человеческим голосом. Наконец зверь нырнул в кусты и затерялся в них, хотя Роберт надеялся вот-вот поймать его.

Несколько успокоившись, молодой человек вернулся к костру, и, подбросив веток в огонь, принялся размышлять о событиях нынешней ночи и своем чудесном спасении.

Как и все отшельники, он говорил сам с собой.

— Не думаю, чтобы эта дрянь осмелилась нападать на меня днем, — рассуждал он вслух, потрогав ранку за ухом, из которой еще сочилась кровь. — Вампиры ведут ночной образ жизни. Но теперь я буду держаться настороже. Верно говорят, что за одного битого двух небитых дают! Надо поддерживать огонь, чтоб не погас... Ладно, посидим до утра! А утром поищем какой-нибудь грот... На ночь вход в пещеру стану заваливать ветками и камнями. Сделаю себе светильник из мякоти тростника и птичьего жира, тогда у меня всегда будет огонь, чтобы отпугивать всякую нечисть!

Однако, как ни успокаивал себя Роберт, но стоило ему закрыть глаза, как образ страшилища снова всплывал в памяти, и Дарвел холодел от страха.

Малейший шорох листьев, треск сломанной ветки, шуршание в кустах или шелест мыша заставляли его вскакивать на ноги. Дрожа от ужаса и отвращения, молодой человек напряженно прислушивался к голосам ночного леса, среди которых ему то и

дело чудилось хлопанье мохнатых перепончатых крыльев.

— Что я стану делать, если эта зверюга притащит за собой всю свою стаю? — с ужасом вопрошал себя Дарвел. — Чтобы их разогнать, мне никаких угольев не хватит... Так, глядишь, и костер погаснет!

Он представил себе, как стадо чудовищ с отвислыми губами и глазами, горящими желтым огнем, разрывает его на части, повалив на землю.

Первобытный страх перед неизведанным охватил душу Роберта. Какие поединки его еще ожидают? На что способны хищники, которыми изобилует эта мрачная планета?

Мучимый такими мыслями, Дарвел с облегчением и радостью встретил долгожданный восход солнца. И хотя его тусклый свет с трудом пробивался сквозь туман, озаряя болота, заросшие темным камышом, Роберт смеялся, пел и даже подшучивал над вампирами.

Вновь нарождавшийся день вернул ему веру в собственные силы, а уверенность в себе порождает великих людей и великие события.

— Ну и трус же я, однако! — хохотал Роберт. — Это при моей-то силе, да еще удвоенной за счет меньшего тяготения! Нет, пусть лучше вампиры от меня бегают! А теперь пора и позавтракать!

Как ни странно, сознание опасности придало юноше отваги. Он приготовился ко всяким неожиданностям и чувствовал, что справится с ними.

Дарвел склонился над небольшим озерцом, чтобы посмотреть укус на шее. Ранка оказалась небольшой, но призадуматься было над чем.

— Черт возьми! — выругался Роберт. — Похоже, эти твари неплохо знают анатомию... Метят поближе к артериям!

Он приложил к укусу кашицу из душистых трав, похожих на мяту, розмарин и шалфей.

— Любопытные разновидности! — пробормотал Роберт. — Когда вернусь на Землю, подарю их ботаническому саду Парижского музея!

После этого он отправился в свою «кладовку», где вампир, к счастью, не успел похозяйничать, приготовил на завтрак ку-

сок сочного жареного мяса, остальных убитых птиц связал камышовыми веревками и вскинул на спину, а напоследок подбросил в костер побольше веток и только после этого отправился в путь.

Чтобы найти обратную дорогу, Роберт десятка через два шагов обламывал тростник, росший на болоте, делая заметки.

Он уже несколько часов шел вперед и был очень доволен, поглядывая на чистое небо — оно не предвещало дождя, который мог залить с таким трудом разожженный костер. Вдруг Дарвел наткнулся на заросли лозняка с желто-красной корой, которая искрилась и горела в лучах утреннего солнца. Такого растения он еще не встречал.

В зарослях была ровная, словно прорубленная человеческой рукой, аллея. Роберт вошел в нее и, пройдя несколько десятков шагов, остановился, боясь поверить собственным глазам...

Перед ним раскинулась уютная, симпатичная деревушка, где, несомненно, жили люди.

РАССКАЗ КАПИТАНА УЭЙДА

Лондонские газеты сообщали, что яхта мисс Альберты Терамон «Победитель» прибыла на Канарские острова; биржевые спекулянты несколько успокоились.

— Это можно было легко предвидеть, — говорили в свете. — Молодой наследнице пришла в голову фантазия провести зиму на «счастливых островах», в этой Ницце настоящих богачей. Нет, она решительно не похожа на своего отца, который никогда не тратил деньги на путешествия!

Но всем пришлось быстро переменить свое мнение, когда оказалось, что «Победитель» остановился в Лас-Пальмасе только затем, чтобы пополнить запасы угля, и сразу же отправился дальше. Вопрос о конечной цели путешествия мисс Альберты так и остался тайной, а финансовые еженедельники всего мира сообщили о многочисленных пари, заключенных по этому поводу.

Практические люди громко торжествовали, когда из Кейптауна поступила депеша, в которой сообщалось, что «Победи-

тель» бросил якорь в заливе, неподалеку от мыса.

— Мы и не сомневались в рассудительности и практичности этой девушки! — говорили солидные финансисты. — Она поехала проверить дела на своих золотиносных приисках... Это и называется заботой о собственных интересах!

Однако их тоже постигло тяжкое разочарование, когда «Победитель» задержался там очень ненадолго, ровно настолько, чтобы быстро возобновить запас горючего, и ушел в дальнейшее плавание.

Зато фантазеры и мечтатели, бившиеся об заклад, что мисс Альберта решила предпринять кругосветное путешествие, гордо подняли головы.

На сей раз их предположение казалось вполне правдоподобным: мисс Терамон велит бросить якорь у берегов Австралии, потом посетит весь архипелаг островов Океании, похожих на свежие пестрые букеты, разбросанные среди белых коралловых рифов.

Репутация дочери банкира несколько упала в глазах людей серьезных: они со-

чили, что она просто чудит и попусту тратит время.

Однако лондонскую публику ожидало еще одно сильное потрясение, когда пассажиры яхты высадились на берег в Кари-кале, французской колонии на территории Индии, а оттуда мисс Альберта в сопровождении многочисленной, почти королевской свиты направилась к горам.

Теперь победу праздновали биржевые спекулянты; им цель путешествия стала ясна с того момента, когда оказалось, что среди спутников молодой миллиардерши находится знаменитый ученый Ральф Питчер.

Он был повсеместно известен как географ и великолепный зоолог. В Лондоне еще помнили его беспримерное путешествие в джунгли, совершенное несколько лет назад, и теперь мало кто сомневался, что с его помощью мисс Альберта станет обладательницей алмазных копей, месторождения урана или чего-то в этом роде.

— Хваткие, однако, эти Терамоны, ничего не скажешь! — одобрительно покачивали головами старые биржевики. — Папаша

где-то раскопал этого изобретателя, инженера Дарвела, а дочка его мигом познакомилась с натуралистом и накрепко прибрала парня к рукам!

Но и сторонники, и недруги мисс Альберты были одинаково далеки от истины: единственной целью поездки стали поиски таинственно исчезнувшего Роберта Дарвела.

Часто беседуя о нем во время путешествия и анализируя сложные переделки, в которых ему приходилось бывать, оба единодушно приходили к выводу, что Роберт не мог погибнуть. В чем, собственно, нет ничего удивительного. Ведь мы всегда верим в то, о чем сильно мечтаем!

Если же Роберт все-таки погиб, с чем Ральф и Альберта никак не хотели смириться, они решили подробно разузнать, как это произошло, и покарать виновных в смерти друга.

Они совершенно не допускали, что Дарвел умер естественной смертью. Нет, ему наверняка подстроили какую-нибудь ловушку...

— Неужели вы полагаете, что Роберт

мог уйти из этого мира как простой смертный — от лихорадки, горячки или солнечного удара? — не единожды кипятился Ральф. — Он ведь не грузчик, не землекоп и не темный китаец!

— Нет, я никогда так не считала, — решительно нахмурив лоб, отвечала девушка, сразу делаясь очень похожей на своего отца. — Такой эрудированный человек, как Роберт, знающий химию, физиологию, гигиену, сразу распознает любую болезнь и найдет средство бороться с нею. Роберт достаточно умен и храбр, чтобы противостоять козням врагов. Нет, его исчезновение окутано какой-то тайной, и мы непременно узнаем с вами правду, мистер Ральф!

Этот разговор они вели во время поездки в шикарном автомобиле, который дочь банкира заказала специально для будущего путешествия. У машины был просторный салон, необычайно крепкие колеса и мотор мощностью в пятьсот лошадиных сил.

Эту великолепную игрушку изготовили на одном из лучших лондонских автомобильных заводов, ее цена составляла пять-

десять тысяч фунтов, а оборудован автомобиль был так роскошно, что лишь специальные поезда, которыми ездят сильные мира сего, могут дать о подобном великолепии некое отдаленное понятие. Автомобиль быстро мчался по дороге, по обеим сторонам обсаженной пальмами, латаниями и другими субтропическими растениями.

Стаи маленьких рыжих обезьянок носились по веткам и, к великому удивлению Альберты, прыгали даже на крышу кабины, чтобы через мгновение снова умчаться прочь.

Но вскоре леса уступили место богатым плантациям хлопка, табака и мака, окруженным колючими живыми изгородями.

Узрев эту картину, Ральф усмехнулся:

— Узнаю гениальность практичных колонизаторов! — и добавил: — Мы с вами, должно быть, недалеко от поместья английского резидента капитана Уэйда.

И, воспламененный патриотической гордостью, коя, осмелюсь утверждать, довлеет над всеми основными проявлениями в душе каждого англичанина, указал на высокий шест, где реял британский флаг.

Вскоре машина затормозила у симпатичного особняка, соединявшего в себе черты дворца и загородной виллы. У парадного входа стоял вооруженный индус в белой одежде.

Тут же наши путешественники имели возможность убедиться, что Индия, похоже, единственная в мире страна, где человек в результате векового опыта научился успешно бороться с солнечным зноем.

Альберту и ее спутника проводили в зал с высоким потолком, где огромные вентиляторы непрерывно гнали прохладный воздух. В Европе это устройство до сих пор почти неизвестно; мы пользуемся допотопными приспособлениями, которые часто не достигают цели и приводят лишь к сквознякам.

Такой вентилятор с шестьюдесятью отверстиями, откуда поступает резко охлажденный обеззараженный воздух, просто не оценим в жарких странах. Этот усовершенствованный прибор вытеснил из употребления древние «пунка», которые, однако, еще можно встретить в домах богатых индийцев. «Пунка» представляет со-

бой разновидность двойного опахала, которое приводит в движение слуга-невольник, дергая попеременно за два шнура. Со стороны это похоже на огромную бабочку, которая машет крыльями под самым потолком.

Гостям не пришлось долго дожидаться хозяина. Они ожидали увидеть чиновника, исхудавшего от жаркого климата и мучимого болезнью желудка, чем страдают в этих краях почти все англичане из-за умеренного употребления мяса и горячительных напитков, а потому были приятно удивлены. Пред ними появился здоровый энергичный человек в местных легких и просторных светло-зеленых брюках. По его лицу было видно, что он безмерно рад встрече с соотечественниками.

— Я просто счастлив, господа! — воскликнул он. — Я до такой степени был уверен, что кто-то из вас нанесет мне визит, что приказал составить докладную записку по делу Ардавены специально для вашего пользования. Письмо, которое вы получили, мисс, вероятно составлял один из тех индусов, которые, подучившись анг-

лийскому языку, безмерно гордятся, что являются нашими подданными, и на каждом шагу демонстрируют свое невежество и безграмотность!

— Простите, капитан, — перебила его Альберта, — прежде всего я хотела бы узнать, жив ли инженер Роберт Дарвел.

Офицер нахмурил лоб и задумался.

— Об этом мне известно столько же, сколько и вам, мисс, поэтому я ничего не могу утверждать с уверенностью! Драма, разыгравшаяся в келамбрийском монастыре, глубоко взволновала меня. Причины трагедии до сих пор не выяснены, и при расследовании я постоянно натыкаюсь на разные противоречия... Однако в смерть мистера Дарвела не верю. Мне удалось установить, что он был ассистентом Ардаваны в его психодинамических опытах, однако мои знания в области парапсихологии весьма скудны.

— Тогда откуда у вас такая уверенность, что Дарвел жив, сэр?

— Есть одна очень важная подробность. После того, как в монастыре произошло несчастие, под моей крышей нашел себе при-

станище брамин Фара-Шиб, тот самый, который владеет искусством сохранять в себе искру жизни, будучи долгое время закопанным в землю, причем без всякого вреда для собственного здоровья. Вот он-то и утверждает, что инженер Дарвел не погиб.

— Где этот человек, сэр? — нетерпеливо вскричал Ральф.

— Я не могу вам ничего более добавить, мистер Питчер. Обещаю, что вы сами увидите с Фара-Шибом и воочию убедитесь, какие чудеса способен творить этот одетый в рубище аскет.

— А почему он полагает... — прошептала Альберта.

— Вот об этом он сам вам скажет, мисс, — пообещал капитан Уэйд и добавил, давая понять, что разговор на данную тему закончен: — Мы все обсудим после обеда, господа, а теперь позвольте мне оказать достойный прием людям, прибывшим из моей милой старой Англии!

Несколько властный тон искупался такой сердечностью, а уверенность в том, что Роберт жив, была столь твердой, что Аль-

берта и ее спутник чувствовали себя почти счастливыми и охотно приняли приглашение хозяина.

Впрочем, времени для раздумий у них не оставалось. На звук огромного гонга явились молодые слуги-индусы в светлых легких одеждах, и вся компания прошествовала в великолепную столовую.

Она была устроена по проекту самого капитана Уэйда, и потому тот ею чрезвычайно гордился.

Из-под высокого свода струились игристые водопадики, даря освежающую прохладу и тихо шепча о чем-то. Они делали комнату похожей на волшебный грот древнегреческих нимф. Изнуряющий зной индийского солнца здесь был абсолютно не страшен. Под стенами росли мелкие лиловые ирисы.

Обед представлял собой вершину европейской изысканности, а сервирован был с восточной роскошью и изобилием. Стол украшали белые лотосы, магнолии, редчайшие виды орхидей; гибкие, ловкие слуги, предупреждая малейшее желание гостей, подавали утонченные блюда и напитки.

Там было знаменитое вино «Опорто» из города Гоа, почти столетней выдержки; тыквы с пальмовым вином, настойки на имбире, мирте, жасмине и диких лимонах, секреты приготовления которых известны лишь местным жителям.

Редкие сорта рыбы и великолепная дичь, которые подавались к столу, в Лондоне стоили бы целое состояние; чудесные фрукты пирамидами виселись в плоских хрустальных вазах, а все вместе в сочетании с экзотическим ароматом цветов и журчанием прохладных водяных струй делало обед похожим на какое-то сказочное пиршество.

Ральф и Альберта были просто околдованы всем увиденным. Теперь они поняли, почему англичане, хотя бы несколько лет прожившие в Индии, с таким отвращением думают о Европе: раз увидев эту волшебную страну, ее уже невозможно забыть никогда! Множество поколений в ней развивались, совершенствовали свой вкус и передавали потомкам нажитый опыт и умение приспособливаться к жизни.

Кроме того, капитан Уэйд, будучи чело-

веком весьма образованным, интересовался всем, что происходило в мире науки и искусства, обладая способностью вовлекать в беседу каждого из присутствующих, давая ему показать свой ум во всем блеске.

Во время оживленного разговора за столом он сказал, улыбнувшись:

— Ну что, дражайшие соотечественники, произвел я на вас впечатление одичавшего, оторванного от цивилизованного мира человека? Честно признаюсь, что я приложил немало усилий, дабы противостоять умственной и физической лени, которая овладевает в здешних местах всяким, кто чрезмерно увлекается джином и опиумом!

— Я вижу, сэр, что вы сторонник умеренного образа жизни, который проповедуют йоги и брамины! — ответил Ральф.

— Несомненно. Но если вы упоминаете браминов лишь затем, чтобы напомнить мне о моем обещании, то я как раз собирался его выполнить: Фара-Шиб предупрежден о вашем присутствии, и мы можем пойти к нему, как только мисс Альберта этого пожелает, — сказал хозяин дома, взглянув на девушку.

— Идемте немедленно, капитан! — воскликнула она. — Ибо, хотя вы устроили в нашу честь столь роскошный пир, что он способен посрамить самого Лукулла и привести в восторг самых искушенных гурманов, я горю от нетерпения поговорить с вашим кудесником!

Капитан Уэйд встал из-за стола и, опередив своих гостей, направился на галерею, окружавшую весь особняк с колоннами. Оттуда открывался живописный вид на сады и джунгли, залитые серебристым светом луны.

Уэйд вдруг разительно переменился: светской любезности как не бывало. Взгляд стал пристально-изучающим, тон — почти властным.

— Должен предупредить, господа, что вы будете единственными людьми, наблюдающими за ходом этого необычайного эксперимента. Мы все должны хранить полнейшее молчание. Любое слово или малейшее движение приведут к страшным и непредсказуемым последствиям.

— Я понимаю вас, сэр, — кивнула Альберта. — Но я уже испытала столько горя

и разных потрясений, что не испугаюсь никакого колдовства! — решительно закончила она.

Минуту спустя слуга подал капитану душистый смоляной факел. Он горел ровным ясным пламенем в неподвижном воздухе, источая приятный аромат.

— А теперь идемте в башню, — продолжал Уэйд. — Моя резиденция построена на месте древнего дворца индийского раджи, а эта башня — единственное, что уцелело от тех времен. Снаружи она украшена великолепной резьбой, но самое главное, в ней нет ни единого окна. Во всех ее залах, стены которых сложены из огромных камней, всегда царит полная темнота. Я тщательно обследовал ее дюйм за дюймом, но так и не понял, как внутрь поступает воздух.

Капитан отворил дверь. Ральф и Альберта увидели лестницу, выбитую в гранитной стене.

Стены были украшены барельефами неведомых существ, которые, казалось, поднимаются вверх вместе с людьми. На них отовсюду смотрели прищуренные глаза,

пантеры и тигры словно вынюхивали добычу, а вереница устрашающих божеств и животных становилась все гуще.

— Ну и фантазия была у строителей! — заметил Ральф, но тут же умолк.

Капитан Уэйд, подняв факел повыше, осветил зал первого этажа, куда они только что вошли.

В нишах висели статуи идолов с грубыми, жестокими лицами; их причудливо переплетенные руки и ноги доходили до самого потолка, в самом центре которого виднелась перевернутая вниз чаша лотоса. Под стенами лежало множество человеческих костей.

Наши путешественники поспешили выйти оттуда, стараясь не думать об увиденном.

Зал на следующем этаже оказался еще мрачнее предыдущего. Там было совершенно пусто. Его округлые стены были изрыты множеством ныне пустующих ниш, где некогда тоже стояли изваяния. Как объяснил капитан Уэйд, эти золотые, серебряные и медные статуи были похищены во время восстания сипаев.

— Я решил все здесь оставить как есть, — добавил он. — Мне не хотелось углублять святотатство... А теперь — еще немного терпения, господа! Нам остается подняться всего на один этаж. Зал на самом верху просторнее всех остальных, поскольку башня расширяется снизу вверх.

Последнее помещение тоже оказалось весьма пустынным. Вместо скульптур и фресок его украшали колонны, которые, сходясь на потолке, создавали стрельчатые арки.

В центре виднелся невысокий подиум, на котором в позе лотоса недвижимо, словно каменная статуя, восседал Фара-Шиб.

Альберта невольно отпрянула, ибо его совершенно обнаженное тело поражало своей страшной худобой. Трудно было поверить, что этот обтянутый коричневой кожей скелет без малейшего намека на мускулы живет и мыслит.

На истощенном лице глубоко запавшие глаза пылали, словно два светильника.

При виде вошедших йог даже не шелохнулся, словно и впрямь был редкостным изваянием какого-то божка, на которого

время от времени являются взглянуть любопытные.

Встретившись с его всепроникающим взглядом, обжигавшим, как огонь, Ральф и Альберта инстинктивно отступили на несколько шагов.

Позже Питчер признался, что, когда однажды дикари привязали его к жерлу пушки, перед которой дымился зажженный фитиль, он чувствовал себя гораздо лучше, чем под палящим и пронизывающим взором йога.

Какое-то время все почтительно молчали. Наконец Уэйд шепнул:

— Этот аскет вовсе не какой-то там фокусник. Он знает тайны космических законов, смелость и глубина которых меня просто изумляет. Он утверждает, что на заре человечества первые семена пшеницы на Землю с соседней планеты доставил некий йогин. Ему известна тайна гибели Атлантиды, где люди были почти богами, но один из магов неосмотрительно выдал тайну мощного заклинания женщине. Океанские волны поглотили сушу, унеся в не-

бытие величайшие достижения человеческой мысли. Фара-Шиб рассказывал, зачем построены пирамиды. Позднее фараоны устроили там свои гробницы, но истинным их предназначением была защита людей от каменного дождя болидов, который перед тем несколько раз почти полностью уничтожал человечество. Даже самым маститым историкам эти факты неизвестны. Но не потому ли древние галлы стреляли в небо из луков? Бедные полудикие люди истекали кровью и гибли от непосильного труда, строя себе убежища!..

В этот миг откуда-то из темноты вышел огромный тигр. Ласково потеревшись о платье Альберты, он смачно потянулся и начал точить когти на каменном полу, а закончив эту процедуру, окинул незваных гостей мрачным задумчивым взглядом и улегся у ног девушки.

Ральф при виде хищника попятился назад, но Альберта не шевельнулась с места. Все происходящее было настолько необычно, что она почувствовала: даже зверем управляет какая-то незримая сила; тигр был неотъемлемой и гармоничной частью

тех чудес, которые ей уже довелось здесь наблюдать.

Но капитан Уэйд быстро встал между девушкой и зверем.

— Не бойтесь, мисс, — он совершенно безобиден, — шепнул англичанин. — Лежать, Моуди! Когда-то Ардавена приручил его и мог с ним делать, что вздумается. Зверь подчинялся ему беспрекословно.

— Я неоднократно слышал о том, что брамины владеют полузабытым, известным лишь в некоторых монастырях секретом укрощения и приручения любых диких животных, — оправившись от первого испуга, сказал Ральф. — При этом хищники делаются умны, словно люди.

Моуди повиновался приказу человека и, свернувшись клубком, спокойно устроился на полу.

Опять наступила тишина. Пришедшие не сводили взгляда с Фара-Шиба. Его присутствие действовало на всех угнетающе, казалось, глаза брамина притягивают к себе, тяжело блуждают по лицам.

— А теперь вы станете свидетелями одного из самых удивительных опытов Фара-

Шибя. Еще раз напоминаю и убедительно прошу хранить полнейшее молчание и не двигаться, что бы нам ни довелось увидеть или услышать. Если вы, мисс, не чувствуете в себе достаточно сил для этого, мы отложим эксперимент, поскольку, не стану скрывать, он связан с огромным риском для жизни.

— Нет! — воспротивилась Альберта. — Я не из тех слаонервных дам, которые по любому пустяку падают в обморок, и обещаю выполнить ваши условия.

— Ну что ж, отлично, — согласился капитан и кивком указал гостям на каменные кресла, подлокотники которых завершались искусно вырезанными крокодильими головами.

Ожидание, необычная обстановка и таинственное поведение хозяина дома вселяли в гостей смутную тревогу, как ни старались они быть спокойными.

Между тем Уэйд, приблизившись к неподвижно сидящему брамину, что-то тихо сказал ему, а затем зажег семь восковых свечей, кругом стоящих на полу, чуть поодаль от подиума.

К немалому удивлению Ральфа, каждая свеча имела свой оттенок пламени. В гамме они составили спектр радуги и выглядели весьма фантастично.

Капитан вынул из ларчика какие-то разноцветные порошки и посыпал ими круг между возвышением, где сидел брамин, и горящими свечами.

Потом бросил в треножники с угольями оливкового дерева какие-то курения.

К потолку начал подниматься густой тяжелый дым. В просторном зале стало душно, темно...

Странный резкий одуряющий запах распространялся вокруг.

Ральф уловил запах ядовитых, вызывающих галлюцинации, трав из семейства пасленовых, зонтичных и маковых. Дым, озаренный пламенем свеч, разноцветными клубами все плотнее окутывал зал. На углях горели сухие рута, белена, цикута, белладонна, мак, индийская конопля.

Все дышали с трудом; по лицам Альберты и Ральфа струился пот, сердца бешено колотились, все сильнее нарастало чувство тревоги и беспокойства. Казалось, что вис-

ки сжимает железный обруч, глаза нестерпимо ломило.

Мало-помалу неприятные ощущения исчезли, остался только ледящий холод в руках и ногах; на смену этому пришло удивительное умиротворение, покой и ясность мысли. Прежде душный воздух теперь казался свежим и чистым, а фигура Фара-Шибя была окутана светящейся мерцающей дымкой, словно ореолом.

Йог бросил на пол, в образованный свечами круг какой-то темный пятиконечный лоскут, напоминавший кусок старой кожи, местами сморщенной и кое-где покрытой пучками белесой шерсти. Еще немного погодя брамин взял бамбуковую свирель, какую обычно способен изготовить каждый индус, и заиграл на ней тихую чарующую мелодию, осторожно перебирая высохшими пальцами отверстия.

Альберта вдруг вспомнила сказку про дудочника, который своей колдовской музыкой увел всех гостей со свадьбы к самому краю пропасти, и вздрогнула от страха...

А Фара-Шиб все играл и играл одну из

тех простых и завораживающих восточных мелодий, в которых одни и те же вариации постоянно повторяются в различном темпе — то быстрее, то медленней.

Внимание зрителей было напряжено до предела. Они чувствовали, что здесь происходит нечто большее, чем ловкое трюкачество, о котором они столько читали и которое лишь на первый взгляд кажется чудесами, а в действительности имеет простое логическое объяснение.

А Фара-Шиб играл все быстрее, и слушатели его чувствовали себя весьма необычно по мере того, как ускорялся темп мотива.

Бесформенный клочок кожи, лежащий между свечами, сперва вздрагивал, словно под порывами невидимого ветра, потом скрутился, вздулся и, наконец, расправился, как пергамент, который положили на раскаленные угли.

В конвульсивных движениях кусочка этой мертвой материи чувствовалось огромное усилие и какая-то мука. Незримая сила пробуждала его к жизни и заставляла повиноваться себе.

Мотив становился все более быстрым и властным. В нем непрерывно и упрямо повторялись несколько нот, которые постепенно превращались в деспотичный приказ, непререкаемый для детей матери-природы...

«Так нужно... Так я хочу... Я приказываю... Я повелеваю...» — твердила тростниковая свирель.

Не в силах противиться всевластной мощи, черный уродливый лоскут рос, растягивался, обретал форму и четкие очертания.

Когда он поднялся в воздух, Ральф увидел перед собой огромную летучую мышь.

«Скорей... Скорей... Я так хочу!» — без устали твердила флейта брамина, и резкие отрывистые звуки струились каскадом, превращались в смерч, в безумно бушующий вихрь.

Крылатое создание возвращалось к жизни с ошеломляющей быстротой.

Вот оно стало уже ростом с человека и размахивало широкими перепончатыми грязно-желтыми крыльями, которые делались все больше и больше.

Альберта побледнела и застыла от ужаса. То же самое происходило и с Ральфом.

Чудовище, вызванное к жизни Фара-Шибом, было помесью человека и животного: подобных демонов можно увидеть на миниатюрах в трактатах средневековых чернокнижников. Крылья у этого человекообразного нетопыря приросли к рукам с длинными когтистыми пальцами, а лицо с высоким лбом и массивными челюстями светилось невероятным умом, но одновременно было хитрым и жестоким. За большими кроваво-красными губами таились острые белые зубы; нос был коротким и вздернутым, как у бульдога, часто мигающие, словно отвыкшие от света, глубоко посаженные глаза постоянно устремлялись к голубому и зеленому огонькам свеч. Веки были тяжелыми и багровыми, а огромные подвижные уши довершали отвратительный портрет.

Существо зависло в воздухе над головой брамина, чуть заметно шевеля крыльями, чтобы удержаться на лету. Оно словно не замечало ни своего повелителя, ни остальных наблюдателей. Весь его вид выражал

тревогу и страдание. Вдруг существо широко развернуло крылья, собираясь взмыть под потолок. В глазах его вспыхнули кровавые огоньки. Казалось, теперь демон окончательно облекся плотью, в то время как брамин Фара-Шиб выглядел, словно туманный призрак.

Ральф решил, что, вероятно, жизненные флюиды аскета, вырвавшись на волю, вызвали это мистическое видение. Но вот демон рванулся вверх, кончик крыла оказался за пределами круга, образованного свечами и, о чудо! — стал совершенно невидимым, словно обрезанный острым ножом...

Будто поняв, что может существовать лишь в пределах этого магического кольца, чудовище отпрянуло назад, вернувшись на прежнее место. Брамин резко оборвал мелодию. В тот же миг таинственное создание потускнело, а контуры тела Фара-Шиб вновь стали четкими.

Теперь зрителям казалось, что огоньки свеч меркнут, а темнота мелкими черными хлопьями спадает сверху вместе с другими крылатыми существами, подобными первому. Их было великое множество.

Фара-Шиб снова заиграл на свирели. Мелодия была та же, что и вначале, но теперь она звучала медленно и тоскливо, вселяя невыразимую тоску в сердца слушателей. Видения крылатых существ медленно рассеивались в воздухе...

Вдруг в темноте возник туманный профиль Роберта Дарвела. В тот же миг чудовище, вытянув вперед когтистые руки, ринулось на него.

Этого Альберта не смогла вынести. Девушка страшно вскрикнула и лишилась чувств.

А дальше произошло нечто ужасное.

Все свечи разом погасли, видения исчезли. Ральфу показалось, что в него ударила молния, и тело пронизал электрический ток в несколько тысяч вольт. В глазах у него потемнело, Питчер замертво рухнул на землю...

Очнувшись, он увидел стоящего над собой Уэйда. Тот был бледен, как мертвец, губы его побелели, а факел, который капитан снова с большим трудом зажег, дрожал в его руке.

— Альберта... — в смертельной тревоге с трудом прошептал Ральф.

— Не знаю, удастся ли нам ее спасти, — глухо проговорил Уэйд и указал на девушку, которая недвижимо, как мертвая, лежала в каменном кресле.

— А Фара-Шиб?

— Вот все, что от него осталось!

Уэйд удрученно махнул рукой в сторону возвышения, где сидел брамин.

Ральф с трудом повернул голову и с ужасом увидел, что на подиуме лежит кучка седого пепла, в котором еще дымились обугленные почерневшие кости... Питчер остолбенел от страха и изумления, а капитан продолжал:

— Вина за все случившееся лежит на мне. Я должен был предвидеть, что мисс Альберта не вынесет подобного зрелища, хотя она очень храбра и решительна... В священных книгах не зря написано, что женщин нельзя допускать к магическим опытам и вызыванию духов из других измерений...

Молодые люди растерянно переглянулись между собой.

Их охватила страшная слабость, голова у обоих кружилась, ноги отказывались служить, а веки отяжелели, как свинец. Глаза сами закрывались.

— Если задержаться здесь, мы пропа-
ли! — с трудом проговорил Уэйд. — Нужно
поскорее выбираться из этой проклятой
башни, где воздух насыщен ядовитыми ис-
парениями! Пробудь мы тут еще хотя бы
четверть часа, и все трое отправились бы
к праотцам! Помогите мне вынести девуш-
ку наружу!

Хотя каждый из них был отличным
спортсменом, молодым людям казалось, что
они тащат непомерный груз.

Чтобы наконец спуститься вниз, у них
ушло около часа, а когда они очутились в
саду, благоухавшем ароматом роз, жасми-
на и магнолий, то почти падали от усталос-
ти.

Мисс Альберту, до сих пор не пришед-
шую в себя, уложили на каменную скамью,
а капитан Уэйд пошел в дом, чтобы при-
нести нюхательные соли, эфир, сердечные
капли и прочего рода снадобья из домаш-
ней аптечки.

Когда он вернулся, девушка уже открыла глаза, но все еще была очень слаба; пережитое потрясение лишило ее сил и дара речи.

Альберту перенесли в уютную комнату и поручили самому заботливому уходу слуг, какой только был возможен.

После этого немедленно послали за врачом, и тот поспешил явиться, узнав, что речь идет о жизни миллиардерши.

После длительного обследования, с недоверчивой улыбкой выслушав объяснения капитана Уэйда, он сказал, что больная будет жить, но за рассудок ее он не ручается.

— Самое важное теперь, — заключил врач, выписывая рецепты, — чтобы она осталась в живых, а для этого необходимо снять нервное напряжение, которое может вызвать опасные и непредсказуемые осложнения. У девушки есть предрасположенность к болезням сердца.

— Ее отец умер от аневризма, — сказал Ральф.

— Тем более, молодой человек. Пациентка нуждается в самом тщательном ух-

де! Ее следует оберегать от всяческих волнений, пусть даже самых незначительных!

К счастью, все эти опасения не оправдались. Альберта медленно, но верно поправлялась, и вскоре уже можно было надеяться, что фантастическая драма, свидетельницей которой она стала, не оставит ни малейшего следа в ее душе.

На другой день после трагической смерти Фара-Шибэ Уэйд сказал Ральфу:

— Я уверен, что все, что мы видели в башне, происходило на самом деле. Инженер Дарвел жив, но ему, несомненно, грозит большая опасность.

— Но ведь чудовище, которое мы там наблюдали, не может существовать на Земле! — возразил натуралист.

— А я этого и не утверждаю, хотя на земле тоже существуют гроты и подземелья, куда до сих пор не ступала нога человека. Там вполне могут обитать неизвестные науке существа. Помните, несколько лет назад в Китае была обнаружена крылатая ящерица, которая выглядела точной копией тех мифических драконов, коих мы прежде считали лишь плодом вообра-

жения художников, в средние века рисовавших Царство Небесное?

Но Ральф не отвечал, погруженный в свои мысли.

Мозг его работал, не переставая. Услышанная накануне легенда о семенах пшеницы, принесенных с соседней планеты одним из йогов, не давала Ральфу покоя, вспоминаясь снова и снова. Всплывали в памяти прежние мечты и проекты Роберта...

Вдруг Ральфа осенило, он порывисто вскочил на ноги и воскликнул:

— Хотите, я скажу вам правду, капитан? Наконец для меня все прояснилось и я уверен, что не ошибаюсь: инженер Дарвел осуществил свои давние мечты... Он сумел попасть на Марс!!!.. Да, да, иначе и быть не может... Существо, которое мы с вами видели, обитает именно на этой планете... Хоть Роберт и вооружен земными знаниями, но ему приходится вести жестокую и страшную борьбу...

— Я именно так и предполагал... — немного помолчав, кивнул Уэйд.

МАРСИАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Пейзаж напоминал детский рисунок, наивный в своей простоте и безыскусности. Дома были низенькие, округлые, с тростниковыми крышами и без труб.

В пруду, на берегу которого стояли эти хижины, плавало множество уток и необычайно откормленных птиц, чем-то похожих на пингвинов. Другая половина водоема была поделена тростниковыми перегородками на участки, на которых в изобилии росли водяные каштаны, сердечник и кувшинки с широкими листьями и съедобными корнями.

И дома, и пруд хорошо гармонировали с окружающей природой.

Аборигены сидели у дверей хижин или занимались разными делами, представляя собой необычное и весьма занятное зрелище.

Ростом они были примерно с десятилетнего ребенка, но весьма упитанные и с солидным брюшком. Розовые свежие лица обрамляли огненно-рыжие бороды и волосы. С губ не сходила добродушная улыбка,

маленькие вздернутые носы почти терялись между пористых щек на круглых физиономиях, а уголки небольших серых, слегка затуманенных глаз были скошены к вискам.

Что же касается детей, то они выглядели, словно откормленные для торжественного случая каплуны.

Малыши неуклюже играли с домашними утками или с ручными усатыми зверьками, одни из которых напоминали тюленей, а другие походили на выдр.

Еще там были огромные по земным меркам водяные крысы. Они сидели на задних лапах на крышах домов или бегали по улице между людьми и совершенно их не боялись.

В землю были вкопаны большие рогатины, на которых лежали длинные жерди. На этих своеобразных насестах устроились крупные птицы с оранжевыми клювами и лапами, похожие на больших бакланов.

Одеты марсиане тоже были весьма своеобразно. Их наряды состояли из длинных толстых рубах и высоких остроконечных шапок. Основой и для того, и для другого

послужили перья. В головных уборах они были длинными, скрепляясь вверху и внизу тонкими ремешками.

Некоторые из туземцев (наверно, моряки или работники) кроме рубах носили накидки с капюшонами, украшенные пестрым узором. Кое-где Роберт разглядел изображение вампира, с которым сражался минувшей ночью, и очень удивился.

Все обитатели деревушки, одетые в платье из перьев, двигались тяжело и неуклюже, а ходили медленно. Роберту они все показались похожими на болотных птиц, живущих по соседству.

«Настоящие пингвины с человеческими головами», — подумал он.

Однако эти примитивные, неловкие и простодушные создания все-таки были людьми! Роберт с трудом сдерживал радость, сердце готово было выпрыгнуть у него из груди, а на глаза невольно наворачивались слезы... Ему хотелось переобнимать всех этих толстяков, как лучших друзей после долгой разлуки. Он чувствовал, что судьба свела его с существами наивными и добрыми, пусть даже и небольшо-

го ума. Роберт разглядывал их с симпатией и сочувствием.

— Вот бедолаги! — вздохнул Дарвел, продолжая изучать деревушку. — Огня они явно не знают, а стало быть и руды тоже.

Он вдруг разволновался, и в голове у него возникло множество проектов помощи. За несколько недель, а может и месяцев он познакомит марсиан с основными достижениями земной цивилизации, с опытом множества людских поколений. Роберт ощущал себя существом высшего порядка и не испытывал при этом ни малейших укоров совести.

Наконец, улыбаясь и вытянув вперед руки, он медленным шагом приблизился к старейшинам племени.

В их заплывших жиром, с трудом соображающих мозгах удивление не успело смениться страхом, когда Роберт оказался совсем рядом. Не переставая улыбаться, он приласкал нескольких детишек, раздал старикам куски принесенной дичи и, наконец, уселся на дерновой скамье перед хижиной, довольный окончанием долгого путешествия и самой жизнью.

Кругленький старичок в зелено-коричневой одежде, которая делала его похожим на огромного тучного селезня, подошел к землянину и, успокаивая Роберта жестами, коснулся его плаща.

«Должно быть, он жалеет меня за то, что я так убого одет», — решил Дарвел.

Старый марсианин, за спиной которого столпились изумленные и улыбающиеся жители деревни, казалось, более всего поражался худобе пришельца. Он опять состроил сочувственную мину, потрогав при этом свои пухлые щеки и круглый живот.

Затем прозвучали несколько фраз. Роберту показалось, что некоторые слова в них состояли сплошь из гласных. После этого две молоденькие девушки в рубашках из белоснежных перьев и кожаных шапочках, полностью скрывавших волосы, принесли плетеные тростниковые корзинки, наполненные свежими розово-зелеными яйцами, кусочками сырого мяса и водяными каштанами, еще немного погодя — выдолбленный из дерева сосуд, где был сладкий сок из корней кувшинок, а в заключение в маленькой корзиночке из веток пурпурной

ивы появилась соль, на которую все остальные глядели, как на величайшее и редкое лакомство, подаваемое лишь в особых случаях.

«Вот несчастные! Они не знают, что такое вареная пища, а соль для них — сущая диковина... — подумал Дарвел. — Ну да ничего! За полгода я их много чему научу! Они у меня сделаются настоящими гурманами!» — пообещал он себе.

Роберту в голову пришла шальная идея, что когда-нибудь марсианам можно будет продавать подарочные издания поваренных книг с шедеврами французской кухни, и он от души развеселился. Вместо того, чтобы расхохотаться, землянин принялся за еду, хотя вовсе не был голоден, посчитав, что надо взять подношения и сделать туземцам приятное.

Увидев, что гость решил подкрепить свои силы, марсиане одобрительно закивали и заулыбались.

Но больше всего они обрадовались, когда Роберт, окончив трапезу, взял за руки старичка и девушку, одну из тех, что при-

несли ему еду, и отправился в их сопровождении осматривать деревню.

Домашние тюлени и выдры, лежавшие на берегу, позволили человеку погладить себя, большая ондатра, вскарабкавшись Роберту на плечо, ласково покусывала его за ухо, а степенные бакланы норовили хватить клювами край плаща. За пришельцем и его провожатыми следовала толпа женщин и толстеньких малышей, взирая на гостя с любопытством и дружелюбием.

Пожалуй, ни один монарх или президент, прибыв в дружественную страну, не удостоивался столь почетного приема, какой был оказан Роберту. К тому же, Дарвелу нечего было опасаться бомб анархистов. Свой лук, стрелы и дубинку он оставил на лавке перед хижинкой, где отдыхал.

Солнце между тем поднималось все выше, и марсиане с наслаждением отогревались в его лучах, сидя у порога своих домов и довольно улыбаясь.

Роберт с удивлением заметил, что человек тридцать заняты постройкой новой хижины. Вкопав в землю четыре буковых столба, они принялись оплетать тростни-

ком стены и крышу. Марсиане работали очень медленно, но сосредоточенно и старательно, что всегда лучше для дела, чем нервная спешка. Старичок жестами пояснил Роберту, что жилище это предназначено для него, Дарвела, и молодой человек растрогался до глубины души.

— Куда нам, цивилизованным, до них с их добротой и деликатностью! — пробормотал он.

При одном воспоминании о том, что творится на его родной планете ради денег и власти, Роберт залился краской стыда. Однако тут же воспрянул духом, подумав, что цивилизация имеет множество положительных сторон, которые можно применить ко благу существ разумных, но гораздо менее развитых...

Язык марсиан был плавным и певучим. Немного освоившись, Дарвел решил узнать, как зовут девушку и старика. Он поцеловал её руку, что показалось молодой марсианке весьма приятно, и при помощи знаков наконец выяснил, что имя ее — Эойя.

Когда очередь дошла до старичка, тот широко улыбнулся и ответил:

— Уау!

Слушая, как землянин повторяет их имена, его новые друзья смеялись и ласково гладили его по лицу.

Внезапно вся деревня ожила. На плетеных из тростника и обтянутых снаружи тюленьими шкурами лодках приплыли люди и привезли полные мешки съедобных кореньев и множество дичи. Радостно улыбаясь, женщины и дети принялись раздавать снесь соплеменникам, никого не обделяя.

— Вот счастливцы! — воскликнул Роберт. — У них нет чувства собственности, от которого проистекают все войны и несчастья!

Он устроился было на дерновой скамье перед своим будущим жилищем, но тут к Роберту приблизился Уау и дал знак следовать за ним. Старик привел землянина на окраину деревни, где возвышался сарай из ветвей, обмазанных глиной. Внутри этого неуклюжего строения виднелась какая-то уродливая фигура.

Приглядевшись внимательно, Роберт обнаружил, что идол с поразительной точно-

стью изображал вампира, подобного тому, которого он победил ночью.

Туловище было изготовлено из дерева, а основой для перепончатых крыльев послужили тонкие ветки. Глубоко посаженные глаза, бульдожий нос, страшная пасть — весь облик чудовища был передан до мелочей. Даже грязно-желтый цвет крыльев, и тот не забыли воспроизвести обитатели деревни. Вероятно, краской послужила разновидность какой-то мягкой глины, смешанной с жиром.

А самое удивительное — у подножия возвышения в виде алтаря, на котором стоял отвратительный божок, к кольям, вбитым в землю, были привязаны различные звери и птицы. Роберту даже показалось, что здесь собраны все представители марсианской фауны от тюленей и бакланов до водяных крыс.

Увидел Дарвел и еще одно любопытное создание, какого до сих пор ему не приходилось встречать на Марсе. Это был буйвол с массивным туловищем, очень короткими ногами, конским хвостом и рогами невероятной величины. Животное напоми-

нало одновременно гималайского яка, антилопу гну и канадского мускусного быка.

Весь этот зверинец на привязи оглушительно выл, рычал, визжал, так что в капище стоял невообразимый гомон.

Наблюдая это зрелище, Роберт понял, что вампиры были для обитателей деревеньки кровожадными божествами, которым в жертву приносились дичь и домашний скот, в противном случае марсиане сами становились добычей хищных чудовищ.

Насколько они боялись вампиров, видно было и по испуганным взглядам, и по дрожащим рукам.

Роберт знаками спросил Уау, как зовут идола.

— Эрлоор! — боязливо ответил старик.

Услышав это мрачное название, Дарвел задумался. До сих пор ему казалось, что язык марсиан состоит исключительно из гласных, и вот он впервые услышал согласные звуки. Почему?..

По-прежнему погруженный в свои мысли, Роберт позволил Уау проводить себя на другую половину капища, как вдруг

жуткая мысль стрелой пронзила мозг, наполнив сердце страхом и тревогой.

— Огонь! Наверно, вампиры его погасили!..

ВСЕОБЩЕЕ ЛИКОВАНИЕ

Казалось, у Роберта кровь заледенела в жилах от ужаса. Неужели, пока его не было, костер действительно погас?! Дарвел не находил себе места от беспокойства.

Жестами он начал просить и убеждать друзей поспешить за ним.

Конечно, марсиане ничем не могли ему помочь, это был чисто тактический ход. Роберт надеялся таким образом завоевать их доверие и приобрести авторитет.

В глубине души он благословлял этих добродушных простаков и поклялся себе, что станет защищать их от всяких опасностей. Он объявит беспощадную войну кровожадным эрлоорам!

Несколько удивившись, марсиане однако уступили его уговорам, и вскоре Роберт уже вел их знакомыми тропинками через заросли пурпурной ивы, довольно улыба-

ясь, хотя душу его снедало беспокойство.

Идти было совсем недалеко, но чем ближе была его «скиния», тем сильнее делалась тревога, и Роберту пришлось собрать всю свою выдержку, чтобы двое его спутников ничего не заметили. Они шли, с обеих сторон держа его за руки, медленно и чинно, как хорошо воспитанные дети.

Еще один поворот дороги... И крик отчаянья вырвался из уст Роберта. Это казалось невероятным, но он увидел, что огонь почти полностью залит. Как и кем — непонятно... Густой дым поднимался над кучей мокрого хвороста, а горячие головни шипели и трещали. Поблизости между тем никого не было видно.

Роберт стремглав ринулся вперед и, не обращая внимания на боль, выхватывал из кострища раскаленные докрасна уголья, отшвыривая их на сухое место. Собрав их наконец в кучу, он принялся швырять на жар что под руку попадалось: сухую траву, хворост, куски коры, а затем, опустившись на колени, стал отчаянно раздувать робкие искорки.

Вскоре за клубился белый дым, потом

вырвался первый яркий язычок пламени и, наконец, на поляне запылал почти такой же большой костер, как и первый.

Тяжело дыша и устало вытирая пот со лба, Роберт поднялся на ноги.

— Ладно, кого винить, если сам недоглядел! — буркнул он. — Но в другой раз такого не повторится!

Только после этого Дарвел взглянул на своих приятелей. Стремительные, резкие движения землянина испугали их, а при виде пламени марсиане изумленно открыли рты.

Роберт улыбнулся им и постарался успокоить, как умел, а потом начал изучать потухший костер, стараясь понять, как зловредным эрлоорам удалось его залить. В том, что это их рук дело, Роберт даже не сомневался.

От кострища к болоту тянулся канал, настолько ровный, будто его наметил профессиональный геометр. Он окружал костер кольцом, и потому вода, перелившись через край, так быстро залила пламя...

Тут было над чем призадуматься. Роберта поразило, что работа выполнена на-

столько тщательно и с хорошим знанием дела.

Он вспомнил марсианские каналы, обнаруженные в 1877 году астрономом Скиапарелли. Почему за все это время он сам ни разу их не видел? Ведь они хорошо известны всем ученым, а размеры их бывают просто огромными — ширина достигает 120, а длина — от одной до пяти тысяч километров.

По тому, как складывали выкопанную землю по краю канала, можно было судить о немалом опыте этих созданий. Но, тем не менее, Роберту показалось, что работа выполнена чисто механически. Высокоинтеллектуальное существо всегда оставит за собой неизбежные мелкие огрехи, поскольку мысль его не ограничивается только тем, чем оно занято на данный момент. К примеру, пчела, паук или бобр делают свое дело безупречно, с точностью автомата, а вот человек обязательно где-нибудь ошибется.

Здесь же кучки земли и торфа располагались симметрично по обе стороны канала и строго на равном расстоянии друг от

друга. Все имели правильную коническую форму и носили отпечатки когтей.

— Однако, я ошибся, — пробормотал Дарвел. — Здесь действовали отнюдь не эрлооры. Ведь они способны видеть только в темноте...

Почему бы не допустить, что у вампиров есть не менее опасные помощники или слуги? Но даже такое предположение не испугало землянина.

— Значит, будем драться! — воскликнул он. — Я предпочитаю необитаемой планете мир, населенный чудовищами. Моим надежным союзником станут все знания, которые я успел получить на Земле за годы учебы. Это великолепная помощь и защита. Возможно, настанет день, когда я стану властелином или богом Марса... Конечно, я к этому не рвусь, но приложу все силы и умение, чтобы извести разную нечисть.

Увлечшись собственными планами, Роберт совсем позабыл о туземцах, которые с беспокойством разглядывали канал.

Горемычный обитатель Земли, очутив-

шийся в чуждом мире не по своей воле, понял, что его могущество в будущем зависит от доверия этих людей, которое нужно не только завоевать, но и удержать. Дружелюбно улыбаясь, Роберт подвел марсиан к ярко полыхавшему огромному костру и, вытянув вперед руки, принялся их греть у огня. Туземцы последовали его примеру с удовольствием и так рьяно, что Дарвелу пришлось отодвинуть их чуть подальше, чтоб они не обожглись.

— Я не ошибся, — глядя на них с жалостью, пробормотал Дарвел себе под нос. — Бедняги не знают, сколько пользы может принести огонь... Придется стать для них Прометеем!

И он невольно улыбнулся, представив себе, сколько радости и приятных неожиданностей ждет марсиан впереди. Для начала землянин извлек из своей «кладовой» кусок сырого мяса и, насадив его на буковую ветку, принялся печь на раскаленных углях.

Вскоре аппетитный запах защекотал ноздри марсиан. Заинтересованные, не переставая улыбаться, они подошли поближе,

глотаю слюнки и с любопытством поглядывая на незнакомое яство.

— Великолепно, — сообщил Роберт, совсем забыв, что его никто не понимает. — Это жаркое на вертеле. Попробуйте, очень вкусно. Вы такого еще никогда не ели! Но все нужно делать как следует... Вот так!

Он отрезал кремневым ножом два куска сочного мяса и протянул его своим гостям, которые не заставили себя долго упрашивать, впившись в угощение зубами. Они глядели на Роберта с таким благоговением, что сомнений не оставалось: его считали существом высшего порядка!

Уау почтительно склонил голову, а Эойя смиренно целовала Роберту руки.

Пока марсиане управлялись с остатками печеного мяса, «божественное создание» нарезало камыша, сплело неказистую, но прочную корзину, выложило ее дно кусочками влажного кремня, затем слоем золы и раскаленных углей, которые сверху опять присыпало пеплом. Корзину привязали к длинному шесту, мужчины вскинули его концы на плечи и все отправились обратно в деревню с драгоценной ношей.

Эойя следовала во главе процессии, неся лук, стрелы и остатки дичи.

Так состоялось первое триумфальное шествие инженера Дарвела.

Перед уходом Роберт набросал на костер целую кучу хвороста, чтобы в случае чего можно было еще раз прийти сюда за огнем.

Туземцы, собравшись в центре деревеньки, с нетерпением ожидали их и приветствовали радостными криками, но ликование марсиан достигло предела, когда Роберт с помощью Эойи разложил угли на сухом холмике и развел большой костер, дым которого столбом взвился к небу.

Примерно через час деревня выглядела словно огромная кухня: повсюду пылали костры, на которых пеклись утки и дрофы, а перед хижиной Уау на скрещенных жердях висел целый вол, приправленный ароматными травами. В золе жарили водяные каштаны, издававшие при этом запах свежего хлеба.

Такого роскошного пира здесь не помнили испокон веков. Самые предусмотрительные из марсиан загодя запаслись ножа-

ми, чтобы, не теряя времени, приняться за еду, когда дележ будет закончен.

Что касается огня, то он вызвал у туземцев неопиcуемый восторг. Место, где горели костры, огородили прочным частоколом и приставили туда сторожей с крепкими деревянными палицами.

КРУШЕНИЕ ИДОЛОВ

Прикинув, Роберт рассудил, что такая предосторожность будет отнюдь не лишней. Хотя вокруг царило всеобщее веселье, Эйя и Уау то и дело тянули землянина за руку, словно желая сообщить нечто чрезвычайнo важное. Когда Роберт наконец это понял, его снова отвели в капище мерзкого эрлоора. На лице Уау отражались тоска и беспокойство, Эйя плакала. Многие обитатели деревушки пошли к сараю вслед за ними.

Чтобы успокоить их, Роберт улыбнулся. Он понял, что настал момент действовать решительно и быстро.

Не раздумывая, Дарвел приблизился к божку и пинком сбросил деревянное стра-

шилище с алтаря, на котором оно стояло, а затем, подтащив за крыло к ближайшему костру, бросил в огонь. После этого быстро и ловко перерезал ремешки, на которых была привязана вся живность, предназначенная в жертву.

Пожалуй, еще никогда ни один миссионер, уничтожая идолов дикого племени, так не гордился делом рук своих.

Но радость Роберта была недолгой. Он вдруг спохватился: а чем обернется для аборигенов его бездумный поступок?

Дарвел забеспокоился не на шутку.

Когда изображение их грозного владыки исчезло в пламени, марсиане закричали удивленно и испуганно, а потом толпа замерла в молчании. Все боялись пошевелиться.

Кто-то трясся, как в лихорадке, кто-то побледнел, даже Уау и Эойя отошли прочь, жестахми выражая отчаяние.

«Кажется, на сей раз я малость перебрал!» — признался себе Роберт в глубине души.

Перепуганных людей нужно было как можно быстрее успокоить и поддержать ду-

хом, но задача оказалась не из легких. Растерянные и угнетенные, они шарахались от Роберта, не осмеливаясь взглянуть ему в глаза.

Некоторые, должно быть думая о мести кровожадных чудовищ, не могли сдержать слез. Они не сомневались, что с наступлением ночи жестокие вампиры слетятся сюда целой стаей.

Роберт сразу понял, что переживают эти бедные дикари, и теперь сочувствовал им всей душой.

— Успокойтесь! Ничего плохого с вами не случится! — произнес он твердым, уверенным тоном. — Не бойтесь! Я обещаю, что защищу вас от эрлооров! Отныне я объявляю им войну и выйду из нее победителем!

Взбудораженная толпа не понимала смысла отдельных слов, но выражение лица и жесты Роберта достигли цели. Чтобы закрепить достигнутый успех, он постарался объяснить знаками, что под его покровительством, да еще теперь, когда есть огонь, вампиров больше нечего опасаться.

Марсиане внимательно и дружелюбно

смотрели на пришельца, но было ясно, что они не понимают его как следует. Наконец Уау и еще один старик сообразили, кажется, что им хотел сказать землянин, и с радостными криками принялись объяснять это своим соплеменникам на странном, мелодичном языке.

Собравшиеся явно оживились. Хотя на лицах некоторых еще читалась тревога, большинство постепенно успокоилось и снова занялось приготовлениями к еде, обмениваясь веселыми замечаниями.

Однако Уау и Эойя, к немалому удивлению Роберта, остались с ним и снова принялись брать его за руки, показывая на что-то вдалеке. Дарвел последовал за ними и вскоре оказался у своего будущего дома. Хижина, несомненно самая красивая и удобная из всех, была уже почти готова. Плетеные стены, обложенные кирпичами, могли послужить прекрасной защитой от холода, если бы не вход, завешенный одной тростниковой циновкой. Выложенный кремнем пол прикрывала красивая плетеная подстилка из пурпурной ивы.

Но самым приятным сюрпризом для Ро-

берта оказалось теплое пуховое одеяло на мягком моховом ложе, которое возвышалось в углу. Наконец он перестанет мерзнуть во сне!

Были в хижине и кое-какая утварь и мебель: скамья из дерева и тростника, буковые и каменные миски и ложки, кремневые ножи и прочее в том же роде.

В одном из углов лежало мясо, овощи, водяные каштаны и немного соли.

Но хозяин этого великолепного жилища не задержался в нем надолго. Поблагодарив от всей души своих новых друзей, Роберт заткнул за пояс самый большой и острый каменный нож, прихватил короткую толстую дубинку, какими забивали тюленей и марсианских буйволов, и пошел следом за Уау и Эойей, которые снова его куда-то звали.

Дарвел очутился в капище, похожем на первое. Добродушные лица его провожатых выражали опасение и любопытство. Вероятно, Уау и Эойя хотели посмотреть, как поведет себя чужеземец с другим божеством.

Увидев идола, Роберт с трудом сдержал

удивление. Перед ним стояло длинное приземистое шестиногое создание. Короткие лапы заканчивались длинными красными кривыми когтями, которые словно были созданы для того, чтобы рыть ими землю.

В этом странном несуразном существе соединились воедино рептилия, пчела и крот. На красно-коричневом теле сидела безглазая голова с устрашающей пастью, оснащенной множеством крепких и острых, как у дикого кабана, клыков. Длинный хобот заканчивался острым когтем, и если такое чудовище действительно существовало на самом деле, встреча с ним не сулила ничего доброго противнику.

Роберт молча разглядывал зверя, пытаясь догадаться о его повадках, в то время как марсиане тревожно следили за выражением его лица.

Дарвел понимал, что ему нельзя бояться, если он хочет остаться на высоте.

— Великолепный гибрид травоядного с кротом, и размеры подходящие! — с трудом заставив себя улыбнуться, произнес молодой человек. — Теперь я понял, кто так умело выкопал ров, чтобы залить водой

мой костер, и знаю, почему пол в домах выкладывают каменными плитами. Наконец-то мне ясно, почему поверхность Марса изрыта каналами!

Закончив свою тираду, Роберт схватил изваяние покрепче обеими руками, стащил с пьедестала на пол и, наконец, пинком выбросил из капища.

Он узнал, что это чудовище аборигены называют «роомбоо».

— Отлично! — вскричал Роберт. — А теперь пусть роомбоо отправляется следом за эрлоором!

И затащил идола на ближайший костер, который быстро пожрал сухую огромную колоду.

При этом Роберт с большим удовольствием отметил, что вторая экзекуция произвела на марсиан гораздо меньшее впечатление, чем первая. Хоть они и были тугодумами, но, вероятно, начинали понимать правду.

Между тем, Роберт не оставил им времени, чтобы подумать над последствиями своего дерзкого шага. Он вновь обратил внимание туземцев на приготовления к

ужину, который скоро должен был начаться и которого все ожидали с превеликим нетерпением — всем предстояло впервые попробовать жареное мясо!

Когда повара снимали с вертелов жаркое, вид у остальных был презабавный: туземцы теснились у огня, от которого исходило блаженное тепло, но в то же время боялись обжечься или попортить свои великолепные одеяния из перьев. При мысли о предстоящей трапезе они облизывались и с наслаждением вдыхали дразнящие ароматы.

Когда наконец все было готово, жаркое разложили на больших деревянных блюдах, а ловкие кравчие кремневыми ножами принялись разрезать его на куски.

Роберт, желая подчеркнуть свой авторитет и особое положение, не стал дожидаться общей дележки. Выбрав лучший кусок говядины, мяса дроф, уток, он добавил к ним самые крупные и лучше всего пропеченные каштаны, сложил все это в свою миску и унес в хижину.

Дарвел ел в одиночестве, не смешиваясь с толпой пирующих туземцев, решив оста-

ваться для них существом исключительным, и в душе хвалил себя за находчивость и энергичность.

Потом он с жадностью накинудся на еду. Долгий голод и нервные встряски, которые пришлось пережить за несколько последних часов, пробудили зверский аппетит. Роберт все поглощал с наслаждением и ему казалось, что он никогда не насытится.

Снаружи доносились радостные, возбужденные голоса: туземцы тоже радовались вкусной еде и восторгались огнем.

Роберт невольно почувствовал свое превосходство над этими дикарями и решил, что постепенно будет знакомить их с теми достижениями цивилизации, которые окажутся необходимы.

— Бедные добряки! — растроганно прошептал он. — Я многому, многому научу их... Для начала покажу, как лепить горшки. Посуда у них очень неуклюжая и примитивная. Потом настанет черед столярного ремесла. Пусть у них будут по крайней мере лавки и столы... А потом, потом... Мне наверняка удастся найти в горах медную и железную руду, научу их плавить и об-

рабатывать металл... Возможно, здесь есть золото, платина или радий... А почему бы и нет? Вообще-то это очень здорово — по кирпичику возводить новую цивилизацию, быстро минуя те ступени, которые с таким трудом дались человечеству на Земле... И все это сделаю я!

От этих радужных мечтаний его отвлек шорох циновки у входа. Эойя вошла в хижину и, стоя в сторонке, наблюдала за Робертом, грустно улыбаясь. Лицо ее было печальным, озабоченным.

Взяв землянина за руку, девушка вывела его на улицу и показала сперва на заходящее солнце, окутанное темными облаками, а потом на догорающий костер, от которого вместо ярких языков пламени поднимались в небо тонкие струйки дыма.

У Роберта сжалось сердце, когда он увидел, что обитатели деревушки сидят у своих домов, держа на коленях миски с остатками жаркого. Все они объелись настолько, что не могли сдвинуться с места.

Дарвел подумал о приближении ночи и невольно вздрогнул. Когда стемнеет, вам-

пиры без труда расправятся с этими отяжелевшими беззащитными созданиями.

Как горько он упрекал себя за то, что решил понежиться и отдохнуть! К счастью, времени оставалось еще достаточно и можно было приготовиться к обороне.

Эойя боязливо и покорно посматривала на Роберта. Дарвел мимикой и жестами принялся объяснять девушке, что с ним она может ничего не бояться. Она внимательно прислушивалась к его словам, не понимая речи, но жадно ловила каждый звук. Ее доверчивость придала Дарвелу сил, и он вновь принялся за работу, а труд его ждал не из легких.

Первым делом надо было набрать столько топлива, чтобы костер горел всю ночь. Эойя помогала землянину. Потом они разбудили тех, кто еще не успел как следует разоспаться, в том числе и почтенного Уау. Назевавшись вдоволь и крепко чихнув, старичок наконец сообразил, какая опасность грозит деревне.

Он с превеликими усилиями растолковал своим разленившимся соплеменникам, в чем дело, поскольку те по простоте душев-

ной решили, что раз божков сожгли, то и сами звери больше не страшны.

Наконец после долгих объяснений и энергичной жестикуляции стали готовиться к защите от нападения эрлооров.

Вокруг деревни разложили костры, которые должны были гореть всю ночь, для чего заготовили множество хвороста. Каждый костер разложили на камнях, чтобы под него не так просто оказалось подкопаться и залить водой.

Сторожей Роберт выбрал сам. В их обязанность входило не спать и постоянно поддерживать огонь, чтоб не потух. Сам он решил вовсе не ложиться и обходить посты, подбадривая часовых. К тому же от неприятеля можно было ожидать всяческих козней.

Главный пост у большого костра должен был стать для Роберта местом отдыха между первым и вторым обходом стражи.

Эоя принесла себе ивовую циновку и, улегшись на ней, вскоре крепко уснула.

Тем временем наступила ночь. Два месяца, окруженные белыми облачками, засияли на черном небосводе, караульные,

гордясь важностью момента, стерегли костры, а остальные, постепенно пробуждаясь от тяжелого сна, разбредались по хижинам. Яркие языки пламени в неподвижном воздухе поднимались высоко к небу, а блеск огня отражался в ближних озерах. Ничто не предвещало беды, и вся деревушка, окруженная кольцом костров, беззаботно отдыхала.

Роберт трижды обошел посты и не обнаружил ни единой оплошности: все были начеку, костры горели.

Около полуночи, утомленный дневными трудами и разморенный теплом огня, Роберт перебрался в свою хижину, решив поспать часа два, но усталость усыпила его мгновенно, едва он опустился на циновку.

Роберту приснилось, что его бывшая невеста прибыла сюда вместе с Ральфом, и они все трое стали править планетой, как неограниченные монархи.

Альберта стала королевой и назначила своей придворной дамой малышку Эойю, Ральф занял пост премьер-министра, а почтенный Уау, любивший поесть, был назна-

чен интендантом продовольственного департамента.

Ужасные эрлооры и роомбоо были побеждены и верно служили своим покорителям.

Потом Роберт увидел себя в огромной раковине, которую несли в воздухе двенадцать вампиров, а он легко правил ими палкой с острым шипом, какой обычно погоняют слонов.

Ах, что за сказочное это было путешествие! Вампиры уносили Роберта высоко-высоко, к самому зениту, мягко шелестя крыльями... А на бархатном небосклоне серебристым светом сияли две луны.

Вдруг он снова увидел себя, но уже вернувшимся на Землю. Привезенные им образцы минералов, драгоценных камней, растения и животные вызывают целую сенсацию в ученом мире... Европейские монархи засыпают его письмами... Он удостоивается чести стать действительным членом королевской лондонской академии и академии наук в Париже...

Вот он входит в конференц-зал, ожидая увидеть в нем цвет научной мысли всего

мира, но вдруг обнаруживает, что очутился в огромной мрачной пещере, по которой, оглушительно хлопая крыльями, носятся, кружа над ним, сотни эрлооров... Роберт чувствует на себе взгляды множества злых горящих глаз...

Дарвел проснулся, обливаясь холодным потом, и уже собирался снова уснуть, как вдруг душераздирающий крик нарушил ночную тишину...

Что это было?

НОЧНАЯ СХВАТКА

Перепуганный Роберт сорвался со своего ложа. Вопль, полный смертельного ужаса, сменился тяжелым хрипом... Сомнений не оставалось: эрлооры напали на кого-то из сторожей, а возможно, уже и прикончили несчастного!

Схватив дубинку и кремневый нож, юноша помчался на помощь. Крики раздавались с другого конца деревни. Внезапно они оборвались. На бегу Роберт успел разглядеть, как бледные от страха тузем-

цы стояли у порогов своих домов, прислушиваясь к происходящему.

Быть может, в эту минуту они горько сожалели о своем безграничном доверии пришельцу, который дал им огонь и уничтожил их божков?

При одной мысли об этом Роберта начинали терзать угрызения совести, он ругал себя последними словами за то, что поддался слабости и заснул. Ведь кроме него этих несчастных защитить больше некому, а месть хищных тварей он сам же на людей и навлек!

Последний костер почти окончательно погас, сторожей при нем не оказалось, а в зарослях тростника слышалась какая-то возня...

Дарвел сломя голову побежал туда. Бедолага-марсианин отчаянно рвался, пытаясь ухватиться руками за прибрежные кусты, а какой-то зверь крепко держал его мощными лапами поперек туловища. Видно, тварь напала на туземца, когда он задремал, не в силах больше бороться с усталостью. Его-то крики Роберт и услышал сквозь сон.

Нельзя было терять ни минуты: Дарвел изо всех сил огрел чудище по затылку дубинкой, и оглушенный зверь выпустил свою добычу. Не давая ему опомниться, землянин глубоко всадил каменный нож в спину животного, целясь между лопаток. Оно сдавленно захрипело, забившись в агонии. Из пасти фонтаном хлынула черная кровь, и вскоре страшилище испустило дух.

Спасенный марсианин побежал к костру и начал поспешно накладывать в огонь хворосту дрожащими руками, с трудом приходя в себя от пережитого страха.

Роберт подтащил убитого зверя поближе к огню. Это оказался великолепный экземпляр роомбоо: сильные лапы, словно созданные для рытья земли, заканчивались перепончатыми пальцами, позволявшими легко передвигаться в воде. Клыки напоминали слоновую кость, но более светлого оттенка, а мех оказался мягким и пушистым, как у морской выдры.

Роберт наступил одной ногой на тело поверженного врага и знаками приказал взирающему на него с ошеломлением и во-

сторгом марсианину привести своих соплеменников.

Их вскоре прибежало десятка два. Они тесной толпой окружили убитого зверя, разглядывая его со смешанными любопытством и страхом...

А чтобы окончательно убедить их, что роомбоо не более чем обыкновенное живое существо из плоти и крови, Роберт ножом разрезал шкуру, освежевал тушу, отрезал кусок мяса и положил на угли.

Результат демонстрации превзошел все ожидания землянина: ободренные его примером, марсиане с таким азартом принялись за дело, что немного времени спустя некогда грозный враг оказался разделан на части, словно дичь. А туземцы радостно выплясывали вокруг костра, с удовольствием вдыхая запах жареного мяса.

Победитель тоже не преминул его отведать. Оно оказалось сочным, приятным на вкус, красным и без постороннего привкуса, которого опасался Роберт.

Вся деревушка снова пришла в движение: повсюду в костры подбрасывали хворост. Огонь пылал сильно и ярко. Женщи-

ны и дети, одетые в сорочки, сплетенные из мягкой коры, с интересом рассматривали шкуру роомбоо, осторожно трогая ее руками. Некоторые из мужчин падали перед Робертом на колени.

Чтобы укрепить их мнение о своей необычности, он попросил Эойю принести ему лук и стрелы, а затем, прикрепив к одной из них небольшую горящую головню, выстрелил туда, где во множестве, будто светляки, сверкали глаза вампиров. Толпа наблюдала за происходящим, затаив дыхание.

Должно быть, выстрел оказался метким, потому что в темноте вскоре раздались противные хриплые вопли, надрывное мяуканье и глухой шум. Потом все огоньки погасли, только еще некоторое время в тростнике слышалась беготня, а на незнакомом языке звучали не то мольбы, не то угрозы.

Наконец и они прекратились, зато костер зашипел, зашкворчал и начал извергать клубы пара и копоти. Второй роомбоо сумел-таки прорыть канал и теперь пытался залить огонь водой.

Но на сей раз, уже наученный прежним горьким опытом, Роберт быстро сгреб сбоку костровища головни на сухое место, а потом, вооружившись дубинкой и держа в другой руке горящую ветку, встал на берегу ближнего озера. Вскоре над водой показалась уродливая голова зверя. Нанесенный Дарвелом удар оказался настолько мощным, что вскоре тело чудовища вытащили на берег. Роомбоо был мертв. Теперь Роберт смог еще внимательней разглядеть тело и лапы животного.

Передние конечности оказались чрезвычайно длинными и широкими. Они были снабжены когтями настолько крепкими, что зверь мог буквально за несколько минут вырыть солидную яму даже в самом каменистом грунте. Вторая пара лап, расположенная по бокам, напоминала скорее ласты. Пальцы на них были короткими, толстыми и соединялись перепонками, заканчиваясь коротенькими коготками. Можно даже сказать, что их почти не было. Ласты находились как раз на середине туловища. С их помощью лишенный зрения зверь передвигался в трясине и густой

грязи. За ними позвоночник изгибался, тело суживалось, как у осы, а третья пара огромных когтистых лап с пальцами, вывернутыми наружу, несомненно была приспособлена для того, чтобы выбрасывать наружу вырытую землю. Глаз у роомбоо не было вовсе, вместо ушей виднелись только крохотные отверстия, пасть щерилась гигантскими клыками, а хобот заканчивался острым когтем. В целом же животное напоминало огромного диковинного крота.

Роберт, не терявший надежды вернуться обратно на Землю, решил, что когда-нибудь он продаст парижскому зоологическому саду неплохой образчик этого представителя марсианской фауны за кругленькую сумму. А пока туземцы с радостными гортанными возгласами свеживали очередную тушу.

Деревня, со всех сторон освещенная множеством пылающих огней, выглядела весьма экзотически. Марсиане разбредались по домам, неся с собой куски мяса роомбоо, прежде наводившего на них ужас, и распевая победные песни.

Это была ночь торжества.

Аборигены легко пугались малейшей опасности, а каждая удача наполняла их души ликованием.

Наконец разошлись все, и Роберт остался у костра в полном одиночестве. Маленькая Эойя, утомленная впечатлениями, опять крепко спала на своей циновке. А наш триумфатор, не поддавшись опьянению успехом, разрабатывал планы дальнейших действий, прекрасно понимая, что до окончательной победы еще далеко. Ответственность за этих по-детски наивных людей грузом лежала на его плечах. Достаточно было хорошего ливня, чтобы спасительные костры погасли все до единого, и тогда вся деревенька превратится в арену жестокого побоища.

Нервное напряжение не спадало. Поглядывая на Эойю, безмятежно спавшую неподалеку, Роберт лихорадочно пытался найти выход из ситуации. С каким нетерпением ждал он первого проблеска зари!

Время от времени с палицей в руке и ножом за поясом Дарвел обходил все костры, будил задремавших часовых, подбра-

сывал веток в огонь и осматривал окрестности. Дел у него было больше, чем у Наполеона накануне сражения под Аустерлицем.

Облака на небосклоне потемнели, костры горели медленно и спокойно. В ночной тишине слышались только зловещие крики птиц. Казалось, они выговаривают своими хриплыми, резкими голосами:

— Беда! Беда! Беда!

Измученный Роберт присел было у костра, но тут с тревогой заметил, что сверху на костер стали беспрестанно сыпаться какие-то крохотные зернышки, постепенно покрывая землю беловатой пеленой. Роберт поднял голову и на фоне туч увидел темное подвижное пятно, из которого падал дождем крупный влажный песок. Его становилось все больше и больше. Еще немного, и огонь погаснет...

Что делать? Мерзкие эрлооры кружили так высоко, что стрелами их было не достать. Обходя деревню, Роберт видел, как они то спускались на землю целыми стаями, то опять поднимались в воздух...

Теперь стало ясно, что они собирали песок.

Роберта поражало упорство вампиров. Из всех костров они выбрали самый большой. Он понимал, что если так будет продолжаться и дальше, скоро на этом месте вырастет целая гора песка. Дарвел поспешил разбудить Эойю, чтобы та не оказалась погребенной заживо крылатыми дьяволами.

Его охватило отчаянье. После большого костра настанет черед всех остальных. Деревушка погрузится во мрак, и ее неповоротливые, бестолковые обитатели пропадут ни за грош! А главным виновником гибели стольких людей будет он, Роберт!

— Ну уж нет! Сдаваться я не привык! — стиснув кулаки, в ярости прошептал юноша. — Я должен выиграть эту драку! Должен!

Однако защищаться было почти нечем. Напрасно Дарвел старался разгрести песок и раздуть огонь. Песок медленно и неумолимо душил язычки пламени. Тогда Роберт принялся наугад стрелять вверх, прикрепляя к стрелам небольшие уголья. На

первых порах это немного помогло, в воздухе раздались несколько резких воплей, но песок по-прежнему продолжал сыпаться густым потоком, а вампиры взлетели еще выше, так, что стали почти не видны.

Вдруг крошку Эойю, испуганно прижавшуюся к Роберту, осенила счастливая мысль. Показав на частокол, которым с вечера огородили костер, она дала понять землянину, что на колья сверху надо набросать веток, чтобы получилась прочная крыша, не пропускающая песок. Оба немедленно взялись за работу и вскоре костер был защищен навесом из ветвей и дерна. Ограда оказалась довольно высокой, так что костер мог свободно гореть до утра, держа вампиров на почтительном расстоянии.

Это подсказало Роберту коварный замысел, который, в случае удачи, обеспечил бы деревушке спокойную жизнь.

Собрав по домам циновки, он закрыл ими просветы между кольями, а сам улегся поблизости от костра, положив под руку нож и дубинку, и притворился спящим.

Как Роберт и предполагал, измученные

борьбой и ярким светом, эрлооры никак не могли взять в толк, что стало с их заклятым врагом.

Идея сработала великолепно: стоя вампиров, тихо шурша перепончатыми крыльями, опустилась на землю.

Сердце Роберта бешено стучало в груди, но он решил не шевелиться, пока не почувствует прикосновения холодных отвратительных лап... Наконец мягкие прохладные пальцы поползли по лицу...

В тот же миг Дарвел стремительно вскочил на ноги, быстро сорвал с кольев циновки и принялся молотить дубинкой направо и налево, как одержимый.

Растерянные, ослепленные блеском огня вампиры затоптались на месте, беспомощно натыкаясь друг на друга и отчаянно визжа. Лица их стали землистыми от страха. Некоторые взмахивали крыльями, пытаясь взлететь, и падали прямо в костер, оглашая воздух диким воем. А Роберт продолжал раздавать беспощадные удары, круша черепа и руки демонов.

С быстротой, которой Дарвел от нее не ожидал, Эойя по-своему помогала ему,

подбрасывая в огонь хворост, так что вскоре пламя взметнулось ввысь огромным столбом, освещая поле битвы, заваленное трупами эрлооров.

Некоторые из них почти человеческими жестами умоляли о пощаде.

Шум борьбы разбудил туземцев. Они примчались на подмогу с ножами в руках и, немного поколебавшись, начали добивать оглушенных ударами палицы вампиров.

Медленно занимался рассвет, и лишь в лучах восходящего солнца Роберт рассмотрел, какие огромные потери понес его хищный противник.

К превеликому удивлению Дарвела, справляясь с побежденными, безобидные марсиане проявили такую необычайную жестокость, какой он от них не ожидал. Но Роберт не осуждал их. Люди мстили эрлоорам за многие века угнетения и страха.

Потом туземцы спокойно разделили убитых вампиров между собой и унесли добычу по домам, чтобы полакомиться мясом.

Землянину с большим трудом удалось

спасти от расправы одного раненного в крыло эрлоора, который барахтался на земле, как исполинский подбитый нетопырь.

Эойя уже собиралась ударить его дубиной, но юноша заслонил пленника собой и жестами объяснил ей, что забирает вампира себе, как свою часть добычи.

Он связал чудовище веревками из ивовой коры и отвел в хижину, где в темноте вампир немного пришел в себя и успокоился.

Роберт уложил его на циновке, а поблизости поставил мясо и съедобные коренья.

Однако эрлоор не притронулся к пище и довольно долго лежал не шевелясь. Затем попытался карабкаться по стенам, жалобно постанывая и дрожа всем телом. Вампир напрягался изо всех сил, тщетно стараясь разорвать свои путы.

Свет причинял ему невыразимые мучения. Когда Роберт отодвигал циновку у входа, эрлоор разворачивал крылья, царапал когтями стены, стонал и вопил.

Хотя приручить его казалось делом довольно сложным, Дарвел все-таки решил

попытаться, предполагая, что лишь с помощью этих существ раскроет тайны планеты.

ОТКРЫТИЯ

Несколько последующих дней принесли Роберту много радости, и время пролетало, как в волшебном сне.

Марсиане верили ему безоглядно.

Облаченный в великолепные одежды из ярких перьев и такой же головной убор в виде диадемы, он окружил себя дюжиной сильных вооруженных телохранителей.

Роберта постоянно сопровождали Уау и Эойя, у которых он учился марсианскому языку и уже мог довольно сносно объясняться с аборигенами, что, впрочем, оказалось не так уж сложно. В местном словаре было всего около двухсот слов, состоящих преимущественно из гласных. Согласные звуки выступали только в обозначениях чего-то страшного или вредоносного.

Подданные относились к своему повелителю с уважением и любовью, граничив-

шими с фанатизмом. Землянина самого начали почитать как божество.

В один прекрасный день он вдруг увидел собственную статую, изготовленную из дерева, глины и цветной кожи. Изваяние стояло в бывшей святыне эрлоора.

Однако Дарвел объяснил своей свите, что не желает ни в чем уподобляться этим жестоким созданиям и намерен нести людям только добро, достаток, мир и справедливость.

Эти принципы в полной мере отвечали спокойной и мягкой натуре туземцев, поэтому Роберта стали почитать еще больше.

Через несколько дней после сражения с вампирами вокруг деревни появились высокие сооружения из необожженного кирпича. Это были открытые печи с навесами. В них постоянно пылал огонь, защищенный таким образом от дождя. Теперь можно было не опасаться, что вампиры повторят свой маневр с песком. Поды печей сложили из огромных тяжелых валунов, сдвинуть которые роомбоо не могли.

На них устроили ловушки. Каждый день в ямы попадалось по несколько зверей, и

марсиане добивали их палицами. С тех пор деревня, окруженная кольцом круглосуточно пылавших костров, спала спокойно.

Как-то раз Роберт сел в лодку, плетеную из тростника и обтянутую сверху тюленьими шкурами, и пустился в великодушное путешествие по каналам, которые привыкли наблюдать земные астрономы. Каналы эти напоминали широкие реки. По ним морская вода проникала вглубь материка, на юг. Не обращая внимания на слаженно работавших ложкообразными веслами гребцов, Дарвел чертил острым камешком на кремневой пластинке карту Марса, вспоминая при этом труды Скиапарелли и Фламмарiona.

Роберта удивила одна особенность: все океаны располагались на севере, а материки на юге. Ему показалось, что он наконец решил загадку, над которой так долго ломали головы астрономы и ученые.

— Да ведь это же просто бросается в глаза! — рассмеявшись, воскликнул Роберт. — Удивительно, как никто до сих пор ни о чем не догадался! Вся поверхность Марса представляет собой огромное боло-

то. Зима здесь длится полгода, весна и лето — тоже по шесть месяцев, и если бы не каналы, здесь бы давно все засохло после того, как стаивают льды и снега! Именно по ним с севера на юг поступает живительная влага!

Оставалось маленькое «но»: астрономы обнаружили в экваториальном поясе планеты горы, вершины которых зимой покрыты снежными шапками.

— Ну и что? Это совершенно не противоречит моей теории! — словно возражая невидимому оппоненту, продолжал Дарвел. — Не исключено, что на Марсе есть и горные регионы... А если так, то должны быть плодородные равнины с субтропической флорой, где зимой идут дожди... Вероятно, астрономы упускают из виду, что год на Марсе составляет 687 дней и потому все везде успевает созреть!

Продолжая размышлять в этом направлении, Роберт наконец понял, почему деревья на Марсе такие гигантские, а кусты и травы разрастаются столь буйно: ведь они жили в два раза дольше, чем на Земле! Он хотел посмотреть на здешнюю пре-

красную осень, которая должна быть по-гожей и длинной. Вся природа станет медленно замирать, одеваясь в великолепные красочные уборы, неведомые ее земной сестре. А пробуждение планеты от долгого зимнего сна — наверняка истинное чудо! Все вокруг покроется ковром сказочных первых цветов, раскрывающих свои нежные лепестки навстречу солнцу...

Потом настанет по-тропически знойное лето, леса засияют золотистой листвой, осень добавит в эту палитру бронзы и пурпура, а в небе жалобно закричат перелетные птицы...

Роберт размышлял о смене времен года со страстью натуралиста. В его воображении уже рисовались невиданные дотоле растения, он видел глубокие тенистые ущелья, поросшие купами деревьев, опутанных лианами. Именно там находили себе пристанище эрлооры, прячась от дневного света и отдыхая после своих разбойничьих набегов. На холмах возвышались стройные кокосовые и финиковые пальмы, апельсиновые деревца, отягощенные крупными, сочными плодами, расточали оду-

ряющий аромат своих снежно-белых цветов...

Внезапно Дарвела охватил гнев.

— Я ведь до сих пор ничего не знаю! — вскричал он. — Я еще ничего толком не видел на этой таинственной планете! Свались я на Землю к эскимосам или обитателям Огненной Земли, результат был бы тот же! А ведь здесь, кроме эрлооров, должны быть и другие существа — разумные, прекрасные, счастливые, живущие в других, более теплых частях Марса, где есть цветущие луга, а тучные поля колосятся хлебом! Там жизнь должна быть совершенно иной!

И только тут он заметил, что Уау и Эойя удивленно слушают его речи, озабоченно заглядывая в глаза.

Дарвел улыбнулся и успокоил их жестом руки, а перемена пейзажа отвлекла его от грустных мыслей.

Днище лодки заскребло по великолепно обработанному граниту. Приглядевшись внимательно, Роберт обнаружил, что строители каналов раскалывали гранитные блоки при помощи замерзающей воды, не

пользуясь никакими орудиями. Точно так же поступали и древние люди Земли.

В зарослях тростника плавало множество роомбоо. Роберт уже занес было руку, собираясь прикончить одного из них, но Эойя успела остановить его и объяснила, что в каналах этих животных убивать нельзя. Тут они несут свою службу, принося пользу, и потому считаются неприкосновенными.

— Правда, они съедают много рыбы, но зато хорошо очищают реки и очень нам нужны, — продолжала девушка. — Мы убиваем их только тогда, когда они нападают первыми, но больше этого, наверно, никогда не случится, потому что их хозяева эрлооры теперь побеждены!

Роберт выбрался на берег, поросший багровой травой, но путь ему преградила стена из грубо обтесанных валунов, ничем не скрепленных между собой.

Теперь он догадался, что означают линии на берегах каналов, так хорошо видимые с Земли. Это была защита суши от буйного разлива весенних вод, когда начинал таять снег.

Из задумчивости его вывели крики гребцов. Они указывали ему на крутую лестницу, высеченную в скалах и уходящую вверх.

Кто мог над ней потрудиться? Уж конечно не грузные, добродушные марсиане!

Но землянина ожидали и другие сюрпризы.

Пройдя немного, он увидел настоящий марсианский город, где было около двух тысяч домов. Роберта приветствовали как самого желанного гостя, когда Эойя рассказала соплеменникам о своем спутнике.

Новым знакомым преподнесли дар поистине королевский: раскаленные докрасна головки в глиняной миске. Эойя научила людей обращаться с этим сокровищем, и вскоре в городе повторились сцены, похожие на те, какие мы уже описывали в предыдущих главах нашего повествования. Ярko запылали костры, в воздухе запахло жарким, идолы эрлооров и роомбоо поглотил огонь, а поселение было окружено кольцом, сквозь которое эти твари не осмеливались прорваться.

Но Роберта уже начали утомлять не-

скончаемые почести и восторженные крики толпы, и потому после легкой трапезы он приказал плыть к следующему селению, где его ожидало то же самое, что и в первом.

Повсюду, где появлялся Дарвел, люди объявляли беспощадную борьбу ненавистным эрлоорам. Больше их никто не боялся, и марсиане охотно лакомились их мясом.

Роберт в изобилии пожинал лавры. Его осыпали почестями и подарками, он успел прославиться как повар, военачальник, государственный деятель и инженер, открывая для обитателей Марса еще неизвестные им области человеческой деятельности.

И повсеместно по его приказу возводили башни, в которых горели огни.

На много миль вокруг воцарились мир и покой. После сокрушительного поражения вампиры больше не осмеливались нападать на людей и ушли вглубь материка, где их еще продолжали бояться и почитать.

Однако двух молодых вампиров, ослепленных светом и рухнувших в костер, по настоянию Роберта поймали и заключили под стражу до суда. Им вменялось в вину

нарушение общественного порядка, разбойное нападение и покушение на убийство. Надо заметить, что марсиане не понимали всей тяжести подобных обвинений и потому не могли оценить, что значит правосудие.

На пятый день своего путешествия по пурпурным лесам и необъятным каналам Роберт неожиданно для себя сделал еще одно открытие, которое несказанно взволновало его.

Он наткнулся на развалины увитого плющом дворца из розового гранита. И по общему виду, и архитектурными деталями это сооружение удивительно напоминало земные постройки.

Там был настоящий лабиринт сложнейших переходов, множество башенок разнообразной формы, часть из которых напоминала восточные минареты, балконов и арок. Гигантская лестница местами обрушилась, каменные своды еще каким-то чудом не рассыпались, напоминая огромные ажурные мосты, созданные неким гениальным безумцем.

Балконы поддерживались изъеденными

временем исполинскими статуями людей и животных. Одним из них не хватало рук, другим голов...

И все это минувшее великолепие архитектурного гения буйно поросло красным плющом, буки и березы окутывали развалины своими ветвями, закрывая раны, нанесенные годами, словно желая защитить замок от окончательного разрушения. Марсиане, с опаской поглядывая на руины, предпочитали держаться от них подальше. Отвратительные эрлооры раскинули на куполах огромные крылья и казались живыми. Мельчайшие детали их облика были воссозданы с необычайной тщательностью. Иногда чудовища обвивались вокруг колонн.

Тщетно Роберт ломал себе голову, стараясь разрешить загадку таинственных развалин.

Почему существа, которые возвели такое грандиозное сооружение, деградировали, опустившись до уровня диких животных? Несомненно, что прежде среди обитателей Марса были талантливые ученые и худож-

ники... А чьим творением были столь искусно построенные каналы?

Даже если допустить, что их прорыли удивительные массивные роомбоо, какой титан мысли изготовил чертежи, рассчитывал размеры, определил направление? Кто вымостил безупречно обработанными каменными блоками?

— Несомненно, что это следы древней, некогда грандиозной цивилизации, которая почему-то пришла в упадок и вновь вернулась к состоянию варварства! — рассуждал Роберт сам с собой.

В этот момент они прибыли в очередную деревушку, и он отвлекся от своих размышлений. И снова землянину пришлось наблюдать ликование толпы, выслушивать славословия и присутствовать на обеде...

Утратив прелесть новизны, все это стало для Дарвела тяжелой обязанностью.

— Теперь я понимаю, почему лица сильных мира сего так печальны среди всеобщего веселья! — прошептал он. — И со мной начинает происходить то же самое...

Поэтому он почувствовал себя счастливым, когда после пышного приема наконец

смог удалиться в отдельную хижину и лечь спать, завернувшись в великолепный плащ из перьев, служивший одновременно парадной одеждой и одеялом. Этот подарок преподнесли ему благодарные подданные.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Минуло несколько месяцев. Роберт Дарвел пользовался воистину королевскими привилегиями: по его чертежам и указаниям построили просторный, удобный дом, который, по сравнению с окружавшими его, смело можно было назвать дворцом.

Люди перестали бояться эрлооров. Возле каждой деревни теперь были возделанные поля, а по ночам села защищал огонь, пылавший в печах на толстых фундаментах и с прочными крышами.

Поэтому все попытки вампиров и роомбоо подобраться к людям оказывались безуспешны.

Неведомые доселе покой и благоденствие воцарились на весьма обширной территории. Повсюду заметны были полезные нововведения. Лодки, построенные по черте-

жам Роберта, оказались удобнее и просторнее прежних, у охотников и рыбаков появилось много новых орудий. Марсиане становились более цивилизованными. Перед наступлением зимы кладовые, где хранилась провизия, поспешно принялись заполнять разными припасами, доселе аборигенам неизвестными: соленой говядиной, копченой птицей, а сырые овощи укладывали в посуду и заливали маслом, выжатым из водяных каштанов.

Обнаруженная в горах дикая виноградная лоза, когда ее пересадили на плодородную землю, под живительными лучами Солнца стала давать более крупные и сладкие плоды, чем ожидал Роберт. Он надеялся, что, открыв своим подданным секреты виноделия, станет для них кем-то вроде Бахуса или Ноя, как перед тем пожал лавры Прометея, Солона и Ганнибала.

Дарвел очень обрадовался, обнаружив в горах превосходную железную руду. Самым примитивным способом он выплавил из нее железо, из которого можно было изготавливать самые необходимые инструменты. Конечно, со стальными они сравниться не

могли, но служили большим подспорьем в работе.

Многие наверняка чувствовали бы себя на месте Роберта счастливыми, однако наш изгнанник именно теперь, когда осуществил многие свои замыслы и твердо надеялся установить связь с Землей, все чаще и чаще испытывал приступы непреодолимой тоски.

Много бы он дал... Впрочем, нет! Он отдал бы все, чего достиг и что у него было, за встречу с умницей Ральфом и своей бывшей невестой... Как он мечтал вновь оказаться в Лондоне!

Роберта угнетало и еще одно обстоятельство: маленькая Эойя не отходила от него ни на шаг, постоянно повторяя, что хочет стать его женой и сыграть свадьбу по местным обычаям. Бракосочетания на Марсе знаменовались обильным пиршеством и громогласными крикливыми песнопениями.

Однако чувство девушки тяготило Роберта. Причин к тому было несколько. Он не переставал с нежностью вспоминать Альберту и всякий раз, как Дарвел видел на ясном небосводе маленькую голубую

звездочку, он принимался витать в эмпиреях. Все марсианки с их круглыми розовыми личиками и детскими улыбками были ему безразличны.

Но Эойя чахла буквально на глазах и худела все больше. Дедушка ее, Уау, с грустью рассказывал, что теперь на платье внучки уходит вдвое меньше самых красивых перьев, чем раньше. Малышка довольно неплохо болтала по-французски и временами просто утомляла Роберта своим наивным щебетанием.

Теперь она старалась одеваться как можно наряднее и изысканнее, носила яркие одежды, ожерелья из бисера, блестящие камешки, но Роберт, увы, ко всему этому оставался равнодушен.

Усталость все чаще охватывала Роберта. Тогда он садился в лодку и уезжал подальше, чтобы хоть немного забыться.

Подобным образом Дарвел исследовал значительную часть северных районов планеты и составил их топографические карты.

Следует заметить, что они не отличались особым разнообразием: повсюду бесконеч-

ные леса с золотисто-пурпурной листвой, бескрайние пустоши, болота, озера... Иногда Роберт встречал людей, но они везде были похожи друг на друга: неуклюжие, грузные, с глуповатыми улыбками на губах...

Роберт знал, что в южной части Марса существуют регионы с роскошной буйной флорой, но гребцы наотрез отказывались плыть туда, твердя, что в тех местах царствуют эрлооры и другие столь же страшные создания.

Но это только еще больше распаляло любопытство Роберта, вместо того, чтобы охладить его пыл.

— Та часть планеты, которую я осмотрел, решительно самая дикая и скудная, — рассуждал он, — и потому обязательно следует побывать в других!

Дарвелу подумалось, что эрлоор, плененный во время схватки, мог бы ему что-то рассказать о тех таинственных краях, и он прилагал множество стараний, чтобы приручить это существо, которое продолжал держать в подвале и кормил сырым мясом.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

Роберт мог считать себя с определенной точки зрения не просто счастливым, а очень счастливым человеком.

Однако прежняя жажда путешествий не угасла в нем: ожидая подходящего случая исследовать Марс более детально и найти способ подать о себе весть на Землю, а затем и вернуться обратно, Роберт решил отправиться в дальнюю экспедицию один, без спутников, наивное восхищение которых со временем его все больше тяготило.

Роберт уже давно слышал от Эойи, что на юге расположено страшное место, где даже эрлооры не отваживаются появляться. Об этой долине существовало множество древних преданий, но даже ныне живущие глубокие старцы не могли поведать о ней ничего определенного. Знали только, что она лежит между двумя необычайно высокими горами и там живут страшные, нигде больше не виданные твари. Марсиане называли ее Долина Смерти.

Этого оказалось достаточно, чтобы Роберт загорелся желанием побывать в этом

загадочном уголке Марса, хотя его из всех сил отговаривали. Утверждали, что над горами тяготеет проклятие, а расположены они были совсем недалеко. Старейшины уверяли, что до них всего три дня пути. Путешествие привлекало Роберта тем больше, что до сих пор он никогда не встречал на этой планете по-настоящему высоких гор.

Поэтому однажды утром, расспросив туземцев самым подробнейшим образом, он отправился в дорогу, предупредив свою свиту, что будет отсутствовать недели две.

Все уже давно привыкли к его экскурсиям, а о его храбрости и уме были столь высокого мнения, что даже не допускали, что Дарвелу может грозить какая-то опасность.

Эоя немного всплакнула, однако Роберт утешил ее, пообещав принести диковинных плодов и блестящих камешков, как уже не раз бывало.

Однако цель путешествия осталась никому не известной.

Выйдя из дома и шагая под сенью красной листвы, Роберт несказанно наслаждался

ся жизнью. Теплый воздух был напоен ароматом трав и цветов, золотисто-багряные леса стояли во всем своем великолепии. По пути Роберт обнаружил множество неизвестных минералов, растений и насекомых. Он легко определял направление по стволам деревьев, с северной стороны поросшим мхом, и был твердо убежден, что, кроме встречи с эрлоорами, ничто ему не угрожает.

Три первых дня минули без особых приключений: Дарвел утолял голод, стреляя дичь, а на ночлег устраивался в дуплах деревьев или в густом кустарнике.

Вечером третьего дня, как ему и предсказывали, Роберт увидел зубчатые горные вершины почти одинаковой высоты и формы. Их он достиг к концу четвертого дня. Окружающий пейзаж переменялся совершенно. Роскошные леса уступили место сухой глинистой почве, изрезанной трещинами, где прятались крупные красные ящерицы с плоскими головами и маленькими свирепыми, как у крокодила, глазками.

Вскоре путь землянину преградил завал из красноватых камней, словно обработан-

ных человеческой рукой и лежавших у подножия горы. Пирамида была крутой, ровной, без щелей и углублений.

Роберт шел уже несколько часов, а каменный вал все не кончался. Зной становился поистине невыносимым. Такого Дарвел еще не испытывал нигде, где ему доводилось бывать.

Он сильно устал, да еще голова кружилась. Казалось, воздух был полон огня, тем не менее поблизости не было никаких признаков вулкана. Место, куда он попал, выглядело неуютным и мрачным. Роберт с удивлением поймал себя на том, что почти жалеет о своей опрометчивости. Не стоило, пожалуй, так далеко уходить от деревни.

Он решил сделать привал до утра и, найдя небольшое углубление в скале, провел в нем ночь, прежде вышвырнув из ниши двух ящериц, а потом заложив вход изнутри крупными камнями.

Тем не менее спалось скверно. Роберт то и дело просыпался от чувства непонятного страха. Сердце сжималось, грудь давила какая-то тяжесть. Измученный усталостью, он погружался в зыбкий сон, а вскоре

опять открывал глаза, встревоженный и растерянный. Поэтому, когда занялся рассвет, Дарвел облегченно вздохнул и зашагал дальше.

Больше всего он удивлялся тому, что климат менялся буквально на глазах. Незвестные растения с мясистыми светло-желтыми листьями цеплялись за расщелины скал, кое-где вверх устремлялись свечами прямые колючие стебли, похожие на кактусы Центральной Америки. В воздухе порхали большекрылые насекомые, по земле скользили гигантские толстые змеи. Вокруг становилось все теплее.

Наконец зной стал невыносим. Пот градом катился по лицу, Роберт еле переставлял ноги от изнеможения, а каменному валу все не было конца. Он терялся вдали, заслоняя собой горизонт. В его мощи и высоте ощущалась немая угроза.

Вдруг после поворота окрестности изменились невероятно. Каменная стена внезапно закончилась. Край вала венчала башня, верхушка которой терялась в вышине, а прямо впереди раскинулся бескрайний субтропический лес. Роберт не без

удивления увидел подобие земных пальм, бананов и бамбука.

— Похоже, матушка-природа во всех уголках Вселенной придерживается раз и навсегда предначертанного плана, — пробормотал себе под нос Дарвел. — По одному образцу она творит тысячи разновидностей, которые мало чем отличаются между собой! Пользуясь жесткими логическими рамками, наверняка можно предсказать возникновение в будущем новых растений, как открытие элементов в химии и создание препаратов из простейших составляющих...

Однако, несмотря на свою скептическую тираду, Роберт вынужден был признать, что в болотах Индии, Центральной Африки и в девственных лесах Бразилии столь буйной и мощной флоры он не встречал.

Развесистые кроны деревьев вздымались над землей на двести-триста метров, их густые ветви тесно сплетались между собой, а сочные, огромные как паруса листья были пурпурными или фиолетовыми. Нижние ветви пускали побеги, из которых вырастали новые стволы, цеплявшиеся корнями

за малейшую трещину в коре или почве, поэтому лес рос в несколько ярусов. Роберт насчитал их до двадцати, вздымавшихся один над другим.

Все вокруг было опутано лианами и густой сетью ветвей, которые не давали падать сгнившим и трухлявым деревьям. Из этих стволов черпали жизнь другие растения, а вся эта мешанина из корней, стеблей, цветов и плодов походила на бушующее море, но зрелище было неизмеримо прекрасное.

Иногда цветы устилали землю сплошным ковром, а под сенью исполинских пальм могла укрыться целая деревня.

Роберт остановился, восхищенно обзревая это растительное великолепие, тем более поразительное, что оно было замкнуто в строго ограниченном ареале и возникло на горизонте как мираж.

Климат изменился столь резко, что все гипотезы Роберта рассыпались в прах.

— Однако, это должно иметь свое объяснение... и довольно простое! — воскликнул Дарвел. — А честь первооткрывателя будет принадлежать мне!

Тем не менее Роберт терялся в догадках. Как могли возникнуть джунгли в столь северных широтах, что согревает почву на таком малом пространстве? Еще он заметил, что в диковинной чаще обитает множество неизвестных ему животных. Она очень напоминала земные леса доледникового периода и буквально кишела рептилиями и пресмыкающимися.

Здесь были хамелеоны и гибкие ящерицы, древесные змеи, мелькавшие между ветвями, огромные жабы в рост человека. Зеленая кожа этих чудовищ была усыпана красными пятнами, а прыгали они тяжело и неуклюже...

Хватало в лесу и насекомых. Роберт увидел сказочных бабочек с радужными крыльями, зелено-голубых с золотом жуков размером с голубя, словно сошедших с японских миниатюр.

А вот птиц оказалось не так уж много. Зобастые цапли степенно охотились на мелких ящериц, сипы с кроваво-красными крыльями и светлыми спинами бродили в траве. Что до млекопитающих, то их в лесу не водилось вовсе!

Роберт Дарвел стоял на краю чащи, не отваживаясь углубиться в непроходимые дебри, где могли таиться хищники и ядовитые гады. Он знал, что может очень легко заблудиться и проплутать не одну неделю.

Роберт несколько растерялся. Пот лился с него градом, лес дышал порывами знойного ветра, а совсем недалеко отсюда царила прохлада... Нет, это было непостижимо!

Он вступил под сень исполинских стволов, но земля, как обычно в джунглях, была покрыта остатками гниющих растений. Ни единый луч солнца не проникал сюда, зато грибов и ползучих тварей имелось неисчислимое количество. Нечего было и думать о том, чтобы продираться сквозь эту первобытную пущу!

Но Роберт не привык сдаваться и пасовать перед трудностями.

После долгих поисков ему удалось обнаружить огромный кедр, росший несколько в стороне от остальных деревьев и достигавший около ста метров в высоту. Взо-

браться на этого колосса не составило особых трудностей. Ветви его были густыми и настолько толстыми, что по каждой из них свободно могли бы проехать рядом двое всадников, не мешая при этом друг другу. Роберт легко вскарабкался на верхушку, распугивая на своем пути стаи рыжих белок.

А когда он сверху окинул взглядом окрестности, его осенило. Лес, который теперь был виден почти целиком, занимал вытянутое овалом пространство, половина которого вклинивалась в горную цепь с равными вершинами. Создавалось впечатление, что над их созданием потрудился знающий геометр.

Но самым поразительным было то, что горы, которые от Роберта прежде скрывала каменная стена, сияли так ослепительно, точно вся гряда состояла из чистейшего хрусталя. Первобытный лес эпохи мамонтов, увенчанный фантастической радугой, — вот что увидел Роберт с вершины своего наблюдательного поста.

Приглядевшись повнимательнее, он убедился, что горы действительно сложены из

огромных хрустальных блоков, установленных под разными углами.

— Магические зеркала! — не в силах сдержать изумление, воскликнул Дарвел.

Он не мог отвести взгляда от этого колдовского грандиозного зрелища. Должно быть, на осуществление такого гениального замысла ушло не одно столетие кропотливой, тяжелой работы!

А Роберт видел воочию уже реализованную идею. Теперь все встало на свои места. Горная гряда, концентрируя солнечные лучи, направляла их в эту волшебную долину, где всегда царило тепло. Проект был обдуман до малейших подробностей, но их Роберт пока не постиг. Ясно было одно: перед ним был плод высочайшего интеллекта.

Землянин глубоко задумался... Кто были создатели этого чуда? Уж, конечно, не его подданные, но и не эрлооры тоже. Несомненно, что высокоразвитая цивилизация на Марсе угасла много веков тому назад! От подобных мыслей Роберту опять стало тоскливо.

Но теперь в его уме, привыкшем к логическому мышлению, зародился вопрос: почему от воздействия этих зеркал, которыми Архимед в свое время поджег вражеские корабли, не загорелся лес? Кстати, опыт великого грека на Земле больше не повторил никто...

Ответ нашелся очень скоро.

В самом центре овальной долины среди облаков белого пара искрилась вершина остроконечной пирамиды. Было очевидным, что лучи Солнца, отражаясь от хрустальных гор, собирались в этой сверкающей точке, чтобы затем, равномерно рассеиваясь по сторонам, творить вокруг вечное лето.

Дарвел предположил, что здесь не обошлось без сланцев, служивших великолепными проводниками тепла, но до всех тонкостей сразу дойти было трудно.

Пар говорил о присутствии какого-то водоема. Возможно, от него отходили каналы, и сильно нагретая вода создавала влажную атмосферу, которую так любят субтропические растения.

Словом, долина представляла собой ог-

ромную, великолепно спроектированную теплицу.

Придя к таким выводам, Роберт поспешил спуститься вниз.

Он решил исследовать таинственную местность самым тщательным образом и теперь совсем не жалел, что покинул своих пугливых подданных.

А еще немного погодя убедился, что догадки его верны.

Примерно в сотне шагов от своего кедра Дарвел обнаружил построенный по всем правилам канал, наполненный черной дымящейся жидкостью, издававшей резкий тошнотворный запах. Роберт опустил в нее руку, осторожно лизнул палец и почувствовал горечь с привкусом металла.

Будучи прекрасным химиком, он мог легко определить состав самых различных субстанций, а потому с первого взгляда распознавал все кислоты, первоэлементы, субациды, соли и тому подобное.

Малость поразмыслив, он пришел к окончательному выводу, что жидкость в канале была насыщена солями, которые могут целыми часами и даже днями со-

хранять заданную температуру. Их обычно используют в промышленности. Творцы этого архидела позаботились о том, чтобы растения ни в чем не испытывали недостатка.

Буквально на каждом шагу Роберта поджидало какое-нибудь поразительное открытие. Сколько же тайн хранит еще в себе эта буйная чаща?

Прорубая себе в зарослях путь ножом, какое-то время он шел по берегу канала, который позже разветвился надвое. Через определенное расстояние каждый рукав снова раздваивался, образуя таким путем целую сеть каналов, затейливо извивавшихся по долине сложным лабиринтом.

Вдруг внимание Роберта привлекло необычное зрелище. В нескольких шагах от себя он увидел маленькое деревце, опутанное клубком колючих лиан, в центре которого виднелась купа цветов, тоже усаженных длинными острыми шипами.

Это удивительное растение в диаметре было около полуметра. Черно-голубые цветы в центре окружало несколько светло-

желтых ободков, что делало деревце похожим на огромный глаз, на веке которого вместо мягких ресниц торчали острые колючки, источавшие сильный запах мускуса.

Роберт уже собирался уйти, когда юркая рыжая белочка, поводя носом и шевеля пушистым хвостом, прыгнула на куст, должно быть, привлеченная его ароматом. Перескакивая по спутанным веткам, она осторожно приближалась к цветку, а когда достигла его середины, произошло нечто ужасное.

Зловещий зрачок хищно сверкнул, шипы быстро зашевелились, а ветви с сухим треском свились в центре, закрыв цветок с сидящей там белкой и окружив ее со всех сторон. Огромный глаз снова жутко блеснул, а его колючие «ресницы» впились в тело зверька. Белка вскрикнула жалобно и пронзительно...

Все это происходило с молниеносной быстротой. Ошарашенный Роберт инстинктивно отпрянул назад, но за что-то запнулся и во весь рост растянулся на земле.

Еще немного, и он остался бы там навсегда. Еще не успев упасть, Роберт по-

чувствовал, что задыхается... Смертоносный углекислый газ пеленой окутывал его, стесняя грудь. Он тяжелее воздуха и потому не мог подняться вверх. Наш бедный путешественник отчаянным рывком встал на ноги и с наслаждением глубоко вдохнул чистые ароматы леса. А потом, быстро и не оглядываясь, покинул страшное место.

Несмотря на всю свою любознательность и жгучее желание обследовать удивительную долину, Роберт понимал, что плохо вооружен и недостаточно подготовлен к такой экспедиции, что она может закончиться для него гибелью, прежде чем он доберется до центра эллипса.

На обратном пути Дарвел вспоминал все чудеса, какие ему довелось повидать в долине, и тщетно пытался понять, кому и зачем понадобилось искусственно создавать такую страшную природу?..

Что это было: место для опытов, «сад терзаний» или каприз какого-то жестокого тирана?

Все эти предположения казались безосновательными.

Роберт так же в полном одиночестве

возвращался в марсианскую деревушку, твердо решив прийти сюда с большим вооруженным отрядом и попытаться разгадать тайну хрустальной горы...

ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ ПЛАСТИНКИ

Через восемь дней после гибели Фара-Шива капитан Уэйд и Ральф сидели в изящной садовой беседке недалеко от дома, потягивая прохладительные напитки. Рядом в удобном кресле расположилась Альберта, которая почти поправилась, но все еще была очень бледна.

За это время молодые люди достаточно сдружились. Чем больше они размышляли над таинственным исчезновением Роберта, тем больше убеждались, что он действительно сумел попасть на Марс, сделав явью чудесную мечту мудреца, поэта или безумца.

Множество мелких, второстепенных обстоятельств, сведенных воедино, становились серьезными доказательствами.

Капитан Уэйд возобновил прерванное

было расследование причин катастрофы в монастыре, а умелый опрос браминов во многом прояснил истину.

В подземной лаборатории, где работал Дарвел, капитан обнаружил записи, черновые наброски и чертежи, по которым, однако, можно было ясно представить целостный проект работ.

Теперь Ральф уже не видел ничего необычного в таинственной записке, которую когда-то обнаружил в своей спальне, хотя раньше считал ее необъяснимым явлением.

Зато его весьма заинтересовали несколько строк в тетради с разными записями, сделанными рукой Роберта:

«Сегодня с помощью магических зеркал, принцип действия которых не представляет для меня ничего сверхъестественного, Ардавена показал мне мою дорогую Альберту... Я сам был уверен, что она никогда не забывала обо мне, однако же взволнован и потрясен до такой степени, что наверняка несколько дней после этого не смогу взяться за работу...»

Альберта, которой Ральф отдал тетрадь, считая это своим долгом, прочла запись и была глубоко тронута.

— Я знала, знала, что Роберт помнит меня, — прошептала девушка. — И мысленно мы всегда были вместе... Мы найдем, мы непременно найдем его! Ах, если бы мы тоже смогли преодолеть звездную бездну и очутиться на Марсе!.. Почему бы нам не последовать примеру Роберта? Ведь он же улетел...

Капитан молча покачал головой, выражая таким образом свое сомнение.

— Нет, к сожалению, это невозможно, — отозвался Ральф. — Вероятно, Роберт использовал такое стечение обстоятельств, которое никогда больше не повторится!

— Увидим! — тихо проговорила Альберта и погрузилась в раздумье.

В этот момент у дверей зазвенел гонг, возвещающий о чем-то прибытии. Немного погодя в беседку прибежали несколько встревоженных слуг.

— Сахиб, сейчас сипаи приведут сюда преступника... — возвестил один из них.

— Преступника? — с досадой переспросил Уэйд. — Должно быть, опять какой-нибудь мелкий воришка, который соблазнился рисом или бататами!

— Он не индеец, мой господин, — возразил слуга. — Мы не побеспокоили бы вас из-за такой безделицы... Это европеец, и наверняка шпион! По-английски говорит с сильным акцентом, одет в лохмотья... При нем нашли много странных фотографий, сахиб...

— Хорошо, что доложили мне, — кивнул капитан, преисполненный собственной важности. — Вели привести этого человека прямо сюда, я сам его допрошу, и немедленно, — приказал он и добавил, когда слуга удалился: — Кажется мне, однако, что мы имеем дело с каким-то международным авантюристом, которых в любой стране предостаточно...

— А вот и он! — констатировал Ральф.

Солдаты вели через сад к беседке голубоглазого человека с длинной светлой бородой. Одет он был действительно весьма убого, весь покрыт дорожной пылью и выглядел очень усталым.

Однако, несмотря на нищенский вид, в каждом жесте и осанке арестованного сквозило благородство, которое сразу бросалось в глаза.

К огромному удивлению всех присутствующих, увидев Альберту, незнакомец не смог сдержать радостного возгласа и протянул руки ей навстречу, от чего его оковы зазвенели. Затем он низко поклонился и произнес:

— Неужели это вы, мисс Терамон? Ах, как я счастлив, что нашел вас! Правда, мне помогло то, что теперь ваш портрет украшает страницы всех иллюстрированных журналов!

Капитан Уэйд решил, что перед ним наверняка какой-то доходяга, который, прослышав о богатстве Альберты и ее прибытии в Индию, нарочно позволил себя арестовать, чтобы выпросить у нее подачку.

— Хватит! — резко произнес он. — Здесь тебе придется иметь дело со мной! И предупреждаю, если вздумаешь ломать комедию, это тебе дорого обойдется! Какие у тебя есть бумаги?

— Все мои документы — желтая памятка смертника, — с грустной иронией отзывался арестованный. — Можете быть уверены, она в полном порядке, сэр!

— Это что еще за шутки? — гневно нахмурившись, спросил Уэйд.

— Я вовсе не шучу, сэр, — все так же насмешливо и невозмутимо ответил незнакомец. — Однако я и не предполагал, что либеральная Англия выдает властям иностранцев, которые ищут на ее территории политического убежища...

— Если все именно так, как ты утверждаешь, тогда можешь не беспокоиться, — буркнул капитан, задетый в своих патриотических чувствах. — Я рассмотрю твоё дело в самые ближайшие дни, но мне необходимо знать, как тебя зовут, кто ты и откуда.

Казалось, арестант не обращал ни малейшего внимания на строгий тон, которым с ним разговаривал англичанин.

— Я приехал из Сибири, — бесстрастно произнес он. — Я ученый, по национальности поляк, а фамилия моя Балинский.

Ральф резко вскочил со своего кресла-качалки.

— Балинский! — воскликнул он. — Ну конечно... Конечно! Ведь это вы работали

с инженером Робертом Дарвелом, пытаюсь наладить сообщение с Марсом!

Услышав эти слова, капитан Уэйд мгновенно переменился в лице.

Теперь он весь обратился в слух и разглядывал незнакомца с живейшим интересом.

— Разумеется, — кивнул поляк. — Наконец-то мы с вами поняли друг друга. Правда, с трудом, но тем не менее...

Капитан выразительно посмотрел на застывших в неподвижности сипаев и сделал им почти незаметный жест рукой. Их смуглые лица, резко контрастировавшие с белой одеждой, остались невозмутимы. Солдаты молча приблизились к арестованному, оковы его упали на землю, а Уэйд собственноручно придвинул Балинскому мягкое кресло.

Альберту удивило, что эта перемена в обхождении со стороны хозяина дома не произвела на ученого никакого особого впечатления. Должно быть, он был погружен в какие-то серьезные размышления.

— Я просто обязан был вас разыскать, мисс Терамон, поскольку имею сообщить

нечто чрезвычайно важное. Заочно я давно знаком с вами. Сколько раз Роберт вспоминал вас, когда мы с ним были в Сибири! Возможно, вы знаете, что вскоре я был арестован и приговорен к каторжным работам вместе с другими своими соотечественниками. Наши работы по межпланетным сообщениям пришлось прервать, и это явилось для меня сущим несчастьем. Однако недавно мне удалось бежать. Я уехал в Японию, где открыл фотографическую мастерскую и тем зарабатывал себе на жизнь. О том, что случилось с Робертом, поверьте, не знал, но от планов наших не отказался. В моем распоряжении была мощная аппаратура и благодаря ей я сделал невероятно четкие снимки Марса, проведя некоторые оптические усовершенствования...

— Где фотографии? — с трудом владея собой от волнения, спросила девушка.

— Я покажу их вам немедленно, мисс, как только получу обратно от солдат, которые препроводили меня сюда...

— Черт возьми! — не выдержал капитан. — Вероятно, из-за этих самых снимков

мои рьяные подчиненные и приняли вас за шпиона, сэр!

— Несомненно, капитан. Я сделал около сотни фотографических пластинок. Их могло быть намного больше, если бы хитрые подданные микадо внезапно не выслали меня из страны без всяких объяснений, когда достаточно усвоили принципы космографической фотографии.

В тот день, когда я ожидал рейса на Сан-Франциско, в руки мне случайно попался журнал с биографией Роберта и портретом мисс Терамон. Это изменило все мои планы. Вместо Сан-Франциско я отправился в Карикали и приехал туда без гроша в кармане. И вот после стольких дрызг и приключений наконец я здесь!

— Ваша помощь будет для нас очень ценна, сэр, — сказал Ральф, приближаясь к Балинскому. — Не рассказывал ли вам случайно Роберт об одном из своих друзей по имени Ральф Питчер?

— О, по тысяче раз в день и невзирая на обстоятельства! — воскликнул Балинский.

Пока они обменивались сердечным руко-

пожатием, слуга принес маленький потертый ручной чемодан.

— Мои фотографии! — просиял ученый.

Открыв чемодан, он принялся лихорадочно перебирать еще не наклеенные на картон снимки. На всех была изображена темная сфера, изрезанная сетью каналов Скиапарелли.

Однако, на первый взгляд, эти фотографии не отличались ничем особенным.

— Вы не заметили самого главного, господа! — с жаром заговорил Балинский. — Прошу взглянуть вот сюда. Смотрите: здесь светлая точка, а после нее — черточка. А вот на этом снимке — точка и два тире!

— И что же это может означать? — спросила Альберта.

— Вы знакомы с телеграфной азбукой Морзе, господа? Перед вами неоспоримое доказательство присутствия на Марсе человека, который передает на Землю свои сигналы! И этот человек не кто иной, как наш Роберт!

«РО-БЕРТ ДАР-ВЕЛ»

Вскоре благодаря стараниям капитана Уэйда Балинский был одет, как настоящий салонный лев, и быстро завоевал симпатии окружающих. Бывший заключенный оказался человеком недюжинного ума и настоящим ученым. Новые друзья позаботились прежде всего о том, чтобы поправить его незавидное финансовое положение.

Однажды утром мальчик-слуга вручил Балинскому сразу три письма, чему тот изрядно удивился. Неужели кто-то так быстро дознался, где он сейчас живет?

Когда Балинский, сгорая от любопытства, распечатал первый конверт, из него выпал чек на сто фунтов стерлингов. В письме капитан Уэйд весьма деликатно уведомлял его, что, располагая вакансией на должность землемера, он считает своей приятной обязанностью предложить ему занять таковую.

На первые расходы прилагается жалование за полгода, а сам капитан Уэйд убедительно просит принять его предложение о поступлении на службу.

Тронутый до глубины души этим благородным и тактичным поведением английского резидента, Балинский вскрыл второе письмо и изумился еще больше, обнаружив в конверте еще один чек, теперь уже на тысячу фунтов, которые королевский индийский банк должен был выплатить предъявителю незамедлительно по первому требованию.

Письмо было подписано натуралистом Ральфом Питчером. Тот замысловатым стилем и столь же деликатно сообщал, что задолжал значительную сумму Роберту Дарвелу, но в отсутствие своего друга считает необходимым выплатить ее Балинскому в качестве возмещения понесенных расходов, поскольку экспедиция в Сибирь оказалась неудачной.

— Я и без письма считал Ральфа глубоко порядочным человеком, — прошептал Балинский. — Как они оба добры ко мне! Можно подумать, что сговорились между собой...

С этими словами он разорвал третий конверт с траурной каймой и остолбенел

от изумления, вынудив из него еще один чек — на десять тысяч фунтов!

В самых изысканных выражениях, которые не могли бы оскорбить даже крайне ранимого человека, Альберта просила Балинского занять одну из самых высоких должностей в ее банке, добавив, что разработка золотых приисков требует присутствия в фирме знающих специалистов.

Балинский протер глаза, дабы окончательно убедиться, что все это ему не привиделось, и в превосходном расположении духа поспешил в столовую, где его уже дожидались друзья.

— Поторопитесь, сэр, иначе мы начнем завтракать без вас! — улыбнувшись, предупредил его Уэйд.

— Прошу прощения, — отвесив шутливый поклон, отозвался Балинский. — Меня задержала исключительно важная корреспонденция: должен всем сообщить, что, кроме чеков на весьма значительные суммы, я получил пару весьма лестных предложений.

Все трое молодых людей, сидевших за

столом, дружно, как по команде, подняли головы.

— Друзья мои, — взволнованно продолжал Балинский, вынимая из кармана чеки и письма, — я понимаю, что все вы действовали из самых благородных побуждений, но воспользоваться вашей добротой я не могу, хотя всегда буду вам за нее безмерно благодарен...

Завязалась оживленная беседа, и после упорного сопротивления Балинский все-таки был вынужден уступить.

Друзья убедили его принять чеки, и он согласился с одним условием:

— Ваша взяла, но я предлагаю на эти деньги купить приборы для астрономической фотографии. Мне нужны точно такие же приборы, с какими я несколько недель работал в Японии. Сейчас это самое главное, что нам необходимо.

Альберта усмехнулась.

— Вы немножко опоздали, господин инженер, — лукаво ответила она.

— Это почему же?

— А потому, что ваша воплощенная мечта вскоре прибудет сюда из Лондона.

Трудно описать, как ее слова обрадовали Балинского. Он даже перестал препираться с приятелями и без конца повторял:

— Ну вот и великолепно! Вот и великолепно! Скоро мы с вами примемся за дело! Лишь бы Роберт не перестал передавать сигналы, лишь бы не отчаялся! — озабоченно добавил он.

— Не перестанет, за это я ручаюсь, — заверил Ральф. — Наш друг Роберт не единожды доказывал свое упорство. К тому же он отлично знает, что его знаки с Земли заметят не сразу. Я прекрасно его знаю и убежден, что он попытается сделать все возможное, лишь бы наладить связь с родной планетой. Ведь сумел же он добраться на Марс, а это задача непростая. Теперь он постарается, чтобы земляне вышли с ним на связь.

— Каким образом он подает сигналы? — спросила Альберта.

— Пока не могу точно сказать. Однако, судя по тому, что точки и тире четко выделяются на общем темном фоне планеты, полагаю, что Роберту удалось открыть мощ-

ные источники света и энергии, вероятнее всего электрической.

Во время этой беседы Уэйд сидел молча, о чем-то задумавшись.

— Какая жалость, однако, что у нас нет способа сообщить Роберту о себе! — посетовал Ральф.

— Кто знает, а вдруг ваше желание осуществимо, — отозвался капитан. — И помочь нам в этом может Ардавена...

Но брамин до сих пор не оправился после таинственного взрыва в монастыре. Он почти лишился рассудка и все время дремлет.

— Кто знает? — тихо проговорила Альберта. — Быть может, стоит попытаться...

— Ну что ж, попробуем, — согласился Уэйд. — Но прежде надо сделать еще кое-что немаловажное. Вероятно, мистер Балинский захочет поработать со снимками и проверить свои догадки.

— Конечно, конечно! Я и так уже потерял достаточно много времени! Вместо того чтобы работать, я пытался отвязаться от японских шпионов. Успел только упако-

вать и пронумеровать негативы, но очень боялся, что кто-то узнает мою тайну.

— А на пароходе вам тоже было некогда? — спросила Альберта.

— Видите ли, для этого нужна спокойная, уединенная обстановка, а я ехал третьим классом... Теснота, публика сами знаете какая, постоянная болтанка, шум...

— С этим все понятно, ну, а с тех пор, как вы здесь?

— Простите меня великодушно, мисс, но я не смел раскрыть вам смысл переданного, хотя расшифровка знаков азбуки Морзе не составляет труда. Мне казалось, что я вламываюсь в дверь за семью печатями, куда людям ход заказан, и это все равно, что сорвать с древа познания запретный плод. Я безмерно волнуюсь, когда думаю о том, что несет в себе это известие из иного мира, преодолевшее миллионы миль... Мы прочтем его все вместе и восславим мощь человеческого гения!

Балинский произнес последнюю фразу торжественно, и волнение его передалось остальным.

— Пусть так оно и будет! — согласилась

Альберта. — Скоро мы узнаем, что говорит нам Роберт. Вряд ли стоит откладывать. Я предлагаю взяться за расшифровку немедленно.

— Как пожелаете, мисс, — кивнул Балинский. — Что касается лично меня, я разделяю ваше мнение. Эти таинственные знаки не дают мне покоя и в глубине души я боюсь получить от нашего друга дурные вести...

Уэйд ударом в гонг позвал слугу-индуса и что-то сказал ему на санскрите. Слуга тут же исчез и немного погодя появился снова с чемоданом в руке.

Все склонились над столом.

Слегка волнуясь, Балинский взял пачку фотографий и перерезал шпагат, которым они были перевязаны.

В ту же минуту из груди его вырвался невольный крик, где смешались гнев, изумление и отчаяние.

Мастерски изготовленные фотографические пластинки были черны, как ночь. Ни единого светлого пятнышка или полоски!

На несколько минут в зале воцарилась страшная, гробовая тишина.

Все сидели, как громом пораженные, не в силах вымолвить ни слова.

Наконец Балинский, смертельно побледнев, решился развязать вторую пачку.

Быть может, испорчена была только первая?..

Он лихорадочно разорвал шпагат... Снова та же беспросветная чернота...

Он схватил третью связку, четвертую... В каждой одно и то же!

— Такой эффект в определенных случаях может вызывать только электрическая энергия... — с трудом выговорил Ральф.

— Но ведь вчера вечером негативы были в полном порядке! — воскликнул Балинский в отчаянии. — Я ничего, ровным счетом ничего не понимаю!

— Все гораздо проще, чем вы полагаете, друзья мои, — вмешался в беседу Уэйд. — Здесь вмешалась злая человеческая воля. Негативы оказались засвеченными именно в тот момент, когда мы собирались их изучить.

— Но кому они понадобились и кто сыграл с нами такую скверную шутку?!

— Это мог сделать единственный человек на свете. Имя его — Ардавена...

— Но ведь вы сказали, что он почти безумен!

— Должно быть, поправился, потому что только он способен на самые невероятные чудеса. Впрочем, совсем скоро мы сами сможем в этом убедиться. Его монастырь находится всего в нескольких милях отсюда, и на автомобиле мы доберемся туда за четверть часа.

Все не мешкая принялись собираться в путь, надеясь наконец обрести ключ к таинственной ситуации, которая становилась тем более загадочной, чем упорнее пытались ее постигнуть.

Вскоре автомобиль резидента уже направлялся к монастырю по дороге, с двух сторон обсаженной пальмами.

До цели путешествия оставалось всего несколько километров, когда капитан, озиравший окрестности в бинокль, удивленно вскрикнул.

— Что там происходит? — обеспокоенно спросил Балинский.

— Не знаю, — тревожно бросил Уэйд. —

Я вижу только, как над монастырскими постройками поднимаются клубы дыма. Вероятно, там вспыхнул пожар, потому что люди разбегаются в разные стороны. Я почти не сомневаюсь, что все это имеет самую прямую связь с уничтожением фотопластинок и судьбой инженера Дарвела.

По приказу своего господина шофер включил третью передачу и через несколько минут машина затормозила в центре растерянной, взбудораженной толпы напротив зданий монастыря, из окон которых со зловещим гудением вырывались мощные языки пламени.

Увидев резидента, индусы почтительно расступились, а Уэйд, выбравшись из салона, принялся расспрашивать их о причине пожара.

Старец с длинной седой бородой сообщил, что монастырь загорелся от удара молнии.

— Шутить изволишь, почтеннейший, — сказал англичанин. — На небе ни облачка, да и грома никто не слышал. Наверняка дело тут в другом!

— Клянусь, что говорю истинную прав-

ду, сахиб, и это все могут подтвердить! Мы видели ослепительную молнию и слышали ужасающий грохот!

Волей-неволей Уэйдун пришлось принять слова старика на веру. Все допрошенные клялись страшными клятвами и твердили одно и то же.

Из ближайшей крепости вызвали отряд сипаев, которые энергично принялись тушить огонь, привезя с собой для этого все необходимое.

Пожрав соломенные кровли, пламя оказалось бессильным против толстых каменных стен и вскоре угасло.

Пожар еще не был окончательно потушен, а английский резидент вместе со своими друзьями уже спешил к келье Ардаваны на третьем этаже одной из башен.

Похоже, для всех четверых это был день сплошных неудач.

От обиталища брамина остались лишь почерневшие стены. Что касается крыши башни, она сгорела дотла.

Все вокруг было забрызгано мозгом, к стенам и полу присохли обгоревшие куски

мяса. Глядя на это страшное зрелище, все поняли, какая участь постигла Ардавену.

— Друзья мои, — дрожащим от волнения голосом произнес капитан Уэйд, — теперь наконец я понял все! Причиной несчастья послужила вовсе не молния. Это был болид!

Откуда он мог взяться? Конечно, только... только с Марса!..

Капитан не ошибся в своих предположениях.

Раскалившийся добела метеорит, который индусы приняли за молнию, промчавшись на бешеной скорости сквозь земную атмосферу, рухнул прямо на башню, со страшной силой пробил три каменных свода и уничтожил Ардавену.

Все пораженно молчали, не в силах вымолвить ни слова.

Молодые люди вдруг осознали, что оказались втянутыми в вихрь невероятных событий, но управлять ситуацией — не в их силах. Мертвую тишину первым нарушил Ральф.

— Мы должны непременно разыскать болид, тем более, что сэр Уэйд предпола-

гает его внеземное происхождение. Но как можно доказать, что он прилетел именно с Марса?

— Ну, об этом не беспокойтесь, — заверил его резидент. — Доводы я вам представлю, а когда все объясню, не сомневаюсь, что все вы признаете мою правоту.

Слуга-индус провел англичан вниз. Во всех перекрытиях до самого первого этажа зияло идеально круглое, словно выверенное по циркулю, отверстие. А сам метеорит зарылся в землю.

Вначале молодые люди увидели некий продолговатый предмет, вертикально вонзившийся в грунт. Метеорит был по-прежнему раскален добела и распространял вокруг себя невыносимый жар.

Но, к невыразимому удивлению всех четверых, этот необычный аэролит имел весьма правильную форму, по виду напоминая сигару с заостренными концами, но был не из камня и не из обычной метеоритной массы.

Пришлось вооружиться терпением и ждать, пока неведомый пришелец из бездны не остынет.

После этого десятка полтора сипаев, взяв железные ломы, с превеликим трудом извлекли болид из углубления, которое он пробил своей тяжестью, и перенесли в один из внутренних дворигов монастыря.

Там обнаружилось, что внутри «сигара» была полый, а на одном конце виднелось круглое отверстие с желобком по краям, где когда-то крепилась пружина, замыкавшая половинки капсулы.

— Мы с вами стали свидетелями события огромной важности! — торжественно произнес капитан. — То, что мы приняли за болид, на самом деле — стальная часть космического летательного аппарата, детально описанного Робертом.

— Но как объяснить то, — вмешался Ральф, — что капсула совершенно пуста, а самое главное, что она рухнула прямо на Ардавену? Поверьте, это гораздо более чем простая случайность!

— Несомненно! — подтвердил Балинский. — Могу ли я дать вам кое-какие объяснения, господа?

— На мой взгляд, это вряд ли возможно, — усомнился Ральф.

— Не исключено, что вы и правы, однако, почему бы не попробовать, призвав на помощь элементарную логику и восстановив изначальный ход событий. Выздоровление Ардавены для меня несомненный факт. Негативы засветил именно он, а руководили им зависть или злоба. Далее, никто кроме него не мог вернуть на Землю этот металлический снаряд, который перед тем он же и отправил на Марс; капсула побывала на этой каменной планете, подчинившись могучей воле брамина. Если Ардавена отправил снаряд в космос, он вполне мог и вернуть его обратно.

— В отличие от вас я не слишком в этом уверен, — заметил Ральф. — В таком случае почему Ардавена столь бессмысленно погиб?

— Наверняка он не учел, что скорость снаряда увеличится за счет притяжения Земли, а сама капсула будет стремиться к источнику управляющей ею энергии, то есть к мозгу Ардавены. Каковы были его намерения? Зачем он это сделал? На эти вопросы я ответить не могу и нам не стоит льстить себя надеждой, что нам когда-ни-

будь удастся пролить свет на эту тайну. Быть может, он хотел лишить Дарвела возможности вернуться обратно? Или поддерживал с ним телепатическую связь?

— Конечно, мы этого никогда не узнаем, — шепнул капитан Уэйд, — но в одном я уверен почти наверняка: отныне невидимые руки не станут уничтожать фотоснимков, которые нам теперь так нужны. Смерть освободила нас от главного врага!

— Лишь бы Роберт не перестал сигнализировать! — вздохнул Ральф.

— Через несколько дней мы это проверим, — заключил капитан.

Затем было решено вернуться на виллу английского резидента, куда с большими предосторожностями доставили и стальную капсулу, а Уэйд решил расспросить монастырских служек, не доводилось ли кому из них видеть ее в лаборатории Дарвела.

Через два дня драгоценные аппараты для межпланетной фотосъемки наконец прибыли в Карикали автофургоном.

Балинский с помощью Ральфа целый день устанавливал их на одной из террас

особняка. Вскоре Ральф, сильно волнуясь, проявил первые снимки и отпечатал их.

Альберта с Уэйдом просмотрели фотографии, и резидент радостно воскликнул:

— Есть сигналы! С тех пор, как этого негодяя Ардаваны не стало на свете, я мог бы побиться об заклад, что все пойдет отлично!

— Я надеюсь, что на сей раз мы будем более осмотрительны и сразу прочтем сообщение, переданное азбукой Морзе, — нетерпеливо продолжила его мысль Альберта.

И, поудобнее устроившись за письменным столом Уэйда, старательно принялась записывать то, что диктовал ей Ральф.

Вдруг капитан, который быстро читал знаки телеграфной азбуки с фотографий, которые держал в руках, с трудом сдерживая волнение, воскликнул:

— Друзья мои! К счастью, мы не ошиблись! Роберт жив, он на Марсе, а нам выпала честь принять оттуда первую в мире телеграмму!

И медленно, по слогам, прочел вслух:

— Роберт Дар-вел...

Связь между Марсом и Землей была установлена!

МРАК¹

...С наступлением ночи Роберт, невзирая на просьбы и слезы Эойи и всей своей свиты, углубился в джунгли, сопровождаемый единственно своим эрлоором, считая, что тот уже стал достаточно ручным. Вампир, тяжело взмахивая крыльями, летел впереди него.

Хорошо вооруженный, неся с собой запас продовольствия, Роберт следовал за своим провожатым, шагая по берегу канала. Так продолжалось несколько часов, пока на одной из полян вампир не покинул землянина, а немного погодя его собратья принялись слетаться сюда из всех уголков джунглей. К сожалению, люди были уже очень далеко...

¹ Этот неполный фрагмент является последним сообщением о Роберте Дарвеле, который, передавая свои сообщения, не объяснил, какое устройство он для этого использовал. (*Прим. авт.*)

Роберт с помощью кресала пытался развести огонь, который послужил бы ему надежной защитой, но прежде чем он успел это сделать, почувствовал на себе какие-то прочные путы наподобие лассо, мгновение спустя его скрутили по рукам и ногам, заткнули кляпом рот и утащили в чашу.

Когда Дарвел пытался освободиться, он получил сильный удар по голове каменным шаром, висевшим на конце веревки, которой его связали, и потерял сознание.

Очнулся он в полной темноте. Отовсюду слышался приглушенный шепот, шелест крыльев, а чье-то горячее дыхание касалось лица Роберта...

Где-то вдали громко журчал ручей.

В окружающем мраке сверкали мириады светящихся глаз. Казалось, что они образуют фосфорическую дымку.

Узилище показалось Роберту мрачным. Просторная пещера напоминала готический собор. Ее высокие своды и стены были покрыты крыльями эрлооров, как смертным саваном. Вампиры усеяли все вокруг...

Конец первой части

Литературно-художественное издание

Гюстав Леруж

ПЛЕННИК МАРСА

Фантастический роман

Художники *М. Жданова и Б. Мокрополов*

Художественный редактор *О. Владиславов*

Технический редактор *Т. Сайтарова*

Корректор *Е. Евсеева*

Сдано в набор 6.04.93. Подписано в печать 13.07.93.
Формат 84×108^{1/64}. Бум. книжн.-журн. Гарнитура литера-
турная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,04. Усл. кр.-отт.
13,04. Уч.-изд. л. 7,98. Тираж 50 000 экз. Заказ 497. Цена
свободная.

ОсОО «Янус», 614016, г. Пермь, а/я 10119.

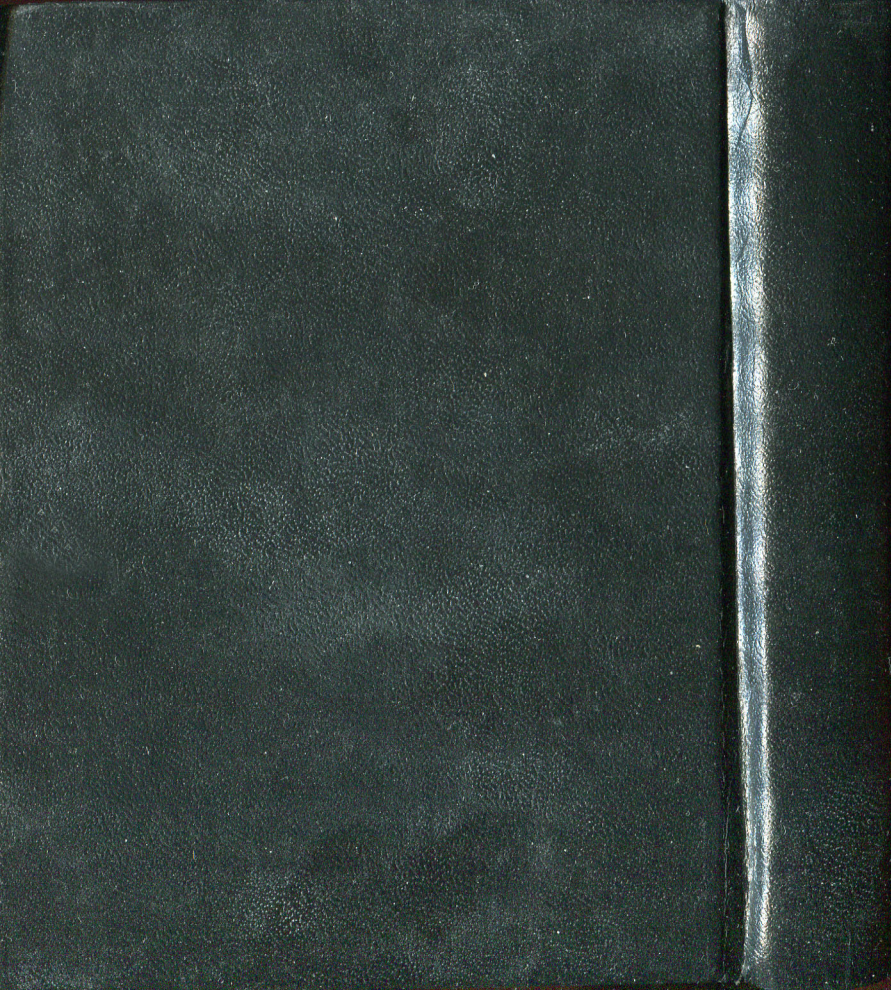
Малое предприятие «Книга». 614001, Пермь, ул. Коммуни-
стическая, 57.

Леруж Г.

Л49 Пленник Марса. Фантастический ро-
ман. Перевод с французского М. и
Е. Сушарников. — Пермь: «Янус»,
1993. — 304 с.

Роман-диалогия талантливого французского рома-
ниста Гюстава Леружа «Война вампиров» написан
в жанре фэнтези. Герой книги Роберт Дарвел про-
тив своей воли попал на Марс, населенный много-
образными разумными расами... И там такое
началось...

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

ПЕРМЬ
ЯНУС
1993

Пленник
Марса

Тюстаб Перуж